КОНАН
КОНАН
И ЛЛЯ
ПЕЧАТЬ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Один из популярнейших авторов «Саги о Конане» Олаф Локнит представляет читателям свой новый сериал-тетралогию «Трон Дракона». Вас ожидает увлекательное путешествие в мир киммерийца, вместе с его неразлучными спутниками – Мораддином, Велланом, Тотлантом, Рингой.

- Олаф Бьорн Локнит
  -
  - СОПРОВОДИТЕЛЬНОЕ СЛОВО К РУКОПИСЯМ
  - ГЛАВА ПЕРВАЯ
  - ГЛАВА ВТОРАЯ
  - ГЛАВА ТРЕТЬЯ
  - ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
  - ГЛАВА ПЯТАЯ
  - ГЛАВА ШЕСТАЯ
  - ГЛАВА СЕДЬМАЯ
  - ГЛАВА ВОСЬМАЯ
  - ЗАКЛЮЧЕНИЕ ЧАСТИ ПЕРВОЙ
- notes
  - 1

Олаф Бьорн Локнит
Алая печать

Посвящается Роберу Маэлю Монброну

И Валоне/Цинтии/Александре.

Что за манера – хватать друзей и

Впихивать их в свои романы!

СОПРОВОДИТЕЛЬНОЕ СЛОВО К РУКОПИСЯМ

Принимая на себя тяжкую ответственность пред ныне живущими, а такожде и поколениями будущего, пред всеми благородными (и не очень благородными, но в то же время весьма достойными) людьми, а с ними – и не-людьми, и далее пред каждым из наших общих друзей, с целью восстановления справедливости, торжества правды и развеивания предубеждений, сложившихся вокруг истории, вошедшей в летописи как «Час Дракона», мы имеем честь приступать к собиранию сих мемуарий в единый фолиант.

Увы нам, но распоряжениями вышестоящих – сиречь государей Аквилонии, Немедии, Зингары, Пограничного королевства и Рабирийских гор – нижеследующий труд, составленный из воспоминаний многих людей, запрещено копировать для лиц третьих в течение близлежащих пятидесяти оборотов солнечного круга, начиная отсчет с 1296 года по основанию королевства Аквилонского. Идея навести столь нелепую таинственность, как всякий догадается, принадлежала ни кому иному, как Его величеству Конану I, из благородного дома Канахов происходящему, каковой и выразил свое поведение в ставшей исторической фразе: «Ежели о том, по вашей вине, узнают за пределами замка короны – на ремни порежу!». Устрашившись сего грозного речения, мы, однако же, не оставили своих намерений, добившись у короля великой милости, сиречь разрешения сделать еще четыре копии мемуара, дабы разослать их ко дворам государя Нимеда Второго, королевы Чабелы Зингарской, засим и в Вольфгард, Эрхарду Оборотню, а после и небезызвестному Драго, владетелю Рабиров. Повелитель Конан милостиво согласился, не переставая однако же грозить страшными карами за раскрытие тайны. Монарший гнев охладила лишь вторая историческая фраза, изреченная королевой Зенобией: «И что ты мечешься? Все равно узнают!»

О чем же предстоит узнать читателям нижеприведенного труда и кто такие «мы»?

Ответим на вопросы не по порядку, но по важности.

Составлен мемуар трудами многих людей, как то упомянуто, но лишь двое удосужились взять на себя заботу о сведении рукописей в единую историю, где каждое воспоминание следует за предыдущим в логической очередности и стройной соразмерности, образуя тем изрядно волнующее любого знатока литературных меморий повествование.

Сию тяжкую ношу приняли на плечи двое. От лица

Аквилонской монархии – Хальк, барон Юсдаль-младший из Гандерланда, библиотекарь и тайный советник короля Конана. Со стороны же Немедии – барон Хэлкарс Целлиг, хранитель королевских анналов Истины, алхимик и собиратель редкостей.

(**Примечание от Халька**: с изумлением обнаружил не столь уж и давно, что месьор Целлиг является не более, не менее как одним из древнейших приятелей государя Конана, с коим они проводили годы бурной молодости в небезызвестном Шадизаре. Какую воровскую кличку носил тогда Конан, мне не известно, однако же Хэлкарс раскрыл мне тайну своего наименования: Хисс Змеиный Язык. Что привело столь благородного человека в Шадизар, мне неведомо, но я надеюсь однажды раскрыть истину…).

(**Примечание от Хэлкарса Целлига, сделанное на полях рукописи**: Его звали Малышом!).

Теперь же стоит рассказать о глубинной сути нашей долгой повести. Как всем известно, события 1294–1295 годов от основания Аквилонии сотрясли основы тысячелетней Немедийской монархии, и о тех изумительных, таинственных и грозных днях сказано уже немало в королевских и храмовых летописях. Уяснив, что зачастую общее представление об имевшем место неспокойствии, обуявшем центр Материка, весьма расходится с истинным положением дел, Хальк Юсдаль и Хэлкарс Целлиг решили самоотверженно восстановить истину. С чем и обратились мы к непосредственным участникам прогремевших тайных и явных сражений с просьбою записать самостоятельно или продиктовать нам свои воспоминания или же представить дневники, ежели таковые велись. Результат превзошел любые ожидания, ибо каждый счел своим долгом ознакомить нас со своей точкой зрения на Драконий Час, мнением своих друзей, родственников и просто случайных людей, затесавшихся в эту удивительную историю со стороны.

Однако не будем раскрывать всех тайн! Читайте, изумляйтесь, сравнивайте, выводите умозаключения, а самое главное – взгляните на события дней былых глазами непосредственных свидетелей.

И помните: то, что выглядит как дракон далеко не всегда является настоящим драконом! Равно и наоборот.

Аквилония, Тарантия. Подписано на Праздник Йуле 1296 года собственной рукой Халька Юсдаля из Гандерланда, а с ним и удостоверяется росчерком Хэлкарса, барона Целлига из Бельверуса.

ГЛАВА ПЕРВАЯ
Из воспоминаний графа Монброна – I
«О душевном согласии»

Аквилония, Тарантия.
20 день Третьей зимней луны 1294 года
от основания королевства.

– Сударь, чаша моего терпения переполнена! Я крайне недоволен столь безответственным отношением к принятому на себя долгу! Во-первых, вы дворянин и не имеете права расценивать государственную службу как личное развлечение. Во-вторых, здесь не королевская псарня, не кухня и уж точно не канцелярия месьора Публио. В отличие от господина канцлера, я требую порядка, порядка и еще раз порядка! В-третьих, я уже несколько дней не могу дождаться развернутого доклада о вашей поездке в Хоршемиш. Доколе? Доколе, я спрашиваю, будет продолжаться это безобразие? Может быть, вы желаете оставить службу и вернуться в Танасул? Заняться выращиванием цыплят? Перестройкой фамильного замка? Или, допустим, торговлей?

Тут я не выдержал и пробубнил:

– Господин барон, как вы совершенно правильно изволили заметить, я дворянин и, следовательно, заниматься торговлей мне не пристало…

– Ах, значит, не пристало? А манкировать своими обязанностями перед государством и королем, судя по вашей логике, дело вполне дозволительное и благородное? Доклад я жду завтра же! Никакие отговорки не принимаются. Можете присесть, сударь.

Тут я не выдержал второй раз. Извлек из рукава колета плотный, свернутый в трубочку пергаментный свиток, промаршировал вокруг громадного овального стол и почтительно положил злосчастный доклад перед бароном Гленнором, сопроводив сие действие коротким холодным поклоном. Получите-с!

Барон покосился на свиток, поднял взгляд на меня, вздернул брови и снисходительно отодвинул пергамент в сторону.

– Мой дорогой Маэль, я всегда знал, что ты не безнадежен, – их светлость соизволили ухмыльнуться. – Надеюсь, написано без ошибок и твердой рукой?

Я гордо развернулся и отправился на свое место, сопровождаемый веселыми взглядами остальных гостей господина барона. Гленнор вздохнул, побарабанил пальцами по столешнице красного дерева, и вынес негромкий приговор:

– Что ж, с месьором ди Монброном мы разобрались. Теперь ваша очередь, граф Кертис.

Мои собратья по мученичеству со злорадством уставились на очередную жертву неутомимого барона Гленнора. Я же уселся в кресло, сцепил пальцы замком, уперся в них подбородком, сделал вид, что внимаю поучениям и попрекам нашего досточтимого патрона, а сам ушел в размышления о предстоящем вечере…

Да, милостиво прошу извинить за забывчивость. Зовут меня Маэль, граф ди Монброн из династии Монбронов Танасульских. Мне целых двадцать семь лет, и пять последних из них я занимаюсь невероятно важным делом: состою на государственной службе в ведомстве со скучным названием «Департамент по охранению и поддержанию душевного согласия в делах королевств Заката, а такодже иных стран и земель». Наименование не только скучное, но и, на мой взгляд, наиглупейшее. За сим вычурным фасадом скрываются довольно простые и неприглядные понятия, как то: соглядатайство, присмотр за чужими тайнами, что торговыми, что политическими, всяческого рода вынюхивание, подсматривание и подслушивание, шантаж, вымогательство, частенько убийство и так далее, и так далее…

Вот такое у нас царит душевное согласие. Другими словами, наш департамент, именуемый старинным аквилонским словечком «Латерана» (что в переводе на язык нынешних времен означает «Чертополох»), является тайной службой нашего богоспасаемого королевства. «Чертополохом» нас прозвали не зря – такие же прилипчивые, колючие и настырные. Вдобавок «Латераной» именуется загородное поместье его милости барона Гленнора, уже двадцать лет бессменно трудящегося на поприще узаконенного злодейства. Гленнор занял пост главы «Душевного согласия» еще при короле Вилере, и выкорчевать господина барона из его мягкого кресла столь же трудно, сколь и чертополох с грядки. Уж простите за дурацкий каламбур.

А кто во всем виноват? Кто в ответе за то обстоятельство, что дворянин с родословной, уходящей ко временам Эпимитриуса, сорок второй граф ди Монброн, виконт Эрвиллер, сеньор Аланкура и прилегающих земель, а также прочая, прочая и прочая, занялся столь неподобающим ремеслом (хотя в Аквилонии имеется стойкая дворянская традиция службы в Латеране – оказывается, быть лазутчиком, а проще говоря,

шпионом, за границей для дворянина ничуть не позорно)?

По чьей вине я, вместо того, чтобы сидеть в родовом замке, разъезжать по турнирам и охотам, процветать и благоденствовать в стенах фамильного гнезда, расположенного среди плодородных земель Танасульского герцогства, уже пять лет верчусь, как бурундук в колесе? Бесчисленные разъезды, нескончаемые путешествия, опасные и не всегда чистоплотные поручения, каковые я, стиснув зубы, вынужден исполнять беспрекословно! Нудная бумажная работа, выражающаяся в составлении докладов и отчетов! Великие боги, как хорошо было в пиратах! То есть, простите, не в пиратах, а в королевских корсарах Его величества Фердруго Зингарского… Впрочем, это совсем другая история, и расскажу я ее несколько позже. Сейчас я требую у самого себя ответа на вопрос – кто виноват?

Они! Кто «они»? Перечисляю по порядку – дракон по имени Геллир, прекрасная дама Агнесса ди Вальехо из Зингары, мой собственный предок, которому не лежится в могиле уже четвертую сотню лет, и, разумеется, некий Конан Канах, теперь известный как король Аквилонии.

* * *

Словом, почти ровно десять лет назад, я, потворствуя семейной традиции и еще не остывшему юношескому пылу, отправился охотиться за драконами. Не надо скалиться, не вижу ничего смешного! Монброны спокон веку являлись потомственными драконоборцами. Причина сего занятия кроется в одной очень древней и донельзя неприятной истории, связанной с тем самым моим предком, который несколько столетий слоняется по Закатному Материку, корчит из себя мага и вообще являет собой человека в общении крайне неприятного.

В те памятные времена я оказался в Карташене Зингарской. Милый тихенький городочек, по сравнению с Тарантией или Кордавой – глушь и провинция… Но! Возле Карташены внезапно объявился дракон! И не какой-нибудь захудалый виверн или амфитерн. Настоящий геральдический дракон! Четыре лапы, два крыла, длинный хвост и огнедышащая пасть. Вдобавок – редкий золотисто-бронзовый окрас чешуи. Красота! Какой трофей!

Одна беда – названный дракон по имени Геллир был самым последним в роду геральдических крылатых змеев и охотился на него не только я один.

Вторым претендентом на голову, хвост, крылья, клыки и когти Геллира являлся капитан Конан Киммериец, хозяин, владелец и безраздельный повелитель карака «Вестрел», королевский корсар и фаворит ее высочества принцессы Чабелы Зингарской.

Конану требовался отнюдь не дракон – варвара прельщали большое вознаграждение, обещанное за жизнь чудовища, и, как всегда, личная слава. В общем, это долгая история, с которой любые желающие могут ознакомиться в королевской библиотеке Тарантии – пару лет назад я рассказал все подробности нашего с Конаном приключения хранителю книжных анналов замка короны Хальку, барону Юсдалю. Хальк скрупулезно записал мою повесть, подшил пергаменты… Словом, идите и читайте.

Каковы же были последствия событий тех лет? Дракон, обретя сокровище – яйцо с двумя зародышами-дракончиками – улетел, мы с Конаном решили, что убивать Геллира вовсе не следует, прекрасная дама Агнесса вышла замуж, но увы, не за меня, досточтимый предок, ошивавшийся неподалеку и чинивший всем мелкие гадости, удалился в долгое странствие, а ваш покорнейший слуга, дабы избавиться от недуга безответной любви, попросился в команду «Вестрела», куда и был принят Конаном и его ближайшими сподвижниками.

Следующие пять лет я провел исключительно весело и хлопотно. Нас постоянно кто-то ловил, мы кого-то грабили, горели, тонули, искали сокровища и теряли их, с достойным уважения постоянством безобразничали в Кордаве, разнося в щепки портовые кабаки, а в результате принцесса Чабела вынуждена была постоянно заступаться за нас перед папочкой-королем… Через полтора года после событий с драконом Геллиром, Конан покинул нашу разудалую команду, потому что «Вестрел», к сожалению, погиб, а команда разбежалась кто куда. Киммериец, насколько я знаю, отправился на Полночь, я же вместе с Сигурдом и Зелтраном, ближайшими друзьями и помощниками Конана, вернулся в Кордаву. На старые сбережения мы купили новый корабль, окрестили его «Крылатым змеем» и вплоть до 1288 года по основанию Аквилонии продолжали бороздить Закатный океан в поисках приключений, золота и просто интересной жизни.

Жарким летом упомянутого года в Кордаву, в гавани которой стоял наш карак, пришли невероятные известия. Государственный переворот в Аквилонии! Пуантенская партия наконец одержала верх в многолетней борьбе с Нумедидесом и династией Эпимитреев! Трон, однако, достался вовсе не герцогу Пуантена Троцеро и не его многообещающему племяннику Просперо, а

никому не известному человеку с варварским именем Конан Канах.

В Кордаве сначала никто не поверил столь невероятным слухам. Когда же из Тарантии явилось официальное посольство, я, Сигурд и Зелтран поняли, что невозможное все-таки стало реальностью – мы отлично знали о предсказании, данном нашему прежнему капитану, Конан частенько любил позубоскалить над невежеством и лживыми посулами оракулов. Напредсказывали, понимаешь, Нергал знает что!

Тогдашние события я понял так: пуантенские герцоги, конечно же, имели права на аквилонский трон, пускай и весьма призрачные. Но, если бы Троцеро короновался, немедленно восстали бы Боссония и Гандерланд, затем гражданская война, распад страны… Лучшим кандидатом на королевское звание казалась личность, не принадлежавшая к благородным семьям Аквилонии, человек со стороны. Причем человек достаточно сильный, умный и расчетливый, способный при поддержке пуантенцев крепко взять власть. Троцеро с племянником такого человека нашли. Выбор, конечно, странный: безродный варвар, с точки зрения любого дворянина – дикарь, необразованный наемник, хам и подзаборный пес… Я, впрочем, мог сообразить, чего стоит такой «подзаборный пес». Согласен, Конан не имел опыта управления страной, но у него были прекрасные советники – Просперо, старый герцог Публио Форсеза, назначенный государственным канцлером, и, между прочим, столь обожаемый мною барон Гленнор. Старый лис, предводитель Латераны, мгновенно понял, куда ветер дует, и незамедлительно поставил свою неприметную организацию на службу новому королю.

Однако я увлекся. Что же поделывал в это время уже знакомый вам Маэль Монброн?

К третьему летнему месяцу 1288 года в Кордаву внезапно (как всегда!) заявился мой бессмертный родственничек. Райан Танасульский во всей красе – нечто среднее между странствующим рыцарем без единого золотого в кармане, бродячим фигляром и мошенником на доверии. Как обычно, злосчастного предка сопровождала большая рыжая собака с плоской мордой, обрубленным хвостом и скверным характером. Подозреваю, что псу тоже перепала часть бессмертия Райана.

– Деточка, все пиратствуешь? – с обычным змеиным ядом в голосе вопросил предок, отыскав меня в кабаке с лирическим наименованием «Морская свинья». – Не надоело ли? Твой папенька, между прочим, заждался возвращения наследника…

– А тебя Нергал заждался, аж рыдает от одиночества, наверное, – грубо ответил я. Долгое общение с пиратами, знаете

ли, не способствует куртуазии речи. – Зачем пришел?

– Фу, как невежливо, – притворно оскорбился Райан. – Потомство должно уважать прародителей, тебя никогда не учили этой догме? Вдобавок я старше тебя почти на пятьсот лет.

– Ладно, оставим, – поморщился я. – Надеюсь, теперь досточтимый предок милостиво соизволит объяснить причину своего появления? А заодно перестанет гнусить об избранном мною поприще? Может, вспомнишь, кто именно посоветовал любезному потомку уйти в пираты?

Это была истинная правда. Именно Райан, видя мои душевные терзания из-за графини Агнессы, авторитетно заявил, что любовную страсть можно излечить лишь хорошим путешествием, перемежаемым хорошими драками. А я, молодой и неопытный, согласился с этим малодостоверным постулатом.

– Возвращайся домой, – серьезно ответил Райан и отнюдь не по-старчески одним махом опрокинул полную кружку вина. – Но не в Танасул, папенька подождет. Тем более, твои братцы дожидаются наследства, пребывая в полной уверенности, что старшенький пропал навсегда и делить графскую корону вместе с землями придется без твоего участия.

– Что мне делать в Тарантии? – я ошеломленно развел руками. – Конечно, дворянин с моей родословной может пристроиться даже в столице великого королевства, но я не вижу там для себя никакого подходящего занятия. К тому же после переворота, случившегося весной, вовсю идет дележ должностей и привилегии. Чужака к государственной кормушке никто не подпустит. Кроме того, я привык к морю…

– Великий Митра и Всеблагая Иштар! – взвыл предок, поднимая взгляд к потолку. – Неужели из тебя до сих пор не выветрился отвратительный дух романтики, коим ты был пропитан пять лет назад? Говоришь, к кормушке не подпустят? И дела интересного не найдется? Послушай лучше, что тебе скажет старый Райан…

Проклятущий предок нагнулся к моему уху и начал горячо нашептывать. Что ни говори, а дар убеждения у Райана за четыреста с лишним лет никуда не пропал. Короче говоря, следующим утром я явился на борт корабля, сообщил капитану Сигурду, что теперь моя жизнь мне не принадлежит и я обязан покинуть теплое Полуденное Побережье, сменив его на туманные просторы родной Аквилонии.

Опытный Сигурд немедля спросил:

– Юбка или политика? Если юбка – не отпущу. Если политика, тогда дело обстоит серьезнее – пускай Имир указывает тебе путь.

– Политика, – признался я, будучи не в состоянии врать своему капитану.

– Ага, понял, – ухмыльнулся в бороду морской бродяга из Ванахейма. – Собирай мешок, возьми свою долю из добычи и поезжай. Увидишь капитана Конана – передавай поклон от Сигурда.

И как он только догадался?

В Аквилонию я добирался в одиночестве. Предок, правда, намекнул, что мы еще встретимся, но после беседы в таверне «Морская свинья» злокозненный Райан исчез бесследно. Счел, что миссия по совращению потомка с истинного пути на кривые дорожки неизвестности выполнена целиком. Старый авантюрист. И собака у него противная.

Дороги, дороги… В обход зловещих Рабирийских гор по берегу Хорота до аквилонской границы, затем паромная переправа через Алиману, затем в Гайярд, столицу герцогства, оттуда – снова на реку. Последняя переправа – и вот передо мной Дорога Королей, широкий мощеный тракт, проходящий через главный город нашего славного Аквилонского королевства.

Ничего особенного по пути я не заметил. Разъезды дорожной стражи, как и много лет назад, норовят взять лишнее, парома, как обычно, не дождешься, в кабаках и постоялых дворах обсчитывают, но в целом… Обычная жизнь. Разве что вензель на гербах сменился, две буквы «К» – «Конан Канах». Наш удалой капитан принял под свою руку огромное государство.

Тарантия, однако, выглядела несколько по-другому, чем прежде. Последний раз я был в столице проездом пять лет назад и поспешил ее покинуть. Стареющий Нумедидес решил, что будет проще сохранить трон и корону не благодаря своей милости или мудрости государственных мужей, но при помощи устрашения. Виселицы, каждодневные казни «заговорщиков»; Железная Башня стала настоящим пугалом для любого добропорядочного подданного… Теперь столица украшена знаменами (в основном пуантенскими), народ пребывает в некоторой растерянности, а следовательно, пьет больше обычного, пошлина на въезд в город снижена аж в целых три раза, но виселицы без дела не простаивают – Конан человек умный и знает, что утвердиться в новом положении ему помогут два главнейших деяния: щедроты со стороны короны по отношению к подданным и публичное повешение наиболее запятнавших себя фаворитов времен прошлого царствования.

Я остановился в скромной, но чистенькой таверне на окраине города, сбегал во дворец, подав в канцелярию прошение о личной встрече с королем, получил ответ, что таковой встречи ждать

придется не меньше трех-четырех лун («Его величество очень занят важными государственными делами, а поэтому вам, граф, придется подождать. И герцоги, и принцы ждут, ничего не поделаешь, ваша милость»). Иные просители, дожидавшиеся в приемной, довольно прозрачно (хотя и шепотом) намекнули мне, что в королевстве есть только два или три человека, которым аудиенции не приходится никогда, и сей список возглавляет некая Эвисанда, графиня Аттиос, с коей – о ужас! – новый король в открытую сожительствует, несмотря на то, что госпожа графиня замужем!

Узнаю замашки нашего капитана. Приличия его интересовали только тогда, когда ему это было выгодно.

Удивление мое было безмерным, когда ровно через двое суток в таверну «Полная луна» заявились четверо королевских гвардейцев в черно-серебряной форме Черных Драконов и спросили у хозяина, здесь ли проживает Маэль ди Монброн. Такового Монброна приказано доставить к королю живыми или мертвым, но лучше живым.

Он принял меня в небольшом кабинете жилого крыла дворца. В замке странно пахло и я не сразу понял, что тарантийская крепость провоняла краской – начало нового царствования решили ознаменовать грандиозным ремонтом. Варвар, как и прежде, одевался без всякой роскоши, внешне почти не изменился, только темные волосы у висков чуть посеребрились.

– Ага, вот и мое прошлое, – безапелляционно заявил король, едва я миновал порог кабинета. – Ну, Маэль, зачем явился? Титулов, чинов, денег? Просьбы, прошения, челобитные?

– Э… Просто в гости, – запнулся я. – Честное слово, мне ничего не надо! Конан, как ты мог подумать такое? Денег мы с Сигурдом заработали достаточно…

– С Сигурдом? – восхищенно воскликнул Конан. – Старый морской волк еще промышляет у Полуденных берегов? А ну, садись, наливай вина и рассказывай! В подробностях! В гости он приехал, надо же! Сейчас слезу пущу от умиления!

Мы напились. Следующим утром король предложил мне на выбор патент офицера королевской гвардии, должность при канцелярии его светлости месьора Публио или…

– Есть в нашем… то есть в моем королевстве такое интересное местечко, – хитро поглядывая на меня, сказал Конан. – Называется оно Латераной, Чертополохом. В общем-то это небольшой департамент, располагающийся вдобавок за городом. Тамошний начальник, барон Гленнор, недавно жаловался, будто при Нумедидесе в Латеране образовался недостаток сообразительных молодых людей, дворян, способные

выполнять всяческие странноватые поручения.

– Латерана? – насторожился я. – Что-то слышал… Раньше. Какие-то темные делишки.

– Не темные, а государственные, – фыркнул король. – В общем, держи пергамент с моей личной рекомендацией и отправляйся в Тауранское предместье города. У стражи спросишь, где вилла «Латерана». Когда приедешь, немедля просись именем короля к барону Гленнору. А с ним лично договоришься.

Вот так, благодаря королю, я второй раз избрал жизненную дорогу. Пришлось год учиться в особой школе при Тарантийской Обители Мудрости (как раз тогда мимо меня прошли все интересные события, связанные с Полуночной Грозой и появлением Зеленого Огня), затем выполнять мелкие поручения (а в это время Аквилония воевала с Офиром…), через два с лишним года я отправился с особой миссией в Аграпур (и тут же в Аквилонии случились неприятности, связанные с Порталом Хаоса…). Без меня Великое Посольство отправилось заключать договор на Полуденное Побережье, без меня устраняли кофийского тирана Страбонуса, без меня выиграли очередную войну с пиктами. Мне же приходилось корчить из себя то посланника по особым поручениям при дворе туранского императора, то похищать документы иранистанского шада, то убегать от погонь, то гоняться за злодеями короны. Не скажу, что это было неинтересно, но все-таки самое захватывающее всегда доставалось кому-то другому. Лишь полгода назад приказом барона Гленнора меня наконец-то вытащили из Кофа (я трудился в должности военного посланника Аквилонии) и позволили остаться в Тарантии.

Короля за прошедшее время я видел считанные несколько раз, пакостный предок вообще не показывался. Но сегодня с утра я внезапно получил приглашение от Конана явиться на званый ужин «для друзей». Первый раз за пять лет беспорочной службы.

Спасибо, Ваше величество.

* * *

Въедливый барон Гленнор задержал нас до четвертого послеполуденного колокола. Нас – это полную дюжину конфидентов, трудившихся на поприще душевного согласия в королевствах, граничащих с Аквилонией. Лишь когда небольшая кабинетная клепсидра офирской работы отбила четыре удара,

господин барон решил, что подчиненные прониклись серьезностью положения, выслушали надлежащие порицания и готовы со всем рвением и усердием приступать к дальнейшим трудам во славу и благо Трона Льва.

По счастью, мне не досталось очередного поручения, связанного с дальними поездками. Гленнор похлопал меня по плечу, повздыхал и сказал только, что, мол, месьору графу Монброну следовало бы отдохнуть, рассеяться и непременно развлечься. Ты, мой милый граф, вроде бы собираешься нынешним вечером к королю? (Митра Светоносный, откуда он знает про приглашение?! Впрочем, Гленнор по должности обязан знать все и обо всех). Чудесненько, драгоценный мой Маэль. Их величество устраивает замечательные вечеринки! Только смотри, любезный граф, не увлекайся. А заодно… Вот, передай лично в руки королю. И желательно до того, как он напьется.

Барон сунул мне в руки толстый пакет, украшенный аж пятью синими печатями с гербом Латераны – перо и кинжал в обрамлении венка из переплетенных розы и чертополоха. Вообще-то данный символ является гербом поместья месьора Гленнора, но за много лет он стал непризнанной эмблемой нашей тайной службы. Мне, например, гораздо больше нравится герб Вертрауэна, наших немедийских заклятых друзей – Пятый департамент, секретная служба короля Немедии, украшается стоящим на задних лапах геральдическим драконом, сжимающим восьмилучевый моргенштерн.

Я откланялся, спустился по боковой лестнице к конюшням, отлично выдрессированные конюхи немедленно привели мою серую в яблоках кобылу зингарской породы, я забрался в седло и отправился в город.

Терпеть не могу весну, особенно раннюю! Даже здесь, в отлично обустроенных и чистеньких предместьях Тарантии, где живут очень богатые и влиятельные люди, парковые дорожки более напоминают хорошо разваренный кисель. Отвратительная смесь тающего снега, грязи, прелых прошлогодних листьев и ледяной воды. Вилла «Латерана» осталась позади, я свернул на совершенно разбитый колесами повозок и лошадиными копытами проезд, ведущий мимо огромного и роскошнейшего загородного дворца канцлера Публио (любопытно, на какие средства старик Публио может позволять себе подобные экзерсисы? Едва деньги требуются на нужды государства, канцер начинает бледнеть и вздыхать о пустой казне, но, как только заходит речь о его собственных утехах, казначейство немедленно отпускает надлежащие суммы «на обеспечение канцелярии его светлости». До сих пор удивляюсь, почему Конан смотрит на неприкрытое

воровство канцлера сквозь пальцы…).

Наконец-то! Мощеная дорога! Значит, Тарантия уже близко. Несколько поворотов, и вот из-за голых черных деревьев выплывают грандиозные бастионы столичных укреплений. У Звездных ворот, что расположены со стороны полуденного восхода, мается бездельем городская стража – весна, распутица, проезжающих мало, купцы предпочитают дождаться более теплых дней, а провинциальные дворяне в такое скользкое время года отсиживаются в своих замках, не нанося лишних визитов в города. Оживленно лишь у Полуденных ворот – как-никак, именно там прерывается Дорога Королей.

Меня лениво окликнули, я, отбросив плащ, молча продемонстрировал доблестным блюстителям свой темно-синий колет, расшитый листочками чертополоха, и стража почтительно попятилась. Форменные мундиры Латераны уважаются ничуть не меньше, чем угольные одеяния любимцев короля, Черных Драконов. Однако я уловил едва слышное шипение: «Опять колючки поехали! Мотаются туда-сюда каждый день, делать им нечего… Согласие берегут!». «Колючки» – это заглазное прозвище служащих нашего тихого ведомства. Я гордо сделал вид, будто ничего не расслышал, и окунулся в шум тарантийских улиц.

Город устроен очень просто и заблудиться в Тарантии почти невозможно. Три главнейших улицы отходят от замка Короны лучами на восход, полуденный и полуночный восход соответственно. Следуя по широкой набережной Хорота, можно проехать город из конца в конец всего за три четверти колокола. Я говорю о старинной части Тарантии, ибо на противоположном, закатном берегу реки за последние десятилетия выросло множество новых кварталов, облепивших знаменитую Обитель Мудрости – лучшее учебное заведение Закатных королевств. Хотя для нашей тайной службы наименование «Обитель Мудрости» чаще всего звучит как «Источник Вечного Беспокойства» и «Рассадник Вольнодумной Заразы». Многоученая молодежь по резвости характера и просто от скуки частенько причиняет барону Гленнору изрядную головную боль. То заговор затеют (обычно, абсолютно бездарный), то памфлеты начнут распространять (частенько талантливые), то в ересь впадут (причем поголовно). А Латеране приходится со всеми этими бедствиями разбираться и по настоятельному приказу короля по возможности мягко и милосердно вправлять мозги виновным.

Моя кобыла, носившая легкомысленное зингарское имечко Бебита, выбралась из сети переулков на площадь святого Эпимитриуса. Далее я направил лошадь по Королевской улице – широчайшему и очень красивому проезду Тарантии,

застроенному огромными домами в целых четыре этажа высотой. Вообще-то здесь расположены государственные управы, казначейство, таможня или, например, городская резиденция все того же Публио, но почему-то один из самых богатых особняков (мрамор, позолота, резные деревянные решетки на окнах) украшен красными фонарями. Я слышал, будто сие заведение, носящее прямо-таки антигосударственное название «Королевская милость» (кошмар! Разве можно упоминать титул монарха на вывеске борделя!) принадлежит некоей Мамаше Курodье, а Мамаша – ни больше, ни меньше, как старая приятельница Конана, сумевшая оказать нашему киммерийцу весьма ценную услугу в беспокойные времена Мятежа Четырех. Следовательно, выкурить не приличествующий центральной части города вертеп на окраины столицы будет невозможно до времени, пока Конан не покинет трон. Или пока Мамашу не оставит королевская милость – каламбур не лучший, но показательный.

Вот и замок. Багровое знамя на шпиле, каменные львы, засиженные голубями, конный памятник королю Сигиберту Завоевателю, стража, усиленно изображающая деловитость и серьезность, окованные железом ворота… Если в город меня пропустили беспрепятственно, то войти во дворец будет посложнее. Случалось, в замок не пропускали даже спешных гонцов, отбирая у них депеши на входе. Конан не боится заговоров, просто порядок такой.

Я спешился у калитки, перехватил грозно-пристальные взгляды Драконов и поспешил вынуть из разреза рукава колета пергамент с подписью Конана.

– По личному приглашению Его величества, – осторожно сказал я и предъявил бумагу старшему офицеру караула. Пергамент внимательно изучили, печать поковыряли ногтем (не поддельная ли?), и явно нехотя ответили:

– Проходи, почтенный. Конюшня во внутреннем дворе направо. Там обратишься к распорядителю, чтобы тебя проводили.

Распорядителем оказался низенький лысый человечек в золоте и бархате – он стоял у дверей главной лестницы замка. Меня вежливо попросили оставить оружие на сохранение, снова изучили приглашение, проедая пергамент глазами до дыр. Лишь затем был кликнут один из лакеев (не верю я, что это простой лакей, слишком рожа умная. И взгляд цербера, какой вырабатывается только за много лет службы в Латеране), и я отправился в недра дворца.

Замок ремонтировали всего пять-шесть лет назад, поэтому внутренние помещения поражают чистотой и строгой роскошью

обновленной древности. Серебряные зеркала, витражи на окнах, гобелены с героическими и историческими сюжетами. Вот этот, например, изображает усекновение головы короля Страбонуса его величеством Конаном Канах в битве при Хоршемише. А этот посвящен подвигу короля Гвайнарда Мудрого, который в одиночку, лишь в сопровождении оруженосца, пробрался в вражеский город и открыл ворота твердыни своей доблестной армии. Направо, извольте видеть, статуя черного гранита – великая королева Алиенор, просветительница и строительница храмов, закладывает первый камень в основание крепости Шамар. Бесчисленные картины, рыцарские доспехи, мечи на стенах, мозаики, тяжелые серебряные подсвечники – варвару досталось неплохое наследство от коронованных предшественников. В самом конце длинного коридора обнаружился трофей, добытый Конаном – позолоченные доспехи бывшего, ныне покойного, короля Офира Амальрика. Такая вот галерея славы Аквилонии.

Закатное жилое крыло дворца. Мы шествовали по второму этажу, через личные покои Его величества. На третьем, как известно, расположена библиотека, занимающая огромные помещения. Конан может гордиться своим книжным собранием. Более десяти тысяч томов, свитков и рукописей сделают честь самому процветающему митрианскому монастырю, не то, что обиталищу монарха.

– Ждать здесь, никуда не уходить, – деревянным голосом сказал мой сопровождающий, остановившись у каких-то дверей. – Я доложу.

Ну иди, докладывай. Время еще есть – мне назначено только к седьмому колоколу, а сейчас еще и шестой не отбил. Безусловно, я знаю, что правила этикета категорически не одобряют прибытие в гости к венценосной особе раньше указанного срока, но, как я предполагаю, Конан за свои неполные шесть лет королевствования меньше всего проникся строгими дворцовыми правилами. Слово «этикет» он вспоминает только на краткое время заседаний Большого Государственного Совета, пышных церемоний (он терпеть их не может) или приема чужестранных послов.

Из полумрака вынырнул строгий лакей. Глянул на меня высокомерно и провозгласил:

– Его величество заняты…

– Важными государственными делами? – не удержался я.

– Нет, Его величество дают приватную аудиенцию ее светлости графине Альбионе Каэтос.

Выражение лица опытного служаки не изменилось. Моя физиономия, подозреваю, все-таки не скрыла чувств – знаем-

знаем мы такие аудиенции. Особенно приватные… Ладно, не будем прерывать важную беседу между королем и безутешной графиней, которая не столь давно потеряла мужа – старый граф Каэтос скончался от огорчения всего три луны назад (к вящей радости супруги-наследницы и облегчению Конана, которого старик грозился вызвать на поединок за оскорбление целомудренности его брака, освященного митрианским церемониалом).

Меня препроводили в комнату для гостей, налили вина и усадили в кресло. Я цедил розовое пуантенское из тонкостенного золотого кубка, рассматривал обстановку и пытался сообразить, долго ли Конан собирается приватно утешать несчастную вдову. Неплохо зная Конана, можно предположить, что ожидание затянется.

– Граф! Все те же и все там же! Маэль, давненько не виделись!

– Господин барон? – я вскочил и слегка поклонился. Выглядел мой жест нелепо, потому что правая рука сжимала бокал. – Ты по-прежнему травишь книжных червей в библиотеке?

– О, нет! Столь тяжелую обязанность я обычно перекладываю на помощников. Должны же они хоть чем-то заниматься?

Моим глазам явил себя высокий человек с русыми волосами и короткой светлой бородкой. Месьор королевский библиотекарь и советник Его величества Хальк, барон Юсдаль-младший. Как утверждают и злые и добрые языки, один из умнейший людей Аквилонии. Далее оценки расходятся – недоброжелатели клянутся, будто Хальк есть редкостный проныра и безродный гандерский авантюрист, втершийся в доверие к простодушному монарху, а друзья считают, что лучшего советника Конану не надо и искать. Да, бесспорно, барон Юсдаль происходит из не самой известной семьи, не наследует земли отца, однако это вовсе не является пороком, особенно во времена правления короля-варвара. Зато Хальк образован, умен, в меру нахален и безмерно любопытен. Между прочим, именно ему принадлежат весьма значительные заслуги перед короной во времена бедствий Полуночной Грозы. Именно господин библиотекарь придумал, как можно извести страшное подземное чудовище, напавшее на аквилонские земли и участвовал в походе Конана в Пограничное королевство ради уничтожения Подземной Горы.

Конан не забывает добрых дел и оказанных услуг, а посему барон Юсдаль теперь является кавалером ордена Большого Льва (высшей награды и не придумаешь!) и повышен в статусе до звания тайного советника Короны. Неплохая карьера для дворянина из захолустья. По секрету скажу, что жалования

Хальку так и не повысили, а следовательно, бриллиантовый орден на тяжелой золотой цепи частенько томится в кладовых известного тарантийского ростовщика Шомо бар-Мираэли, ожидая выкупа. Хальк именует сие обстоятельство шутливо: «Господа, моя честь опять заложена!». Впрочем, библиотекарь не унывает.

Мы уселись и, как водится, повели светскую беседу. Меня немедленно снабдили полным набором дворцовых сплетен, посетовали на отвратительное поведение канцлера, отказывающегося выделять деньги на расширение библиотеки, поворчали на короля, уделяющего чересчур мало внимания (догадайтесь, чему?) – важным государственным делам! – и похвалили герцога Просперо за то, что Пуантенский Леопард тянет на себе весь груз забот о стране. Небескорыстно, разумеется – надеюсь, тебе, Маэль, понятно, кто на самом деле правит Аквилонией…

– Кто здесь распускает клеветнические слухи о своем короле? – громыхнуло от дверей. – Ага, я так и знал! Хальк, еще раз услышу – отправишься на галеры!

– Старо, – поморщился библиотекарь. – Ты меня уже раз двадцать отсылал на галеры, не менее полусотни – на рудники, а смертной казнью грозишься каждый день.

– Однажды ты все-таки допрыгаешься, – предрек весьма неожиданно появившийся король. – О, Маэль! Ну, здравствуй, ищейка! Какими гадостями Латерана порадует меня сегодня?

Я вынул пакет барона Гленнора и передал Конану.

– Приказано вручить лично.

– Туциус! – немедленно воззвал Конан. На пороге появился знакомый мне лакей. – Возьми бумаги и отнеси герцогу Просперо, он разберется!

Служка безмолвно исчез вместе с пакетом.

Вот такое у нас королевство.

* * *

Я уже коротко рассказывал о своем знакомстве с Конаном летом 1284 года. Варвар серьезно изменился за минувшие десять лет. И я никак не могу понять, в худшую или в лучшую сторону. Все его лучшие качества остались при нем – дружеская открытость, вспыльчивость и быстрая отходчивость, тяга к самым замысловатым авантюрам, но в то же время мне кажется, что

киммериец потерял ту важную особенность, которая всегда заставляла других людей уважать капитана Конана – целеустремленность. Он достиг своей мечты, зачерпнул полной горстью и власти, и богатства, а, следовательно, произошла одна крупная неприятность: Конану теперь нечего желать.

Варвар не слишком тяготится короной. Большую часть дел за него исполняют Публио и герцог Просперо. Если старый канцлер довольно умело руководит государственными управами, то на долю пуантенца оставлены дела текущие – армия, к счастью, пока бездействующая (если не считать постоянных пограничных стычек на рубежах Пущи пиктов), надзор за наместниками провинций и политика Аквилонии за границей.

Король же только отдает самые важные приказы, определяет путь, по которому должно шествовать наше любезное отечество и развлекается. Его натура не терпит бездействия, но фактически Конану просто нечем заняться. Бесспорно, за шесть лет он научился грамотно разбираться в трудностях государственного управления, уяснил, что политика «огнем и мечом» хороша только в крайних случаях, а угрозы и запугивание в политике всегда лучше насилия. Однако Конан живет полноценной жизнью только когда в стране или за ее пределами происходит что-нибудь невероятное и захватывающее, а все остальное время скучает – то бишь ездит на охоту, устраивает грандиозные кутежи, периодически навещает пиктскую границу или отправляется с визитами к старым знакомым. Только минувшим летом он провел целых сорок дней в Кордаве, в гостях у королевы Чабелы Зингарской, унаследовавшей трон от скончавшегося три года назад отца, старика Фердруго.

Я и раньше знал, что Конан и Чабела друг ко другу неравнодушны и их объединяют прежние совместные приключения. Конан сам намекал, что будто во времена его корсарства на Полуденном Побережье и после истории с Короной Кобры зингарская принцесса имела на него определенные виды и даже хотела выйти замуж за знаменитого капитана, но дело как-то не сложилось…

Теперь варвар каждое лето отдыхает в Зингаре, а кое-кто даже начал утверждать, что доселе незамужняя тридцатилетняя коронованная красавица и сорокашестилетний монарх могучей полуночной державы составили бы идеальную пару в любом отношении – как личном, так и политическом. Подумать только, что могло бы произойти, объединись Аквилония с Зингарой в одно государство! Я приучен всегда просчитывать обстановку и возможные последствия событий на много шагов вперед, и понимаю, что единое королевство, раскинувшееся на тысячи лиг

от Киммерийского хребта до Закатного океана, являло бы собой не просто величайшую державу, а империю, рядом с которой померкнет былая слава кхарийцев. Сами подумайте: огромный зингарский флот, непобедимая аквилонская армия, невероятные богатства, сосредоточенные в руках царственных супругов и престиж, которым пользуется каждая империя, вытеснили бы с политической сцены Заката любых противников.

Конан же утверждает, что они с Чабелой только добрые друзья и ничего больше. Болван. Я бы на его месте давно провернул столь заманчивую интригу – во-первых, Чабела в свои тридцать выглядит от силы на двадцать три года, а во-вторых, этот брак даровал бы нашим государствам прямо-таки головокружительные возможности.

А король доселе бегает за дешевыми юбками. Лишь бы на личико была смазлива да фигурка поаппетитнее.

Именно такие мысли возникли у меня, когда варвар проводил меня и Халька в свой «Большой кабинет», где уже накрывали стол. Дело в том, что я увидел висящий на стене портрет Чабелы Зингарской, изображенной умелым мастером в виде «повелительницы Океана», попирающей ножкой в изящной туфельке карту Полуденного Побережья и сжимающей тонкой ладонью пресловутый Скипетр Морских Королей.

Иштар Добросердечная! В Большом кабинете находился еще один приглашенный на званый ужин. Нет, королю окончательно изменил вкус. Вообразите себе пухленькую золотоволосую особу в вихре локонов, кружев и бриллиантов, с носиком-пуговкой, огромными темно-синими глазищами, обрамляющимися вульгарно длинными ресницами и преданно-востроженным взглядом домашней собачки. Я и раньше слышал, что ее светлость графиня Альбиона красива, как голубка и настолько же глупа. И это после таких выдающихся фавориток, как приснопамятная честолюбивая Эвисанда, скромная умница Мойа Махатан или горделивая госпожа Белеза из Зингары! Между прочим, Мойа, прожившая во дворце около года в столь же завидном, сколь и обременительном звании «ночной королевы», поступила вполне разумно, однажды заявив Конану, что сей статус ее, простую девушку, воспитанную в строгих традициях горцев провинции Темра, категорически не устраивает. Посему Его величеству предоставляется крайне простой выбор – либо жениться, либо она немедленно покинет Тарантию.

Спустя два дня Мойа уехала домой.

Теперь же на ночном троне Аквилонии восседает милашка Альбиона.

– Мой господин, – графиня, едва завидев Конана, немедленно

надула губки, – сегодня же праздник! Где мой подарок?

Конан ответил белозубой лучезарной улыбкой, в которой я ясно прочел: «Ах, какая очаровательная глупышка! Сильному мужчине прямо-таки указано всеми законами природы заботиться о таких легкомысленных созданиях!». Король запустил ладонь в висящую на поясе сумочку, изъял оттуда кольцо отвратительно-роскошного вида с сапфиром, превосходящим размерами аквилонский золотой кесарий – не самую маленькую из монет – и вручил перстень даже не соизволившей подняться из кресла Альбионе.

– Какая прелесть! – пухленькие губки ночной королевы немедленно сдулись и приоткрылись в изумлении. – Какай блеск, какая огранка! Но…

Она надела перстень на средний пальчик левой руки. Ладонь графини мгновенно упала на платье.

– Он такой тяжелый! – заныла Альбиона, стягивая драгоценный подарочек. – Неужели ты не мог выбрать камень поменьше?

Я почувствовал, что меня тянут за рукав, и, обернувшись, узрел скривившегося Халька Юсдаля.

– Пойдем вино пить, – доверительно прошептал библиотекарь. – Из всех женщин мира мне более всего не нравятся те, которых называют «глупенькими». Не глупыми, а именно глупенькими.

Оставив возлюбленную пару ворковать, мы удалились к столу и начали целеустремленно накачиваться шемским нектаром с виноградников Либнума. Конан, впрочем, не ворковал из-за особенностей голоса. Он, если так можно выразиться, воркующе громыхал: «Ну что ты, маленькая… Зачем обижаться?.. Нет, я немедленно верну это кольцо в сокровищницу и скажу, чтобы подобрали другое… Ладно, ладно, сделаем, как ты хочешь – можешь пойти и выбрать сама…»

– Это отвратительно, – вздохнул Хальк. – Я был бы счастлив видеть рядом с королем любую прожженную стерву, которая бы тиранила прислугу и придворных, но имела хоть каплю ума.

– Не понимаю, зачем меня сюда позвали, – ответил я. – В конце концов, я лишь ничем не примечательный служащий Латераны, пускай и старый знакомец Его величества. Знакомиться с нынешними дворцовыми нравами?

– Если позвали, значит, нужно, – кратко ответил Хальк. – Ага, вот и новые гости! Пойдем поприветствуем.

За довольно короткое время явились все приглашенные – высший свет, ближайшие друзья короля. Темноволосый красавчик Просперо, Паллантид – бессменный капитан гвардии Черных

Драконов, двое офицеров помоложе – барон Сол ди Брие и лейтенант Вилькон с подружками. Оба отличились во времена войны с Кофом и Офиром, и Конан перевел молодых и решительных командиров из обычной армейской кавалерии в гвардию, приблизив способных военачальников к трону. Между прочим, чин лейтенанта Черных Драконов в обычном войске приравнивался к званию пятитысячника. Личности творческие тоже были представлены – госпожа Орсия Шантеле, стихосложительница и певица, блиставшая во всех салонах Тарантии, месьор Бланд, скульптор и архитектор, на чьи плечи легли заботы по перестройке и обновлению столицы, придворный волшебник Озимандия Темрийский с супругой – прекрасная пара, да вот только разница в возрасте подвела… Жена волшебника была младше Озимандии лет на шестьдесят.

Празднество медленно, но верно завертелось. Начались разговоры, Хальк спорил с волшебником о тонкостях какой-то психургической некромантии, заодно строя глазки его очаровательной спутнице жизни. Просперо пытался втолковать Конану, что праздновать надо бы поменьше, а трудиться побольше, но все равно пил наравне со всеми. Госпожа Шантеле спела несколько романсер собственного сочинения и, как всегда, сорвала громкие восторженные овации, а я угрюмо сидел в углу и думал, что все-таки я здесь делаю? Кроме Халька, Конана и Просперо – ни одного близкого знакомого. Каждый занят собственными развлечениями и не обращает на меня ни малейшего внимания.

– А ну, пойдем, – от угрюмых мыслей меня внезапно отвлек король. – Пока все получают удовольствие от песен сладкоголосой Орсии, надо поговорить.

Конан взял меня за плечо, извлек из кресла и потянул за собой. Мы вышли из зала, где царило непринужденное застолье, оказавшись в святая святых тарантийского замка – рабочем кабинете монарха.

Скромненько. Деревянная обшивка стен, большой стол, жесткие стулья красного дерева, сундук. На стенах – разнообразное диковинное оружие, вроде кхитайских метательных звездочек, вендийские мечи, больше похожие на зазубренную пилу, гирканийские «волчьи хвосты» – странные копья с наконечниками в виде железных изогнутых ветвей. Неплохая коллекция.

– Вот что, Маэль, – без лишних предисловий начал Конан, – своей королевской волей я дарую тебе повышение. Будешь личным порученцем моего аквилонского величества.

– Чего? – вытаращился я. – Капитан… то есть извини, мой

король… Я, конечно, благодарен, но…

– Не перебивай, – Конан выложил на стол два тяжелых кожаных мешочка, развязал шнурки на одном из них, и на полированные доски высыпалось звонкое серебро. Странная, хотя знакомая чеканка – восьмиугольные монеты Кофа, серебряные орты с изображением оскалившейся львиной головы.

– Здесь этого добра на полную сотню аквилонских кесариев, – продолжил Конан, – ты получаешь их от казны в счет будущих расходов.

– Каких расходов? – я окончательно запутался.

– Дело в том, что завтра с утра ты отправляешься в Немедию. Обеспеченный кофийский дворянин, решивший попутешествовать. Ясно? Насколько я знаю, последний год ты прожил в Кофе, отлично знаешь тамошнее наречие и местные обычаи. В Бельверусе вполне сойдешь за подданного короля Балардуса. Барон Гленнор извещен… Собственно, это он тебя порекомендовал как одного из лучших конфидентов Латераны. Вдобавок я вправе на тебя надеяться как на старого друга.

– И что я должен делать? – стало ясно, что Конан снова решил впутать меня в темную историю. Как все знакомо!

– Учти, сейчас я тебя посвящаю не только в государственную, но и в мою личную тайну, – Конан уселся за стол и нахмурился. – На днях я получил из Бельверуса очень странное письмо. От человека, которого я уважаю всей душой и всем сердцем.

– Кто же этот человек? – осторожно осведомился я.

– Мораддин, герцог Эрде, барон Энден, глава тайной службы Немедийского королевства.

Вот те на! Прежде мне приходилось слышать, что человек, исполняющий в Немедии роль нашего барона Гленнора, как-то связан с Конаном и серьезно помогал Аквилонии шесть лет назад, во времена смуты и Мятежа Четырех… Но чтобы у нашего монарха были с главой Вертрауэна «душевные и сердечные отношения»? Чем больше живу, тем больше удивляюсь жизни.

– Я тебе прочитаю кое-что, – варвар взял один из валявшихся на столе свитков и развернул. – Тогда, возможно, ты поймешь, отчего я лишаю тебя отдыха в Тарантии. Слушай…

ГЛАВА ВТОРАЯ
Записки Долианы, баронессы Эрде – I
«Девушка из высшего общества»

Личные записи мне посоветовал вести отец. Давно, когда я была еще маленькой и только училась выводить первые корявые строчки. Он сказал, что будет полезно по вечерам перебирать и раскладывать по полочкам минувший день. Вспомнить, кого я видела, что слышала, что подумала, о чем читала или разговаривала, чем занималась. С тех пор я повсюду таскаю с собой маленькую тетрадку, походную бронзовую чернильницу и запас перьев, а ведение записок стало привычкой. Иногда надо мной смеялись, но порой дневники оказывали мне ценные услуги.

Я даже не подозревала, насколько был предусмотрителен отец, приохотив дочь к кратким ежевечерним исповедям на клочках пергамента.

Бельверус, Немедия.
1 день Первой весенней луны 1294 года.

Немногие люди могут точно называть день, когда их жизнь стала иной. Изменения складываются из будних мелочей, разговоров и обыденных встреч, и только спустя какое-то время понимаешь: ты уже давно стоишь на пути, которого не хотел и пытался избежать. Остается только идти вперед и надеяться на лучшее.

Наша жизнь разрушилась в конце зимы 1294 года. Все, что случилось потом, было закономерным следствием.

В тридцатый день третьей зимней луны, как раз под праздник Канделлоры – Зажжения Нового Огня – доверенным людям отца удалось разыскать мою мать, уже седмицу скрывавшуюся где-то в Бельверусе, и доставить ее домой. Из своего окна я видела, как во двор торопливо вкатила черная карета, запряженная четверкой лошадей, и как из нее в дом на руках перенесли кого-то, с ног до головы закутанного в черный плащ.

Матушка вернулась. Вернулась, чтобы стать пугающим призраком, заточенным в подвалах, ибо ее нельзя было оставлять без присмотра, но, если бы она снова пожелала уйти, никто бы не смог ее остановить. Поэтому госпожу замка Эрде заперли в нижних помещениях, там, где хранятся запасы на случай осады

города, и размещается закрытая на семь засовов и десять замков фамильная сокровищница.

Моя мать сошла с ума.

* * *

Я всегда гордилась своей семьей. Для этого имелись веские причины. Кто, как не мои отец и мать, являются людьми, значащими в государстве почти столько же, сколько Его величество король? Кто владеет правом заседать в Королевском Совете и одобрять или не одобрять его решения? Чья личная печать может быть приравнена к королевской? Кто обладает титулами, поместьями, землями и золотом, добившись всего этого великолепия самостоятельно, без помощи влиятельных сородичей, права крови и уничтожения соперников?

Звучит немного восторженно, однако это правда. Всем этим владели мои родители – герцог Мораддин Эрде, глава Тайной службы Немедии, и его супруга Ринга, которую боялись едва ли не больше, чем ее грозного и могущественного супруга.

Я – их дочь. Баронесса Долиана Эрде. Для знакомых, друзей и близких поклонников – Дана. Дана Эрде, идеально подходящая под определение: «Молодая утонченная барышня из знатной семьи». Мне пятнадцать лет, и я обучена всему, что положено уметь и знать благородной госпоже. На мое образование не жалели денег и связей. Четыре года в Аквилонии, в закрытом пансионе при женской митрианской обители. Затем, когда мне стукнуло двенадцать, меня отправили в Офир, в Ианту. Год я провела в качестве воспитанницы при старейшем храме Иштар, год в Мессантии, в тамошней Обители Изящных Искусств. Для придания окончательного блеска выдержала год скучнейших философских лекций на многоразличные темы для узкого круга наследниц и отпрысков семей высокого происхождения.

Для полноты картины отмечу, что пребывание в Ианте привело меня в ряды почитателей Иштар. Поклонница я не особенно ревностная, но стараюсь следовать заповедям «Именем богини да правит миром любовь» и «Семья превыше всего».

В конце 1293 года я вернулась в Немедию. Дожидаться совершеннолетия, заводить полезные знакомства и готовиться блеснуть при дворе.

Подведем итоги. Я могу говорить, читать и писать на всех основных языках Материка, сиречь на аквилонском, немедийском

и офирском диалектах. Вдобавок маменька обучила меня («На всякий случай», как она выразилась) воровскому жаргону Шадизара и Аренджуна. Простонародному говору Аргоса и Зингары я выучилась сама – вдруг пригодится. Я умею петь, танцевать, поддерживать изящную и умную беседу, сочинять непритязательные песенки, играть на виоле и лютне, скакать верхом, рисовать и вышивать по шелку, вести подсчеты домашних расходов и доходов, управляться с малым немедийским стилетом и засапожным ножом (папенькина забота), стрелять из лука, свежевать и готовить кролика на костре (эти науки я освоила благодаря старшему братцу), воспитанно кокетничать и даже знаю (пока только на словах), каким образом рождаются на свет дети. Короче, мне известно очень много и при этом – почти ничего. Меня вырастили для обеспеченной жизни на всем готовом. Эдакий редкий цветок, денно и нощно пребывающий под бдительной охраной садовников.

Сегодня мой хрустальный замок разбился вдребезги.

* * *

Отрядом, разыскивавшим маму, командовал Кеаран Майль. Сколько себя помню (в отличие от прочих детей, я наделена очень хорошей памятью и осознаю свое присутствие в мире годков так с трех), он всегда находился при отце. Граф Майль, тридцати с небольшим лет, рыжеватый, крепко сложенный, похожий одновременно на типичного вояку из дальнего захудалого гарнизона и книжника, десяток последних лет не выбиравшегося из библиотеки. Кеаран, Хальвис из Бритунии, Дорнод Авилек – три человека, за последние десять лет заслужившие полное доверие моего отца. Теперь осталось только двое. Хальвис умер в середине зимы от пустячной раны, полученной на обычном турнире. Просто заболел и спустя три дня скончался. Отец до сих пор ходит сам не свой, не может поверить.

Говорить с Майлем бесполезно, он мне ничего не скажет. Правила этикета запрещают мне приставать с расспросами к отцу, пока он сам не пожелает со мной говорить, однако наступили такие времена, что церемонность может пока постоять в стороне.

Возле кабинета отца я натыкаюсь на выходящего Майля. Кеаран бормочет какое-то приветствие и подозрительно быстро отводит взгляд. Он уходит, по военному печатая шаг, а я смотрю ему вслед и раздумываю, стучаться или нет. Почему-то это

кажется очень важным. Решаю постучаться.

– Майль, позже!

Глуховатый, сам на себя не похожий, какой-то надорванный голос отца.

– Это не Майль. Это Дана. Можно мне войти?

Ответа не последовало, потому я отодвинула тяжеленную створку черного дерева и украдкой просочилась в кабинет. Бумаги, книги, свитки, донесения со всех концов Материка, чертежи земель, снова непонятные бумаги… В детстве мне казалось, что подлинное сердце Немедийской империи находится именно здесь, на втором этаже городского особняка семьи Эрде, в кабинете моего отца.

Тоненькое поскуливание – в углу на своей подстилке недоумевающе пыхтит огромное мохнатое чудовище, виновато повиливающее хвостом. Бриан, пес-волкодав, подарок отцу от друга, проживающего в крохотной аквилонской провинции Темра. Бриан испуган и растерян, чего с ним никогда не случалось. В толстые оконные стекла бьются капли холодного дождя пополам со снегом.

– Папа? – на мгновение мне становится жутко. Свечи в кабинете потушены, и в сумерках я различаю только смутные очертания сгорбившейся над огромным столом фигуры. – Папа, тебе нехорошо? Послать за лекарем?

– Посиди со мной, – медленно, почти по слогам произносит отец. Я теряюсь – наши родители, конечно, любили нас с братом, однако у них никогда не хватало времени, чтобы просто побыть с детьми. Мы – сами по себе, среди воспитателей, наставников, прислуги и друзей, отец и мать – в своем мире, таинственном и загадочном.

– Конечно, – я ищу, куда присесть, но нахожу только заваленный шуршащими бумагами табурет. Поскольку отец не возражает, пергаменты летят на пол.

– Ты видела, как ее привезли?

Киваю, зная, что отец, как и я, хорошо видит в темноте.

– Майль нашел ее в каком-то притоне, – бесцветно произносит всесильный глава Тайной службы. – С ней были двое молодых парней. Третьему повезло – успел сбежать до того, как она решила за него приняться. Тех двоих она… – отец запинается. Я молчу. Мне очень страшно. – Она переспала с ними, а потом убила. Обоих. Разорвала горло. Когда Майль со своими помощниками ворвался в комнату, она сидела и лакала кровь. Он так и сказал – сидела на постели и лакала кровь. Он назвал ее по имени, она узнала его, засмеялась и спросила, не проводит ли он ее домой, мол, она устала. Когда ее стали выводить из комнаты,

она начала визжать и отбиваться. Поцарапала одного из стражников и разукрасила физиономию выглянувшего на шум постояльца. Бедняга до конца жизни будет ходить со шрамом в поллица и оторванным ухом.

В камине догорают последние угольки. Я сижу, слушаю страшную историю о моей собственной матери и боюсь заговорить.

– Двое, что пришли с ней… Один – студиозус из Аквилонии, приехавший в гости к приятелям. Второй – младший сынок графа Эрлена. Внук канцлера Тимона. Кто третий – пока неизвестно. Кеаран клянется всеми богами, что никто не видел, как они выходили из гостиницы. Единственного свидетеля и пострадавшего они забрали с собой. Я этому не верю. Завтра город будет полон слухами. Тимон потребует расследования.

– Почему так? – мой голос похож на жалобный скулеж Бриана. – Почему так случилось, отец? Почему?

– Твоя мать всегда боялась потерять рассудок. Она говорила, что ее народ всю жизнь бродит в сумерках, на границе ночи и дня. В сумерках возникают трещины между жизнью и смертью. Такая трещина зародилась в ее душе, и сквозь эту трещину вползло немного ночной тьмы. Она разбиралась в таких вещах, не то, что я…

Отец не договорил. Я поняла, чего он пытается избежать. Ведь мы, я и мой старший брат Вестри – такие же наследники рода нашей матери и, возможно, обладатели наследного безумия. Ведь леди Ринга Эрде – не человек. Она – порождение тьмы ночной, гуль из Рабирийских гор, вампир с Полуденного Побережья. Ее муж, наш отец, Мораддин из Турана – плод союза дверга-гнома и женщины-человека. Вестри и я – полукровки гульской крови. Такие существа рано или поздно теряют рассудок. Слишком много в нас перемешалось, и наследие каждой расы требует своего.

Правда, ни я, ни мой брат не испытываем тяги к питью крови. Наша мать вынуждена делать это, чтобы жить и сохранять молодость. Но, может быть, мы еще слишком молоды? Вдруг через годик-другой нам захочется выйти на ночную улицу и вкрадчиво окликнуть запоздалого прохожего? Ведь у нас, как у нашей матери, вместо обычных ногтей – втяжные кошачьи когти, у нас слишком острые резцы и глаза, отлично видящие во мраке…

– Сегодня Канделлоры, – неожиданно и не к месту вспомнила я. – Митрианский Праздник Свечей.

Отец молча пошарил в ящиках стола, на ощупь отыскал коробочку с белыми восковыми свечками. Защелкало кресало,

затрещал, чадя, подожженный фитилек.

Мы смотрели друг на друга поверх горящей свечи. Усталый, лысоватый человек средних лет, большую часть жизни посвятивший заботе о благе огромного государства, и молоденькая девушка, не знающая жизни.

– Я мог бы переправить ее за город, в замок Эрде, – задумчиво сказал отец. – И тебя с Вестри тоже.

– Вестри не поедет, – я покачала головой. – Завтра в Военной Академии начинаются весенние экзамены. Он же лучший. Он не сможет бросить все.

– Да? – как-то потерянно переспросил отец. Мне захотелось расплакаться. – В самом деле… – он тряхнул головой, приходя в себя. – Разыщи своего брата и передай, что я хочу его видеть. Дана, не вздумай впадать в отчаяние! Мы с твоей матушкой попадали не в такие переделки, и ничего, до сих пор живы.

– Я никогда не впадаю в отчаяние, – как можно тверже сказала я. – Я – Эрде. Крепче камня, настойчивее воды и гибче стали.

Наверное, я неудачно повернулась и взмахнула рукавом, задев свечу. Та опрокинулась и погасла.

2 день Первой весенней луны.

Дурно так отзываться о родственниках, но мой брат до сих пор не осознает всей тяжести рухнувшей на нас беды. Он уверен, что отец в состоянии разрешить любые трудности. Вестри же чрезвычайно заботит, не пошатнется ли его положение выпускника Академии, не пострадает ли его начинающаяся карьера и не отвернутся ли от него друзья и подружки.

Вестри старше меня ровно на четыре года. Как положено в благородном семействе, я – изысканная молодая дама, завидная невеста, он – подающий надежды блестящий офицер, с возможностью по окончании Академии прямиком угодить в личную королевскую гвардию, поближе к трону, либо же отличиться где-нибудь в привилегированных легионах, вроде «Золотого орла» или «Немедийского дракона». Отец более склонен ко второму, считая, что дети должны добиваться всего сами, а не благодаря протекции родителей. Вестри же спит и видит себя в Бельверусском замке. В шестнадцать лет, его, как полагается, вместе с остальными кадетами представили царствующей фамилии, после чего военная молодежь с величайшим удовольствием приступила к несению караулов во дворце и вовсю злоупотребляла правом посещать королевские балы и званые вечера.

В отличие от меня, Вестри родился пусть невысоким, зато красавчиком, его любят и охотно всюду приглашают. Он скрыл это от отца и мамы, но я-то знаю, что мой неугомонный братец уже три или четыре раза дрался на поединках из-за чести прекрасных дам, и что он каждый вечер сочиняет возвышенные послания для девушки из свиты графини Неффель. Однажды я даже нашла посвященное этой особе стихотворение. Оно выглядело таким прямолинейным и незамысловатым, что я решилась переписать его на свой лад и вручить братцу, как образец. Вестри решил, что сестренка просто обязана слагать кансоны для его подружек и не дает мне проходу, пока не заполучит очередной шедевр.

Надеюсь, девушки остаются довольны.

* * *

Долго сторожила на галерее, дожидаясь, когда отец закончит беседу с Вестри. Наконец, брат вышел из кабинета, раздраженно хлопнув дверью. Я окликнула его, и мы встретились на излюбленном месте, где секретничали во времена нашего детства – в большом окне-фонаре, выходящем во внутренний двор и сад. Домоправительница разводила там какие-то разлапистые деревца, привезенные из Шема. Не знаю, как они называются. Раз в год, ближе к осени, они цвели, наполняя весь дом сладковатым и душным ароматом.

Вестри выглядел огорченным и разозленным.

– Вот не было печали, – буркнул он. – Приспичило же матушке поразвлечься…

Вестри недолюбливает мать и не скрывает этого. Считает, что она никогда не уделяла ни ему, ни мне должного внимания и слишком часто отсутствовала. Такое уж у нее ремесло. До появления в ее жизни некоего Мораддина, сына Гроина из Турана, баронесса Энден занимала место первой помощницы и отчасти наставницы герцога Лаварона, тогдашнего главы Тайной службы, с небывалой легкостью и изобретательностью разрешая трудные политические загадки и улаживая всяческие недоразумения. И тогда, и сейчас наша мать являлась весьма решительной и предприимчивой женщиной, не подчиняющейся общепринятым правилам и настойчиво добивающейся своих целей.

– Это не развлечения, – возразила я. Отец, брат и я знали, что

госпожу Эрде трудно назвать верной женой. Она, конечно, уважала отца и как могла, берегла его репутацию, но если леди Ринга решала, что кому-то суждено стать жертвой ее пронзительных золотистых глаз… Бегство или спасение невозможны. Моя мать всегда получала то, что хотела. – Отец считает, у мамы опять приступ ночного безумия.

– Он сказал, – кивнул Вестри. – Я предложил увезти ее в загородное поместье и обратиться к неболтливым врачевателям из Гильдии. Лучше всего, наверное, к магам, хотя это и рискованно. Наша маменька сама не раз баловалась с волшебством. Кто знает, до чего она могла доколдоваться? Как это не вовремя…

– Можно подумать, неприятности случаются лично по твоей просьбе в удобное время, – огрызнулась я. Брат пожал плечами:

– Тебе хорошо говорить. Ты сидишь дома и не ловишь косых взглядов. Майль где-то допустил ошибку. Сплетни все-таки поползли.

– Если что-нибудь случится, опала падет на всех, – с замирающим сердцем проговорила я.

– Какая опала? – Вестри едва не свалился с подоконника. – Ты что, сестренка, тоже умом рехнулась? Даже думать не смей! Отец – второй человек в государстве! Нас никто не решится тронуть!

– Король в последнее время не слишком к нему благосклонен, – заметила я. – Убийство внука великого канцлера вряд ли пройдет незамеченным и останется безнаказанным.

– Нечего таскаться по вертепам, да еще в обществе такой дамы, как наша матушка, – зло отрезал Вестри. – Теперь поневоле начнешь задумываться, есть ли прок от того, что мы родились в семействе Эрде!

– Мы не выбирали, где рождаться, – я тоже начала сердиться. – Они – наши родители. Мы должны помогать им.

– Инте-ересно, – брат желчно скривился, – и как ты собираешься помогать? В жизни не поверю, что у тебя хватит смелости спуститься в подвал и просидеть там хотя бы полколокола! Лучше попроси отца разрешить тебе уехать куда-нибудь подальше. Скажем, на Полуденное Побережье.

– Я не собираюсь бежать! – вспылила я.

– Ну и дура, – холодно бросил любимый братец, краса и гордость Военной Академии. – Коли вспыхнет заварушка, ты будешь только мешаться под ногами.

Это замечание, надо признать, было истинным. Пользы от меня действительно никакой.

– Отец не говорил, что намерен делать? – я решила пропустить слова Вестри мимо ушей и не затевать ссоры.

– Нет, – брат меланхолично раскачивал висевший на бедре тонкий эсток с кисточками возле рукояти. – Просил тебя никуда не отлучаться из дому, а меня – смотреть по сторонам, не оставаться одному и по возможности никуда не ходить. Для гостей, желающих видеть госпожу Эрде, и для слуг ответ один – герцогине нездоровится, – он помолчал и тоскливо вопросил: – Как, хотелось бы знать, я никуда не пойду, если завтра с утра экзамен по полевой фортификации, днем – выездка, вечером – бал у графов Неффель и меня настоятельно просили быть?

– Пошли записку, что перетрудился на экзамене, – искренне предложила я и немедля заработала щелчок по лбу.

– Как-нибудь уцелею, – легкомысленно отмахнулся Вестри и спрыгнул, собираясь подняться к себе в комнаты. Я поймала его за рукав, отважившись задать мучивший меня вопрос:

– Вестри… Скажи, ты… Ты никогда не испытывал желания… Ну, не знаю… Убить кого-нибудь?

– С первого дня в Академии мечтаю жестоко прикончить нашего преподавателя изящной словесности, – хмыкнул мой великолепный братец. – Не забивай себе голову всякой ерундой. Наша мать – это одно, мы – совсем иное. Мы люди.

– Рожденные от дверга-полукровки и гуля? – недоверчиво уточнила я. – Вестри, это смешно! Мы просто *не можем* быть обычными людьми!

– Мы то, чем полагаем себя, – уперся брат и подозрительно насторожился: – С чего вдруг ты вообразила такую глупость?

– Если наша мать больна и ее болезнь могла передаться по наследству нам, то не следует ли заранее поискать средство от нее? – поделилась я давно вынашиваемым замыслом. Вестри потратил целое мгновение своей драгоценной жизни на обдумывание идеи сестры.

– Она не больна, – наконец твердо заявил он. – Через пару дней она придет в себя. Такое уже случалось. Не забывай, она не столь молода, как выглядит. Не понимаю, отчего отец не запретит ей мотаться по дальним странам? Ей стоило бы посидеть годик-другой дома.

– Она не сможет, – заикнулась я, но Вестри больше не слушал. Ясно: мой брат не желает допускать мысли о том, что однажды в нем может проснуться зов древней темной крови. Он предпочитает надеяться на лучшее.

3 день Первой весенней луны.

Разбирала сундуки и шкафы, перетряхивая их к весне. Отыскала большой отрез белой шелковой ткани с золотым

шитьем – мое будущее платье к грядущему дню рождения. В шестнадцать лет юной баронессе Эрде предстоит торжественно отправится на свой первый бал. Должно быть, это будет захватывающее действо, но теперь я уже не уверена, что оно когда-либо состоится. К тому же, как это ни странно, я не испытываю никакой тяги к блестящей светской жизни. За это нужно благодарить мою матушку с ее острым языком и пристрастием называть все своими словами, а также мою лучшую подругу Цици.

Столь непонятное прозвище она получила от моего братца, соединившего первые буквы ее имени и фамилии. Цици на самом деле Цинтия Целлиг, фрейлина принцессы Аманты, супруги принца Зингена, второго сына короля. Цинтия – первая собирательница сплетен и слухов во всем дворце, что неудивительно – ведь она дочь хранителя королевских архивов. Ее отец бывает у нас в доме, но познакомится мне с ним пока не удалось, ибо он всегда приходит только ради встречи с моим отцом или матушкой. Слуги шепчутся, будто у этого человека темное прошлое. Мне иногда очень хочется разузнать, какую тайну он скрывает. Цинтия, знающая все о придворных дрязгах, семейные сплетни хранит надежно. Или сама ничего не проведала о молодости своих родителей. Мне известно только, что ее матушка, как и моя, родом с Полуденного Побережья. Моя – из Зингары, госпожа Лиа – из Мессантии Аргосской. Цинтия похожа на уроженку Аргоса, у нее такое же вытянутое личико, характерный горбатый нос (не с горбинкой, а именно горбатый, отчего Цици ужасно страдает), серо-зеленоватые глаза и неунывающий характер. Она худенькая, быстрая, говорливая и, как отец, рыжеволосая, эдакого жизнерадостного песочно-золотистого оттенка.

Именно Цици, почти каждый вечер наносившая нам визит и считавшаяся кем-то вроде дальней родственницы, добровольно взяла на себя обязанность познакомить меня с нравами обитателей Бельверусского замка. Не слушая робких возражений, Цинтия таскала меня в дворцовый парк, на конные прогулки и представления лицедеев, провела по всему кругу своих многочисленных знакомых и даже позаботилась, чтобы я угодила на глаза ее высочеству принцессе Аманте. Госпожа Аманта милостиво пообещала мне свое покровительство, когда я появлюсь во дворце, после чего мы с Цинтией едва не поругались. С юношеской запальчивостью я утверждала, что сама могу о себе позаботиться. Цици высмеяла меня с высоты двадцати двух прожитых лет и велела готовиться к очередной дневной прогулке, на которой она намеревалась строить глазки своим поклонникам

и обмениваться с ними двусмысленными любезностями.

* * *

Это было всего две луны назад, а кажется – целую вечность… Цинтия уже почти десять дней не показывалась в особняке Эрде, но сегодня прислала весточку, что постарается навестить меня. Вестри утром отбыл в Академию, я пожелала ему успеха, но, кажется, он меня не заметил, погруженный в мысленные расчеты построения фортификационных сооружений. А может, думал о грядущем вечере у Неффелей.

У отца – совещание за плотно закрытыми дверями. Мне известно, что в комнате по соседству есть слуховое отверстие, но я сомневаюсь, что бдение возле него принесет какую-либо пользу. Ведь я имею самое смутное представление о дворцовых интригах и том, какая роль в них принадлежит моему отцу.

Со своего наблюдательного поста на галерее я вижу, как расходятся участники, и пытаюсь узнать знакомых. Неизменные Майль и Авилек, Клайвен, глава канцелярии при его светлости королевском советнике Тимоне, Раммирель – младший посол Зингары в Немедии (он-то что здесь делает?), достопочтенный Зугурд – старшина Оружейной Гильдии, Каспер Хеннер, заместитель капитана королевской гвардии, и Леттиг – доверенное лицо господина Сагаро, королевского казначея. Вдобавок – неизвестный мне высокий месьор в дорогом темно-сером плаще, отделанном беличьим мехом. Прочие обращались к этой личности весьма почтительно, и я рассудила, что, коли не самые последние люди в Империи так себя ведут, значит, к нам вправду пожаловала редкая птица. Может быть, кто-то из высокопоставленных придворных или даже младших принцев.

Покидавшее моего отца общество приглушенно беседовало. Преобладающие интонации – деловито-обеспокоенные. Несколько раз прозвучало имя моей матери, произнесенное тем голосом, каким принято упоминать страждущих членов семьи. Мимоходом помянули короля Нимеда, затем речь перешла на волнения в столице, вспыхивавшие и гаснувшие почти всю зиму. Авилек посетовал, что у него под замком сидят по меньшей мере десяток изловленных смутьянов и распространителей слухов, и никто не может решить, что с ними делать. Казнь излишне возбудит и без того беспокойную городскую чернь, а дальнейшее содержание нарушителей спокойствия за казенный счет представляется

бессмысленным. Может, выставить их на денек к позорному столбу или выдрать да сослать на копи у Соленых озер?

Посетители миновали огромный нижний зал и скрылись за дверями парадного входа. Отец не появился.

Обед ему принесла в кабинет домоправительница Хейд. Я перехватила ее на обратном пути, дабы расспросить, как себя чувствует месьор Эрде. Толстуха Хейд растерянно покачала головой, бормоча, что давно не видела его милость таким расстроенным. Даже не вышел в середине дня в сад, погулять с собакой, как обычно. А бедное животное сидит и мается…

Тут, словно нарочно, из кабинета донеслось:

– Хейд, ты еще здесь? Пусть кто-нибудь выгуляет пса!

Бриан толкнул дверь мордой и вывалился в коридор. Когда Вестри было годков десять, а мне, соответственно, шесть, мы седлали бедную собаку и разъезжали на ней, как на маленькой косматой лошади. Теперь пес постарел, вокруг морды появились белые волосы, и ходит он грузно, переваливаясь с бок на бок и часто останавливаясь передохнуть.

– Пойдем гулять? – спросила я Бриана. Волкодав вздохнул и поплелся за мной.

В саду стояли лужи от тающих сугробов, разлаписто торчали старые яблони и пахло талой водой. Бриан лениво бродил между деревьев, иногда без интереса копался в палых листьях. Я сидела на покосившейся скамейке и пыталась сообразить, что же теперь будет. В серо-сизом небе, затянутом низкими облаками, выделывала круги и галдела воронья стая. Иногда долетал городской шум – через три квартала от нас располагается Площадь Побед Нумы и зеленный рынок.

– Дана, Дана, Дана!

От этого пронзительного вопля Бриан встряхнулся, поставив уши торчком и оглянувшись. По мокрой дорожке к нам, подобрав юбки и придерживая разлетающийся плащ, неслась молодая дама. Песочные локоны, вычурные одеяния зеленых и бежевых цветов – Цинтия во всей красе.

– Доброго денечка, барышня, – сказала я, подхватывая Цици, которая, разумеется, умудрилась поскользнуться и едва не шлепнулась. – Можно ли узнать, чем вызвана ваша поспешность? Так ведь недолго и упасть. Кстати, слышала историю про рыцаря и даму, которым пришлось ночевать на заброшенной мельнице?..

– Тараск вернулся! – выпалила Цинтия, не дав мне договорить. – Он и весь его отряд, и эта девица, Дженна! Сегодня утром! С победой! Он нашел этих грабителей! Они, оказывается, прятались в ущельях возле верховьев речки… как же ее… Ялруга! Он разогнал шайку, казнил вожаков и привез их головы в

столицу! У тебя карта Немедийских гор есть? Надо посмотреть, где эта самая Ялруга! И, наверное, надо сказать твоему отцу! Или он знает?

– Думаю, что нет, – ошарашено признала я. – Когда они вернулись?

– С колокол назад! В замке наследника все вверх дном! Я удрала, чтобы рассказать тебе! Кстати, наследник уехал куда-то, и теперь его все ищут!

Такова Цици. Взбалмошная и преданная. Принесенная ей новость в самом деле заслуживает внимания. Сдается мне, это известие будет неожиданным даже для герцога Эрде, знающего о Немедии и ее делах все и немного больше.

– Пошли к отцу, – решила я. – Он, правда, в плохом настроении, но вряд ли нас выставит.

– А что случилось? – забеспокоилась Цинтия.

– Матушка хворает, – кратко объяснила я. – Уже седмицу.

Хорошо бы Цинтия проболталась об этом во дворце. Если начнется расследование обстоятельств смерти молодого Эрлена, мы и слуги будем единогласно твердить – госпожа герцогиня который день не покидала пределов особняка. И Цинтия поддержит – да, так оно и есть.

Уже входя в дом, я запоздало сообразила, кто был высокий господин в сером плаще. Надо же, какая честь – нас тишком посетил сам наследник престола. Честь или, наоборот, предвестие беды? С чего принцу Нимеду-младшему вдруг понадобилось наведываться в дом главы Вертрауэна? Подданные отправляются ко двору короля, а никоим образом наоборот.

* * *

Пожалуй, стоит рассказать подробнее об упомянутых мною Тараске и девице Дженне. Имена этих личностей в последнее время у всех на слуху, похождения и эскапады их самих и их друзей щедро поставляют хворост для костров придворных и городских сплетен.

Начнем с его светлости Тараска и углубимся в генеалогию королевского семейства. У его величества Нимеда есть младшая сестра, ее высочество наследная немедийская принцесса Артеза Эльсдорф. По соображениям высокой политики и для укрепления многоразличных союзов ее больше тридцати лет назад с помпой выдали замуж за одного из членов Кофийской королевской

фамилии. Артеза со своей свитой переехала в Хоршемиш, время от времени слала царственному брату весточки, хлопотала об обмене посольствами и вела себя, как и подобает женщине ее положения. Ее супруг, к сожалению, не достиг высоких чинов, в когда к власти в Кофе пришел король Страбонус, вообще отодвинулся в тень. У госпожи Артезы было несколько детей, являвшихся немедийскими принцами и принцессами крови, но никого из них сюда, в Бельверус, не привозили. Артеза и сама наведывалась на родину всего два или три раза.

Пять лет назад, в 1289 году, король Страбонус покинул этот мир, ввязавшись в неудачную свару с Аквилонским королевством и тамошним правителем, личностью весьма незаурядной и решительной. В результате на престоле Хоршемиша оказался двоюродный брат Страбонуса, Балардус, ставший (по крайней мере, на словах), вернейшим союзником Аквилонии. Даму Артезу и ее мужа на всякий случай возвысили, сделав поклон в сторону Немедии.

В начале этого, 1294 года, старший отпрыск госпожи Эльсдорф решил навестить родину предков.

Так в Бельверусском замке появился Тараск Эльсдорф, человек, вроде бы принадлежащий одновременно к двум правящим династиям и вместе с тем не обладавший ничем, кроме блеска высокого происхождения. Его приняли с полагающимся почетом и размахом, предоставили для проживания пустующее крыло в городском замке наследника, даровали парочку громко звучащих и незначительных по сути должностей, и предоставили самому себе.

– К нам прибыл очередной соискатель славы, – заявила Цинтия, делясь как-то со мной впечатлениями относительно личности месьора Тараска. – Не спорю, золота у него много, однако он явно жаждет чего-то большего.

– В таком случае ему стоит поискать в другом месте, – заметила я. – Бельверус переполнен охотниками за титулами и богатством. Вдобавок беднягу никто не заметит. Что значит какой-то принц крови, приехавший из Кофа, по сравнению с круговертью, устраиваемой вокруг четырех сыновей короля? Единственное, чего он может добиться – женитьбы на какой-нибудь девице из родственного королю семейства. Эльсдорфы, да простится мне простонародное высказывание, плодятся, как кролики весной.

– Фу! – Цици состроила гримаску и задумчиво добавила: – Кстати, этот Тараск очень даже неплох собой. Наверняка вскоре последуют куртуазные драмы, разбитые сердца будут подсчитываться десятками, а милорд Тараск обретет репутацию

дамского погубителя.

– Пожелай ему успехов на сем тяжком поприще, если как-нибудь встретишь в темном уголке, – попросила я, и мы захихикали.

Однако вскоре королевский племянник нашел возможность отличиться. В горах на границах с Аквилонией уже полгода бесчинствовала крупная и неуловимая шайка грабителей, нападавших на торговые караваны, зажиточные деревни и даже взявшая штурмом небольшой замок. Пограничная стража никак не могла захватить разбойников, и, когда в столицу пришло очередное паническое донесение, Тараск вдруг предложил свои услуги. Мол, его присутствие при дворе не слишком обязательно, под его рукой ходит опытный отряд, и он всегда будет рад послужить на благо высокородному брату своей дражайшей матушки… Возражений не нашлось – вдруг его светлости в самом деле повезет? – и с луну назад месьор Тараск со своими людьми отправились к Немедийскими горам, именем короля наводить справедливость и карать злоумышленников.

Легкое удивление при дворе вызвало то обстоятельство, что вместе с Тараском на охоту за разбойниками отправилась Дженна.

Дженна. Надо признать, это что-то с чем-то! Сложение богини из нордхеймских саг, повадки амазонки и при этом – спокойный, хладнокровный и расчетливый ум, больше подходящий опытному царедворцу или полководцу. Может, эта девица не слишком образована, зато ей не откажешь в знании людей. Никто до сих пор не понимает, как она сумела пробиться в Бельверусский дворец, однако теперь она – неотъемлемая часть двора. Не придворная дама, не фрейлина, не знатная госпожа – просто Дженна.

Если подходить со всей строгостью этикета и происхождения, она – самая настоящая простолюдинка. Правда, очень богатая простолюдинка. Единственная наследница главы Гильдии торговцев пушным товаром из Пограничного королевства. Ее отец заправляет в этой загадочной стране, населенной выходцами со всего Материка и вдобавок народом полуволков-полулюдей, оборотней, едва ли не всей торговлей. Неудивительно, что почтенный господин Стеварт совершал частые поездки в Немедию и был принят при королевском дворе.

Лет пять назад он привез с собой дочку, диковатое и привлекательное создание восемнадцати лет, зовущееся Зенобией из семейства Сольскель. Сочетание вычурного имени, данного матерью-хауранкой, с грубоватым нордхеймским прозванием рода отца, чьи предки были из Ванахейма, звучало настолько

чудовищно, что девушку очень быстро начали переименовывать. Зенобия превращалась в Зенну или Дженну, в Йенну и попросту Йен. Согласитесь, «Йен Сольскель» намного приятнее для слуха и более соответствует облику носительницы имени.

Девица из Пограничья на удивление быстро привыкла к городской жизни. Отец, видимо, давно понял, что бесполезно навязывать дочурке какие-то правила поведения и предоставил полную свободу. Дженна, вопреки обыкновению, не ударилась во все тяжкие. Она не пыталась удачно выскочить замуж или стать чьей-то любовницей, хотя от мужчин не бегала. Сначала ее частенько видели в обществе Айрена, посла Британии. Его она сменила на ди Рагбе, легата «Немедийского дракона» – если верить слухам, именно он привел ее в Бельверусский замок. От Рагбе сметливая купеческая дочка ушла к Хеннеру, помощнику капитана королевских гвардейцев. Этому, в свою очередь, она предпочла месьора Тараска из Кофа. Но, как утверждает осведомленная буквально во всех делах двора Цици, Дженна не любовница Тараска, а просто… Просто подруга.

Что самое удивительное, Дженна умудрялась избегать непременно возникающих вокруг любой бывающей при дворе женщины сплетен. Ей не требовалось ни золота, ни места при дворе, а со своими поклонниками она ездила на охоту за кабанами, рубилась на мечах на тренировочном плацу и наотрез отказывалась принимать их подарки.

Чем Дженну привлек кофийский гость – оставалось непонятным. Однако вот уже вторую луну он волочился за решительной нордхеймской красоткой, пусть и не добился особых успехов. Не зря же она согласилась прокатиться с ним в Немедийские горы. Хотя кто знает… Может, погоня за разбойниками для Йен Сольскель такое же заурядное развлечение, как стрельба из лука по фазанам?

Моя мать, когда я спросила ее мнения, заявила, что считает Дженну выскочкой и деревенской девчонкой, случайно поймавшей удачу за хвост.

4 день Первой весенней луны.

Сегодня утром в городе во всеуслышание объявлено, что через два дня при дворе состоится празднество, посвященное военным успехам его высочества принца Тараска, а также гуляния для горожан всех сословий, с раздачей выпивки и угощения за счет казны. Вестри и десяток его особо отличившихся соучеников будут нести охрану во дворце, оттого мой братец носится между оружейной, конюшней и Академией, шпыняет слуг и не замечает

ничего вокруг.

А я замечаю. Моим родителям не прислали приглашения. Отец редко бывал на торжествах подобного рода, однако всякий раз, когда из дворца являлась торжественная процессия, привозившая украшенный печатями и вензелями пергамент, матушка немедля отправлялась в грабительский поход по ювелирным лавкам и портнихам, утверждая, что ее предыдущие украшения и наряды никуда не годятся.

Насколько я понимаю, за последние две-три луны отношения между Троном Дракона и герцогом Эрде стали несколько натянутыми. Должность главы Вертрауэна, которую мой отец занимает почти пятнадцать лет, неминуемо сулит возникновением трещин между ним и сильными мира сего. Отцу известно слишком много тайн и скрытых пороков, он знает истинную подоплеку громогласных официальных договоров, причины войн и заговоров, суммы долгов королевских любимчиков и то, о чем шепчутся в тавернах на улицах возле Бычьей площади, где находятся кварталы черни. Неудивительно, что у могущественного Эрде полно врагов. Если же добавить всех, обведенных вокруг пальца моей матерью, то становится удивительно, почему наши с Вестри родители еще живы. Опасно сосредотачивать в своих руках такую же власть, как у короля.

В начале зимы я решилась заговорить об этом с отцом. Спросила, не пугает ли его звание второго человека в Империи. Ведь вторые рано или поздно захотят стать первыми.

– Я не вижу достойных противников, – ответил своей любознательной дочери Мораддин Эрде. – Король, да продлят боги его жизнь, все-таки слишком стар. Канцлер Тимон, который тоже в возрасте, скоро будет вынужден отойти от дел. Наследник же всецело на моей стороне и многим мне обязан… Да, знаю, опаснее враги не явные, а затаившиеся, но и таких пока не обнаружено. Редкий случай, Дана – в Немедийской империи все благополучно!

Сказал – и точно сглазил.

В столице началось нечто странное.

Ни с того, ни с сего умер грозный Шестопер, Йонан Трогвер, высший королевский военачальник, человек еще не старый, герой битв при Лезене и Дьене, живая легенда и давний приятель отца. Тысячник в жизни ничем не болел, хотя жаловался на боль от полученных в сражениях ран и нескольких переломов. Подозревали, что Трогвера отравили, дабы расчистить место претенденту на его звание, однако это не подтвердилось. Временно на освободившееся место назначили кого-то из лучших командиров Шестопера, но должность по сей день оставалась

вакантной. Король не находил подходящей замены и не спешил, благо войны ни с кем не предвиделось.

Дальше – больше. От турнирной раны скончался Хальвис, один из доверенных помощников отца. Во время оленьей охоты лошадь скинула госпожу Ранолли, честолюбивую и умную фаворитку наследника Немедии. Внезапная лихорадка унесла младшего сына месьора Виграса, носившего титул королевского смотрителя рудных промыслов и часто захаживавшего в дом герцога Эрде. Виграс после этого начал излишне злоупотреблять вином, став затворником в собственном доме. А молодой Уриене, успешно выполнявший для отца какие-то поручения в Аргосе, повесился, якобы обнаружив неверность жены…

– Все это выглядит очень естественно, и потому я на ломаный сикль не верю!

Так убежденно сказала моя мать, и я это слышала, хотя родители не догадывались о моем присутствии. Они разговаривали в Синей гостиной, а я сидела за ширмой, вполглаза почитывая трактат о постройке Дороги Королей. Конечно, я могла бы встать и выйти… но решила остаться.

– Я доверяю твоим предчувствиям, но предпочел бы доказательства, – спокойно ответил отец.

– Доказательства? – я услышала, как матушка раздраженно постукивает ногтями по фарфоровой вазе. – Когда жена наставляет тебе рога, ты ищешь обидчика, а не лезешь головой в петлю! Трогвер, старый дуб, вполне мог пережить всех нас! Ранолли, пусть и была вертихвосткой, верхом ездила не хуже гирканского кочевника! Виграс… Ну…

– Это эмоции, – перебил отец. – Значит, верных доказательств у тебя нет.

– А когда я последний раз ошибалась? – сердито выкрикнула госпожа Эрде. – Дин, в конце концов, не будь слепцом! Посмотри на короля!

После этого возникла напряженная пауза. Звякнула с размаху поставленная на каминную полку ваза.

– Что значит – «Посмотри на короля»? – нарочито равнодушно уточнил мой отец.

– Мне перечислить? Странные указы, поспешные назначения неподходящих людей, мелочные хлопоты по пустякам… Он не обращает внимания на твои советы, на советы Тимона, даже на просьбы наследника! Знаешь, его поведение начинает до болезненности напоминать выходки блаженной памяти Нумедидеса Аквилонского в последний год его правления! Ты ведь не хочешь повторения тамошней истории, а? Увы, но в Немедии не найдется подходящего варвара, способного захватить

трон…

Из-за края ширмы я увидела мать – желтые глаза горят, пальцы непроизвольно сжимаются в кулачки, каштановая коса, как живая, мечется из стороны в сторону, сверкая вплетенной ниткой топазов. Спасайся, кто может – Ринга Эрде изволит гневаться.

– Ты преувеличиваешь, – не слишком уверенно возразил отец.

– Ничего я не преувеличиваю! – матушка с размаху пнула оказавшийся на пути табурет. – Я говорила и повторяю – происходит что-то неладное! Отчего в столице то и дело вспыхивает недовольство? Кто и зачем распускает грязные сплетни о королевской семье? Недавно мои мальчики видели на площади перед дворцом какого-то оборванца, прикидывавшего очередным безумным пророком. Тот кричал, будто королевская семья – змея о многих головах, и эта змея отравит Золотого Дракона Немедии! Стражники пытались его схватить, но мерзавец скрылся на задворках Мясного рынка. Дин, нужно что-то делать!

– Я делаю, – мягко заверил супругу герцог Эрде. – И буду тебе признателен, если ты перестанешь кричать и окажешь мне хоть какую-то помощь.

Мать глубоко вздохнула, успокаиваясь.

– Этой зимой мне как-то не по себе, – тихо призналась она. – Я… Ладно, пустяки. Справлюсь.

Она была права, предчувствуя недоброе, и совершенно напрасно не рассказала о том, что ее тревожит.

Только какая теперь разница, если владетельница замка Эрде сошла с ума и мечется в подвалах собственного особняка, ища и не находя выхода?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
Из воспоминаний графа Монброна – II
«Под сенью Драконьего Трона»

Бельверус, Немедия.
5 день Первой весенней луны.

– Два золотых аурея, ваша милость. И еще по аурею с лошадей. Товаров никаких не везете?

– Ты хорошо рассмотрел мой герб? – я высокомерно задрал подбородок. – Какие товары, олух? За свою жизнь ты встречал хотя бы одного герцога, торгующего тряпками или драгоценностями?

– Всего колокол назад проезжали, – непринужденно отозвался начальник караула. – Ихняя светлость герцог Зельм из Ашеберга по прозвищу Мясной Бычок. Владелец самых больших говяжьих боен в окрестностях столицы. Поставщик двора. Деньги зашибает несчитаные. Вот так, ваша милость.

Мне пришлось запихнуть свою дворянскую гордость поглубже и гордо промолчать. Достав кошель, я отсчитал причитающуюся мзду, забрал у стража подорожную и две моих лошади, седловая и заводная, вошли под своды тяжелой арки Восходных ворот Бельверуса.

Почему я избрал именно Восходные ворота, а не Аквилонские, смотрящие на Закат? Очень просто. Теперь я никакой не Маэль ди Монброн, а подданный Его величества короля Балардуса, девятый сын кофийского герцога и просто богатый путешественник. Имя мое ныне звучит как Влад Зимбор из знаменитой семьи герцогов Зимбор, владеющих землями на границе Кофа с Офиром, а заодно и неисчерпаемыми серебряными рудниками, приносящими исправный доход нашей разветвленной дворянской фамилии. Полагаю, что если нынешний герцог Зимбор узнает о появлении на свет еще одного сыночка, обид не возникнет – старик весьма плодовит и к своим шестидесяти годам обзавелся восемнадцатью сыновьями, пятью дочерьми и несчетным количеством бастардов, которые по кофийским законам тоже имеют право носить герб отца, только с красной геральдической перевязью.

Барон Гленнор не случайно избрал для меня эту легенду. Пожилой герцог практически не покидает своего замка и

столкнуться с названным папашей я не сумею. Если нарвусь на «братьев» или «сестер», меня наверняка спасет уже упомянутая перевязь за гербе. Перед немытыми стражниками я, конечно, могу вовсю бахвалиться благородным происхождением, но в действительности я – бастард бастардом. Ничего страшного в этом нет – любой носитель герба, будь он законнорожденным или зачатым в грехе блуда, так или иначе обладает всеми привилегиями дворянина.

Внезапная встреча с любым из «родственников», к счастью, не грозит мне плачевным разоблачением. Да, сударь, я бастард Зимбор, родился двадцать пять лет назад от нашего общего папеньки и некоей немедийской вдовы-графини, приглянувшейся его светлости. Докажите, что это не так! Я и дворянскую грамоту с положенными печатями предъявить могу, и личное письмо любвеобильного отца, в котором он признает меня своим бастардом. А вот, полюбуйтесь – медальон с портретом обожаемого родителя, подаренный моей любимой, но увы, недавно скончавшейся матушке много-много лет назад…

Словом, не подкопаешься. Для кофийцев – я немедиец, для подданных Трона Дракона – кофийский дворянин. Поди разберись, кем на самом деле является Влад, бастард Зимбор!

Из-за кофийского герба (три серебряных полумесяца на синем поле с алой перевязью) мне пришлось объехать Бельверус по полуденному тракту и поискать Восходные ворота – мол, явился прямиком из Хоршемиша. Лошади зингарской породы? Купил. Другую породу не признаю. Могут быть у дворянина свои капризы или нет? В остальном же – вылитый кофиец. Короткая стрижка горшком, никакой бороды, только щеточка аккуратно подстриженных усов. Дорожная одежда по последней моде Кофа – высокие ботфорты, штаны-буфы, кожаный колет с меховым воротником и капюшоном, темно-серый плащ. Круглая шапка с ниспадающим шарфом. Вместо прямого немедийского меча – изогнутая сабля-карабелла с отделанным отполированной яшмой эфесом. Экий красавчик, смотреть противно,…

На улицах Бельверуса спокойно – идет торговля, открыты лавки и таверны, однако я с первого взгляда определил некую странность: чересчур много военных и городских стражников. Патрули большие, ходят не по трое, а по пятеро. Вдобавок разъезды конной гвардии – эдакие суровые, затянутые в кольчуги бородатые громилы с пиками наперевес. Неудивительно: по донесениям лазутчиков барона Гленнора, зимой в немедийской столице происходили частые волнения черни и проявления недовольства нынешней властью. Вот и доказательство – на каменной ограде одного из домов просвечивает тщательно

закрашенная плохой черной краской гадюка с пятью головами под пятью коронами, под которой можно разобрать надпись «Раздави гадину!». Подпадает под закон об оскорблении величества словом и делом. Пять голов змеи явно символизируют правящего монарха и четырех его сыновей, а уж призыв «раздавить» недвусмысленно призывает к свержению династии. Кому это, интересно, так насолил старина Нимед с наследниками?

– Извини, почтенный, – я окликнул проходящего куда-то по своим делам горожанина. Пожилой мужчина вздрогнул и уставился на вооруженного всадника с подобострастным испугом. – Как проехать на улицу Гвоздик?

– Едешь прямо по Драконьей, отсчитаешь три перекрестка, – скороговоркой пробормотал немедиец. – На четвертом свернешь направо. Вот и улица Гвоздик.

Он быстро развернулся и зашагал прочь, даже не подобрав серебряный орт, который я щедро швырнул в награду за столь обстоятельный рассказ. Монетка досталась пробегавшему мимо мальчишке.

Вот он, четвертый поворот. Точно, на стенах каменных темных домов висит символ улицы – выкованная из черного железа гвоздика. Здесь не как в Тарантии, улицы обозначаются не надписями, а знаками. На Драконьей, соответственно, размещаются фигурки драконов, на Волчьей, разумеется, волки…

Я заметил требующуюся вывеску: «Меняла Реймен Венс». Под надписью значок гильдии – весы и кошель. Направил лошадей к дому, спешился, привязал поводья к коновязи и вошел внутрь.

Обычная лавка менялы, какие встречаются в любом городе Закатного Материка. Стойка хозяина, шкафы для хранения свитков и расписок, ящички с монетами, грубоватые подсвечники и закопченный потолок. Окна здесь не протирали, наверное, лет пятьдесят. Мрачно. И хозяин в точности подходит к обстановке – эдакий поседевший лис с клинообразной бородкой, всю жизнь чахнувший над денежными сундуками. Взгляд, однако, острый и оценивающий.

– Чем могу служить, ваша милость? – месьор Реймен поднялся с резного стула. – Желаете обменять абердары Кофа на немедийское золото? Или заложить что-нибудь? В этом случае я советую навестить лавку ростовщика Остара, она напротив.

– Да, обменять, – согласился я, вытаскивая из потайного кармашка опознавательный знак – древний стигийский тилль в форме звездочки с пробитым посредине отверстием. Положил на стойку. Сказал надлежащие слова: – Говорят, будто такие монеты довольно редки.

Меняла двумя пальцами взял старинную денежку, поднес поближе к глазам, посмотрел на меня, затем снова на монету. Ответил, словно нехотя:

– Ничего подобного, у меня хранится полтора десятка тиллей стигийской чеканки.

«Ага, – подумал я, – значит, все в порядке. Если бы наш конфидент, коим и является месьор Реймен, хотел предупредить об опасности, то заявил бы, что подобных монет прежде не встречал и согласен обменять редкость на десять ауреев».

– Жить будешь здесь, – без лишних предисловий объявил меняла, усаживаясь обратно на стул и пряча монету в пояс. – Я иногда сдаю второй этаж дома постояльцам, подозрения это не вызовет. Могу я узнать твое очередное имя?

– Э… Влад, сын герцога Зимбора. Незаконный. Приехал в Немедию искать счастья и службы.

– Замечательно, Влад, – наконец соизволил улыбнуться меняла. – Прислуги можешь не опасаться – люди верные.

– Возьми, почтенный, – я вынул из-за пазухи пропахший потом конверт с печатью одного из аквилонских торговых домов и шифрованной надписью. Если бы меня кто-нибудь обыскал, в сей депеше тоже не заметили бы ничего необычного. Секреты купеческие хранятся не хуже секретов государственных, а в переписке между деловыми людьми тайнопись употребляется едва ли не чаще, чем в обмене посланиями меж посольствами и королевскими дворами.

Реймен немедленно вскрыл пакет, едва заметно шевеля губами, прочел криптограмму и тотчас сжег пергамент. Стряхнул жирные хлопья на пол. Кивнул:

– Понятно. Все приказы господина барона будут исполнены незамедлительно. Теперь я познакомлю тебя с моей служанкой и домоправительницей. Гарна! Гарна, пойди сюда!

В дверном проеме за стойкой появилась толстая женщина лет пятидесяти, в переднике и черном чепце.

– Гарна, покажи этому месьору покои на втором этаже. Он временно поживет у нас. Скажи конюху, чтобы разобрался с лошадьми благородного господина Зимбора. Иди, Влад. После долгого путешествия следует отдохнуть и отоспаться. О делах поговорим вечером.

То, что месьор Венс называл словом «покои», оказалось четырьмя комнатами – маленькой спальней, рабочим кабинетом, столовой и приемной. Недурно. Обстановка несколько архаичная, мебель слегка поедена жучком, балдахин над постелью пропылен, но зато окна чисто вымыты и выводят прямиком на улицу.

– Здесь, извольте видеть, запасной выход, – толстая Гарна

подвела меня к стене в кабинете и коснулась пальцами украшавшей панель резной головы льва. – Жмете на глазки животному – дверь открывается.

Точно. Едва служанка выполнила это действо, часть стены бесшумно отошла в сторону, обнаружив темный провал с уводящей вниз лестницей.

– Выводит в соседний двор, – продолжала втолковывать Гарна. – И на совсем другую улицу. Если дело совсем плохо – выбивай вон то окно, рама нарочно ослаблена. Под окном всегда стоит телега с сеном. Потребуется срочно вызвать меня – дергай за шнур, услышу колокольчик. Остальному, думаю, тебя учить не нужно. Надо что-нибудь прямо сейчас?

– Надо, – согласился я, попутно размышляя о том, насколько хорошо барон Гленнор выдрессировал своих конфидентов. Главное для работника тайной службы – подготовить пути к отступлению. – Обед поскромнее и кувшин вина. Вечером приготовь бочку с горячей водой, хочу отмыться.

Гарна молча кивнула и ушла.

Я плюхнулся в мягкое кресло, стоявшее рядом с потайным ходом, вздохнул и сказал сам себе:

– Добро пожаловать в Бельверус, граф. Чем бы мне здесь заняться?

* * *

– …Конечно, мы наблюдаем за жизнью королевского двора, благо именно в замке короны всегда происходят самые интересные дела. Впрочем, завтра ты самолично взглянешь на немедийский зверинец.

Давно отбило полночь. Я и месьор Реймен Венс восседали в креслах возле камина, потягивали вино и беседовали. Проснулся я лишь поздно вечером, отмылся, снова покушал (хорошая еда является моей маленькой слабостью со времен юности), а вскоре меня навестил хозяин, жаждущий поделиться самыми свежими новостями.

Если вкратце, то сплетни звучали примерно так: в Немедии неспокойно. Точнее, указанное беспокойство охватило не страну целиком, а королевский двор и столицу без особых на то причин. Да, увы, прошлой осенью случилась эпидемия кровавой лихорадки, умерло много людей, однако Трон Дракона оказал помощь всем пострадавшим, нанял самых знающих магов-лекарей

и сумел остановить болезнь. Да, в прошлом году был неурожай и цены на хлеб подскочили. Да, король Нимед ведет себя странно. Сие вполне можно объяснить весьма почтенным возрастом Его величества. Стрясались и худшие эпидемии, бывало, что урожай погибал на корню целиком и полностью, а короли сходили с ума, но страна жила – если государство разумно устроено, то пошатнуть его величие не смогут ни безумные монархи, ни призрак голода. В конце концов, хлеб всегда можно приобрести у соседей на средства казны.

Сейчас же происходит нечто загадочное. И объяснять темное облако, накрывавшее замок короны, простым народным недовольством было бы опрометчиво. Удивительное дело – король стал исключительно редко показываться на людях, государством правят канцлер Тимон, наследник трона Нимед-младший и герцог Мораддин (последний, надобно заметить, есть человек крайне искушенный в тайнах управления огромной монархией, да и Тимон с его долгим опытом канцлерства тоже отнюдь не дурак…). С возникшими прошлым годом трудностями корона справляется, и все равно – люди недовольны.

– Чем недовольны? – уточнил я. – Обычно недовольство возникает в случаях, когда нарушается торговля, растут цены и налоги, если идет затяжная война или правители чересчур переступают через законы, установленные ими самими и силами божественными. Месьор Реймен, тебе не кажется это подозрительным?

– Мне все кажется подозрительным, – проворчал меняла. На самом деле неприметный купчишка из Бельверуса, как он сам мне признался, был младшим сыном одного из боссонских графов, всю жизнь посвятившим службе в Латеране и состарившимся на ней. – Ты мне кажешься подозрительным. Круговерть вокруг дворца кажется подозрительной. Несколько последних седмиц Бельверус окутан страхом – кто-то или что-то убивает людей, разрывая их на части и высасывая кровь… Подозрительно?

– Наверное, сумасшедший, – предположил я. – Мне рассказывали о таком безумии. Убийца воображает себя вампиром или, например, оборотнем…

– К делу это не относится, – поморщился конфидент барона Гленнора. – Пусть у городской стражи голова болит. Хотя… Лишний повод для недовольства. Убийца перерезал уже два десятка молодых людей, в основном благородных, а прецептор столицы и хитромудрый глава Вертрауэна месьор Мораддин не могут его поймать. Куда смотрит власть? Матери боятся отпускать детей на улицы! Кто виноват? Ленивая стража? Да ничего подобного! Виноват король!

– Почему? – изумился я.

– Правитель всегда виноват во всем, особенно в неприятностях, – поучающе сказал Реймен. – Оставим нашего сумасшедшего. Вот, возьми.

Он протянул мне туго свернутый пергамент. Дорогая, тончайшей выделки телячья кожа. Не менее одного аурея за лист. С одного конца пергамента на витом золоченом шнуре свисала тяжелая печать зеленого сургуча с оттиском королевского герба.

– Приглашение за завтрашний праздник, – пояснил Венс. – День военной славы. Благороднейший принц Тараск заполучил свой триумф – слышал, наверное, о шайке Задара Кровавого? Это была не шайка, а отлично вооруженный крупный боевой отряд, грабивший поместья и деревни на аквилонской границе. Задар оставался неуловимым более полугода. Разгромил сотню королевской гвардии, отосланной на поимку бандитов. Но вот появляется принц Тараск со своими кофийцами и наемниками, за две седмицы отлавливает Задара и привозит его голову в столицу. Триумф посвящен победе принца. Затем – так называемый Большой прием во дворце для истинных дворян.

– Где ты достал приглашение? – ахнул я, и тут же замолчал, перехватив слегка презрительный взгляд Реймена. Конечно, конфидент, работающий в Немедии уже двадцать лет, может достать все, что угодно. У поддельного менялы наверняка обширные связи во дворце – он может ссужать деньги благородным, но разорившимся из-за скачек или любовниц придворным, иногда прощать долги, иногда нет… Ничто так не связывает людей, как золото. – Хорошо, не буду задавать глупых вопросов. Что мне делать на празднике?

– Это вопрос еще более глупый, – сухо ответил Реймен. – Чему тебя учили в Латеране? Смотри, слушай, заводи знакомства, флиртуй с дамами. Нравы при дворе Нимеда достаточно непринужденные, а молодые жены престарелых государственных советников падки на малоизвестных и привлекательных бастардов. Словом, приглашение я тебе устроил, дальше действуй самостоятельно. Парадная одежда найдется или достать?

– Разумеется! – оскорбился я, покосившись на объемистые свертки с вещами, привезенными из Тарантии и поднятыми в мои комнаты конюхом, пока я отдыхал. – Самые лучшие наряды!

– Надеюсь, кофийские, а не аквилонские? – поддел меня Венс, но, заметив мой яростный взгляд, ехидно усмехнулся. – Не надо сердиться. Я просто спросил. Между прочим, барон Гленнор в своем послании требовал обеспечить тебя всем необходимым. То есть буквально всем, что попросишь.

– А если я попрошу корону Немедии?

– Завтра же доставят хорошую копию, не отличишь, – меняла продолжал улыбаться. – Желаю тебе спокойно провести ночь. Если что-то срочно потребуется – зови Гарну. Домоправительница спит очень чутко.

– Если мне что и потребуется, то уж точно не от нее, – фыркнул я, когда хозяин дома уже стоял в дверях. Опытный конфидент даже не обернулся, пропустив столь вызывающую колкость мимо ушей.

Я устроился за столом в кабинете и начал писать первый отчет, который Реймен завтра же перешлет в Аквилонию, сначала барону Гленнору, а через него и королю Конану.

6 день Первой весенней луны.

Если Аквилонию частенько попрекают в так называемой «строгой торжественности», то я затрудняюсь подобрать словесную формулу к государственным церемониям Немедии. Куда более строго и куда более торжественно, чем у нас. И это при условии, что принц Тараск удостоен лишь весьма скромного по здешним меркам триумфа с «церемониальным маршем гвардии до площади Знаменосцев и белым фейерверком». Сейчас объясню, что сие означает.

Главная улица Бельверуса, ведущая от замка короны до вышеназванной площади, обильно драпируется красными, белыми и черными полотнищами – цветами немедийского штандарта. Расставляются высокие колонны, увенчанные распахнувшим крылья золотым драконом или бюстами предыдущих королей, флейты, трубы, барабаны… Принц Тараск во главе конногвардейской колонны не спеша проезжает от замка до площади (около четверти лиги) под восторженные вопли праздных зевак. На Плацу Знаменосцев принц обязан спешиться, взять в свою левую руку государственный штандарт, в первую же – обнаженный меч, и принять парад четырех гвардейских сотен, двух пеших и двух конных. Затем начнется «белый фейерверк» – последнее новомодное введение, пришедшее на Закат из Кхитая. Над площадью взлетят пылающие ярким белым огнем звезды, извергаемые специальными стальными трубами. Замечу, что «красный фейерверк» дается лишь в честь короля, наследного принца или человека, заслужившего титул «Великого защитника Немедии». «Красным» он называется не потому, что белые огненные звезды заменяются багровыми – на самом деле там используется разноцветная горючая смесь – виновно слово «красивый», постепенно превратившееся в «красный».

После церемонии народ расходится по тавернам, пить за

здоровье триумфатора, а люди благородные съезжаются в королевский дворец на Большой прием. Что я сегодня и сделаю.

Приглашение сыграло свою роль. Меня, расфуфыренного до неприличия в бархат, парчу и золото, беспрепятственно допустили на площадь, королевские служки забрали лошадь, препроводили на трибуну, где я едва не оглох от восхищенных криков юных отпрысков самых высокопоставленных деятелей Немедийского королевства и чуть не потерял обоняние от духов и благовоний прекрасных дам. Бесспорно, торжество вышло на славу. Блестящие кирасы гвардейцев, «драконьи шлемы», десятки знамен, рев боевых рогов… Тараска Эльсдорфа я увидел только издалека. Он показался мне высоким, сильным и достаточно привлекательным мужчиной, недавно вошедшим в возраст, именующийся «зрелостью». Его свиту я рассмотрел плохо, выделялась лишь долговязая темноволосая женщина с крупными чертами лица – некая девица Дженна из Пограничья, носившая, соблюдая приличия, темно-зеленый охотничий костюм, в котором для женщины допускаются штаны и высокие сапоги.

Отгремели возгласы восторга, умолкли трубы, барабанщики уложили палочки в особые ножны на поясе… Я спустился вниз с деревянного помоста, отыскал свою кобылку и вслед за расцвеченной дорогими тканями вереницей дворян отправился в замок короны.

Дворец Нимеда, его постоянная резиденция в Бельверусе, значительно отличается от местопребывания аквилонского монарха. Если Тарантийский дворец начал строиться лет восемьсот назад, то немедийцы возвели замок всего семьдесят пять лет тому, при дедушке Нимеда. Стиль классический – квадратная коробка серого камня, по углам круглые остроконечные башни, напоминающие свечи, над самой высокой, выводящей к Полуночи, колышется знамя – красная, белая и черная полосы с вышитым изображением дракона, свившегося в кольцо. Замок большой, имеющий множество пристроек и прилегающий к беспредельному Оленьему парку, занимающему едва не четверть площади столицы.

На въезде у меня еще раз осмотрели пергамент с приглашением, выдали специальную брошь в виде серебряной драконьей лапы, сжимающей меч – ее следовало приколоть на одежду каждому гостю. Вроде как подарок короля, и в то же время отличительный символ. На мой кофийский герб бастарда никто не обращал внимания, благо кофийцев при дворе ныне завелось великое множество, спасибо принцу Тараску.

– О, рыцарь, я вижу на вашем гербе знакомые полумесяцы! – ко мне с улыбкой обратился разодетый в пух и прах молодой

человек, с которым мы рука об руку поднимались под лестнице в зал Больших приемов. На его одежде мерцали золотом и рубинами символы династии Крейнов, владельцев обширных ленов на полуночи Немедии, возле самых рубежей Пограничья. – Помнится, ваш сводный брат не столь давно выиграл у меня в кости великолепного стигийского жеребца!

«Начинается, – грустно подумал я. – Барону Гленнору следовало бы выбрать в качестве моей якобы семьи не столь разветвленный род. Придется изворачиваться и врать напропалую».

– А ты не мог бы уточнить, каким именно по счету являлся мой сводный брат? – пытаясь изобразить на лице любезность, ответил я. – Нас, потомков герцога Зимбор, наберется на целый полк.

Крейн расхохотался, чуть критически осмотрел красную перевязь бастарда, видимо, размышляя, достойно ли его графской милости общаться с незаконнорожденным, пускай и носящим герб, дворянином, но тень с его лица тотчас исчезла. Подумав, он доверительно сообщил мне:

– Знаешь, благородная кровь всегда остается таковой, родился ли ребенок в браке или без него. Раньше я никогда не видел тебя при дворе. Позволю себе представиться – наследный граф Эдмар Крейн, владетель области Соленых Озер.

– Влад Зимбор, – поклонился я в ответ. – Наследник лишь одного имени, владеющий только собой и своим мечом.

– Неплохо для начала, – весело согласился молодой граф. – Давно в столице?

– Будешь смеяться – второй день, – честно признался я.

– О-о, – протянул Эдмар. – Как же тебя пригласили на Большой прием? А, понимаю! Принц Тараск наверняка постарался. Он ведь родился в Кофе, и сейчас, пребывая в фаворе, наприглашал в Бельверус множество своих друзей.

– Твоя проницательность достойна уважения, – сдержанно ответил я. – Почтенный Эдмар, я здесь впервые и…

Пришлось сделать многозначительную паузу. Граф Крейн понял с полуслова.

– Разумеется, я тебя со всеми познакомлю! Все-таки я капитан гвардии и не первый год при дворе. Впрочем, давай оставим это дело на вечер. Сейчас все ждут выхода короля.

Мы оказались в чудовищно огромном зале – колонны розового мрамора, обсидиановые скульптуры, мозаичные картины на стенах. Холодное немедийское великолепие. В отдалении виден трон Нимеда. Трон выполнен умелым мастером в виде сидящего золотого дракона, чей свернувшийся хвост являет собой

ступеньки, голова с оскаленной пастью и раздвоенным языком возвышается над монархом, а широкие кожистые крылья прикрывают его справа и слева. Я невольно усмехнулся – бархатная подушечка, на которой должен восседать Нимед, находилась как раз в той части фигуры дракона, где по любым законам природы должно располагаться причинное место сей чешуйчатой твари. Впрочем, у меня, наверное, слишком извращенное воображение.

– Тихо! – шикнул на меня блестящий королевский гвардеец, он же граф, владетель ленов и придворный кутила. – Смотри, король!

Распахнулись главные двери зала, монарший герольд выкрикнул что-то неразборчивое, но очень торжественное, и на постеленную бархатную дорожку, ведущую через все помещение к трону, ступил король Нимед Первый.

Старик! Боги, это же древний старик! В свои шестьдесят восемь лет Нимед выглядит почти на девяносто. Два пажа ведут короля под руки, положенная на приемах церемониальная мантия из бархата и шкур горностая заменена на легкую и почти невесомую шелковую, вместо короны Дракона облысевший череп монарха украшает простой золотой обруч. Взгляд блуждающий и отсутствующий.

Попомнишь тут Нумедидеса!

Конан говорил мне, что еще шесть лет назад, во времена Полуночной Грозы, Нимед был крепким и сильным стариком, заводил себе любовниц, выступал на турнирах, сам командовал войском, когда немедийцы выступили на стороне Аквилонии против Офира… Что же случилось с королем? Всего за половину десятилетия постареть на двадцать лет? Выглядеть так, будто находишься на краю могилы? Невероятно!

Я отвел глаза от монарха и обратился к людям, которые его сопровождали.

Триумфатор Тараск идет вслед на Нимедом. Без дамы – принц не женат, а появляться на Большом приеме с фавориткой считается неприличным. За ним шествует наследник трона, Нимед-младший с супругой – по виду счастливая пара, обоим чуть меньше сорока лет. Принца недаром прозвали «Вечным Наследником» – папочка может просидеть на троне лет двадцать, хотя что-то я в этом сомневаюсь… Еще три принца крови – Зинген, Халлен и Ольтен с женами. Ничего примечательного.

Канцлер Тимон – государственному управителю уже семьдесят пять, но он являет собой прямую противоположность Нимеду. Высокий, толстый, розовощекий, пышущий здоровьем, но чересчур унылый. Командир гвардии, великий казначей,

тайный советник Эрдрик… И все. Больше никого.

Я раскрыл рот от изумления. В свите первейших лиц королевства я не нашел человека, к которому меня и посылал светлейший государь Аквилонии Конан Канах.

Я не увидел Мораддина, герцога Эрде.

* * *

Ненадолго вернемся к событиям четырнадцатидневной давности. Выше я упоминал, что вечером двадцатого дня последней зимней луны 1294 года по основанию Аквилонии был приглашен на королевскую вечеринку для друзей и тогда же государь наш Конан Канах изволил сделать Маэля Монброна своим личным порученцем.

Веду я вот к чему: я прибыл в Бельверус по особому делу, которое король Аквилонии считал «личным» и предпочел доверить его именно мне, старому знакомому и даже немножко другу. Не сомневаюсь, здесь сыграли свою роль моя природная сообразительность, острый ум, феноменальная наблюдательность и столь же отточенное мастерство опытного конфидента, но… Прошу прощения, кажется, я слегка зарвался. Словом, Конан сказал: «Поезжай, разберись, что к чему», и я поехал. За подкладкой моего камзола находился ответ Конана на депешу его светлости герцога Мораддина, пришедшую в Тарантию за несколько дней до моего спешного отбытия в Бельверус.

«*…Конан, кажется, впервые в жизни я столкнулся с неразрешимыми трудностями*, – король медленно читал мне избранные выдержки из письма немедийского герцога. – *Мы знаем друг друга двадцать лет, и, полагаю, у тебя никогда не возникало повода усомниться в моем оптимизме, в какие бы переделки мы вдвоем не попадали. Теперь, однако, я начал ощущать себя поглупевшим стариком, который не в состоянии увидеть очевидного. Вышеупомянутые «трудности» составляются не из королевской немилости (сам знаешь, я всегда верно служил своему королю и не могу вызывать его неудовольствия, а с наследником Нимедом-младшим мы самые добрые и искренние друзья), не из опасностей, подстерегающих всякого человека, занимающегося моим ремеслом… Семья и дети тоже в порядке, хотя не совсем…*»

Конан замялся, посмотрел на меня и сказал:

– Это я читать не буду, личное. Тебе вовсе не обязательно знать обстоятельства семейной жизни его светлости. Вот, нашел.

Слушай дальше. «*Меня не оставляет ощущение беспокойства, странной тревоги, предчувствия чего-то очень и очень плохого, сравнимого, возможно, лишь с достопамятной историей о Зеленом Огне шестилетней давности. Немедию постепенно охватывает непонятная, беспричинная смута, корень и источник которой я не могу отыскать. Великие боги, Митра Солнцезарный, на протяжении последних лет я всегда мог отгадать, где, в каком месте и по какой причине зарыта любая собака, однако ныне появилось чувство, будто нахождение могилы самой главной собаки остается для меня неизвестным…*»

Конан замолчал, взъерошил волосы и уставился на меня.

– Чего это он про собак?

– Его светлость, видимо, хотел сказать, что упустил нечто самое важное, – бойко ответил я. – Так сказать, аналогия. Метафора.

– А-а… – понимающе протянул Конан. – Когда говорят одно, а подразумевают другое? Мне Хальк что-то рассказывал. Впрочем, неважно. Давай-ка доберемся до сути письма. Учти, этого я даже барону Гленнору не читал.

Мимоходом я подумал, что Гленнор сам все давно прочел – оно понятно, тайна королевской переписки и все такое, но господин барон предпочитает быть в курсе любых дел, даже касающихся лично правителя.

– «*Подозреваю, что неспокойствие, расшатывающее Трон Дракона, приходит в Немедию извне*, – продолжал Конан. – *Нет оснований подозревать в интригах Аквилонию. Пускай ты и Нимед отнюдь не являетесь душевными друзьями, вы оба понимаете, что нарушение равновесия между великими державами Заката не приведет к добру. Очень тебя прошу, попробуй раскопать хоть что-нибудь в своей стране – любые слухи, сплетни, догадки… Надеюсь, барон Гленнор не зря получает жалование, а его возможности не сравнимы с возможностями моих конфидентов, трудящихся в пределах Аквилонского королевства. Буду искренне признателен…*»

– Какие появились соображения? – Конан поднял на меня взгляд.

– Я, конечно, не хочу никого задеть, но, по-моему, письмо более чем странное, – поразмыслив, высказался я. – Ничего конкретного. Смутные подозрения, подспудное беспокойство… Конан, сколько лет его светлости герцогу Эрде?

– Ты на что намекаешь? – возмутился король. – Полагаешь, у Мораддина началось стариковское слабоумие? Да, конечно, он далеко не мальчик, ему уже за восемьдесят…

– Чего? – ошарашено протянул я. – Восемьдесят лет? Я не ослышался?

– И он еще нас с тобой переживет, – поморщился киммериец. – Кстати, это еще один секрет. Мораддин – долгожитель. Отец герцога – гном, мать – человек. Его восемьдесят в человеческом исчислении можно смело приравнять к тридцати пяти – сорока годам. Гномы живут долго, лет по триста.

– Мне надо выпить, – я бездумно потянулся к кувшину с вином. Ничего себе! Могущественный глава Пятого департамента личной канцелярии Его величества Нимеда, хозяин Вертрауэна, вечно соперничающего с нашей Латераной – полукровка! С ума сойти! Никогда бы не подумал!

– Пей, пей, – покивал варвар. – Теперь слушай внимательно. Четыре дня назад я известил барона Гленнора о письме и передал ему просьбу герцога Эрде «покопаться». Гленнор исполнителен, ничего не скажу – развернутый отчет представили уже на следующий день. Я, правда, ни пса не понял в этой зауми… Однако…

«На следующий день? – я попытался не улыбнуться, получив очередное доказательство того, что Гленнор ознакомился с письмом еще до того, как оно попало к королю. Иначе с чего бы такая быстрота? – Ай да господин барон!»

– Значит, Гленнор и я составили ответное послание в Бельверус, – сказал Конан. – Отвезешь его ты. Заодно немного развеешься. Походи в Немедии по гостям, послушай, что говорят с столичных салонах, побеседуй с нашими людьми, живущими при Троне Дракона. Словом, оцени обстановку. Отчеты присылай ежедневно. А мы с месьором Гленнором подумаем и решим, что происходит: либо Мораддин… э-э… перетрудился и ему повсюду мерещатся заговоры, либо в Немедии действительно закрутилась какая-то серьезная интрига.

– Если последнее предположение окажется верным, как мне должно поступать? – осторожно спросил я.

– Смотри по обстоятельствам, – отмахнулся король. – Не мне тебя учить. В конце концов, шпион ты или нет?

– Я не шпион, – пришлось сделать оскорбленный вид. – Я офицер департамента, отвечающего за душевное согласие меж королевствами Заката.

– Вот езжай и обеспечь мне душевное согласие с Немедией! – фыркнул Конан. – Не справишься – выгоню со службы и отправлю в папенькин замок, цыплят выращивать. Кстати, Маэль… Немного странный вопрос: ты своего предка давно видел?

– Предка? – не понял я. – Папеньку, что ли? С прошлого лета, когда последний раз ездил в гости.

– Не прикидывайся идиотом, – король нахмурился. – Я имею

в виду этого воображалу… Райана Танасульского. Который якобы бессмертный. И колдун вдобавок.

– Не колдун, маг, – привычно поправил я. – Последний раз мы встречались в Зингаре, лет шесть-семь назад. А в чем дело?

– Да так, спросил просто… Поезжай. И чтоб без глупостей! Все подробности узнаешь у барона Гленнора завтра. Так что сейчас не перепивайся, чтобы утром голова была чистая. Пойдем, повеселимся. Остальные нас явно заждались.

С тем и отбыл я в Немедию.

* * *

Терпеть не могу нудные дворцовые церемониалы! Конан, между прочим, тоже не в особом восторге от роскошных празднеств, где обязательно следует блюсти этикет, носить тяжелые и жутко неудобные одежды, брать мясо с блюда двузубой вилкой и пить вина не столько, сколько хочешь, а сколько полагается по тому же самому этикету. Впрочем, Конан – человек простой, чуть ли даже не из народа, а у меня за спиной сорок поколений благородных предков, в число которых входило безмерное множество графов, герцогов, драконоборцев, магов и даже один король – малоизвестный Гвайнард III Простоватый, правивший всего семь лет, около трех столетий тому… Происхождение, однако, обязывает: я с самым величественным видом отстоял не менее полуколокола на Большом приеме в коронном замке Бельверуса, выслушивая напыщенные речи приближенных Нимеда, вволю нагляделся на красавчика Тараска, престарелого и сонного короля, надутого гусака Тимона, гвардейцев, прекрасных дам и благородных девиц, провинциальных и столичных дворян… Скукотища немыслимая. Скорее бы переходили к угощению, а то я опять проголодался.

Новый знакомец, граф Эдмар, едва торжество закончилось, увлек меня в трапезную залу. Как выразился месьор Крейн, «хватать самые лучшие куски». Да, Немедийская монархия богата – ничего себе, вдоволь накормить и напоить тысячу приглашенных! Длинные, почти бесконечные столы (широкие доски, уложенные на козлы), лавки, покрытые парчой, драгоценные сервизы, украшенные самыми изысканными кушаньями. Служки безостановочно таскают винные кувшины и жбанчики с черным элем, мимы, фигляры, фокусники, слегка фривольная, но приятная музыка…

Я, согласно полученным приказаниям, смотрел в оба. Король немедленно после церемонии отбыл в свои покои. Трапезу возглавил Нимед-младший, показавшийся мне чересчур хмурым для столь радостного дня. Стол королевской семьи громоздился на каменном возвышении, присутствовали все принцы с женами и наследниками, Тараск восседал рука об руку с той самой девицей, которую я видел на парадном шествии… Черноволосая красавица так и не переоделась в платье, приличествующее благородной даме.

– Да какая она благородная! – ответил на мой вопрос блистательный Эдмар Крейн. – Именовать это… эту… благородной? Ах, месьор Зимбор, видно, что вы приехали из-за границы и не в курсе последних новостей. Очаровательная Зенобия, или, как ее зовут все придворные, Дженна – никто иная, как обычная варварка! В ней перемешаны самые жуткие и самые плебейские крови! Вдобавок она родом из Пограничья, и этим все сказано.

– Смею заметить, – отозвался я, прожевав кусок пересушенного мяса, – Пограничье в последние годы стало очень приличной страной. Настоящее королевство.

– Фу! – поморщился граф. – В королях – бывший десятник дорожной стражи, да еще и не человек, а оборотень! Половина страны заселена нелюдями…

– Не вижу ничего плохого в сосуществовании человека и других разумных рас.

– Ладно бы оборотни, – продолжал разоряться Крейн, совершенно меня не слушая. – Там полно гномов! Ты ведь знаешь о том, как после разрушения Небесной Горы племя проклятущих карликов повылезало наружу из своих нор? Безбожные кобольды! Паршивые подземные карлы!

– Да, да, разумеется, – на всякий случай поддержал я успевшего изрядно набраться Крейна. – Приплюснутый народец. Ужасно. Но мы начинали разговор с подруги принца Тараска.

– Она ему не подруга, – доверительно прошептал месьор Эдмар. – Клянусь памятью своих предков, эта стерва Тараска не подпускает к себе за лигу! Раньше кое-кто из гвардии пытался к ней подкатить с весьма определенными претензиями. Боюсь, теперь у этой красотки все колено в мозолях от соприкосновения с буйствующей мужской плотью. Холодна, как граскаальские ледники. Любовников выбирает сама и довольно редко… По-моему, на сегодняшний день единственный, с кем Зенобия спит в постели – это ее меч. Настоящая бой-баба, прошу простить за вульгарность.

– Тогда зачем Тараск делает вид, будто она его фаворитка? –

поразился я. – Это же неприлично! Принц – дворянин, родственник двух славнейших королевских фамилий, а ведет себя, словно… словно мальчишка.

– Он водит ее с собой для красоты, – огорченно поведал Крейн. – Чтобы остальные завидовали. Глядите, мол, какая тигрица у меня на поводке. Впрочем, не тигрица, волчица. Она же из Пограничья… Не удивлюсь, если она – оборотень, и скрывает в штанах пушистый хвост.

– Ясно, – я решительно встал из-за стола, не желая более выслушивать болтовню опьяневшего графа. – Пойду пройдусь, может быть, найду кого-нибудь из знакомых.

С самым независимым видом я прогуливался вдоль стен залы. В глазах пестрело от гербов. Вот уж действительно высший свет – самые древние и знатные семьи. Медленно, но верно я пробирался к возвышению, где трапезовали принцы. Внимания на меня никто не обращал, благо многие уже успели откушать и теперь теснились по краям огромного помещения, флиртуя, ссорясь, разговаривая или обмениваясь сплетнями. До меня долетали невнятные реплики, но, имея определенную долю внимательности, из них можно было сложить, как из мозаики, более-менее ясную картину:

– Фавор принца Тараска продлится недолго…

– Он просто пустил пыль в глаза королю. Как явился, так и исчезнет. Вдобавок он чужак – кофиец!

– Да, но матушка принца – родная сестра короля.

– Ты, почтенный, заметил, что герцог и герцогиня Эрде отсутствуют? Что бы это могло значить?

– Герцогиня Ринга, я слышал, в городе, но хворает…

– Может быть, его светлость вновь занят делами! По-моему, месьор Мораддин – единственный человек в этой стране, который искренне печется о благе государства.

– …Не забывая при том о собственном кошельке.

– Да, безусловно, семья Эрде очень богата…

– Неужели герцога Мораддина не пригласили? Быть того не может!

– Он всегда сам себя приглашает…

И так далее, в том же духе. Непривычное нарушение сложившегося дворцового распорядка, выразившееся в таинственном отсутствии четы герцогов Эрде, а заодно и выскочка Тараск были главными темами разговоров. Ничего определенного я так и не услышал.

– Эй, любезный, – я хлопнул по плечу одного из служек, ибо мне немедленно требовались сведения весьма своеобразного характера. Вина я выпил довольно много, – где тут у вас отхожее

место?

– Спуститесь по боковой лесенке, ваша милость, сразу во двор. Там увидите.

Лакей ткнул пальцем в сторону неприметной дверцы и я тотчас последовал в указанном направлении. Точно, вниз по лестнице, затем открывается выход в один из внутренних дворов замка. Из подвальных окошечек изливается вкусно пахнущий дымок – кухни.

Я промаршировал через двор к весьма обширному деревянному сооружению, сделал свои дела и совсем было решил возвращаться обратно. Уже на первом пролете лестницы я внезапно застыл, услышав полузнакомый голос, метнулся обратно, и тихонько встал за дверью. Вниз спускался Тараск с кем-то из своих телохранителей.

– Загляну на кухню, посмотрю сам, какие кушанья приготовили королю, – принц издал непонятный мне ехидный смешок. – Гляди, чтобы в это время туда не совался никто лишний.

– Как будет угодно моему господину, – пробасил сопровождавший Тараска человек. Ясно выраженный кофийский акцент. Меня они не заметили, просто прошли мимо и вынырнули на площадку двора. В наступавших вечерних сумерках я заметил, как принц спустился в кухни, а высокий человек с вислыми усами встал на страже у дверей. Прошло совсем немного времени, Тараск вернулся, махнул своему телохранителю рукой и оба вновь отправились в парадную трапезную.

«Что за ерунда! – подумал я, выбираясь из своего укрытия. – Племянник короля Нимеда лично следит за приготовлением ужина для старика? Наблюдает за тем, как варятся кашки и бульончики? Бред! А если… Нет, невозможно. Тараск не может отравить своего дядю, и не может это делать столь откровенно. Кто угодно мог видеть, как он входил на кухню. Вдобавок там повара, слуги, охрана… Со смертью короля Тараск ничего не выигрывает, ибо трон немедленно переходит к наследнику, Нимеду-младшему, который явно недолюбливает кофийского выскочку. И все равно – что-то здесь нечисто».

Барон Гленнор всегда говорил так: если в чем-то сомневаешься, проверь лично, не доверяя дело умозаключениям, построенным на догадках, или другому человеку.

Как известно, города берутся наглостью. Я решился, выкроил на физиономии пьяно-надменное выражение, спустился в кухню с самым развязным видом (кто станет перечить подвыпившему герцогскому сыночку?), и, оказавшись среди чада жаровен и сонмища вкусных запахов, заорал:

– В Большой трапезной кончается вино! Вы, свиньи, долго будете заставлять ждать высокородных дворян?!

Повара, кухарки, поварята и судомойки слегка опешили, замерев на мгновение. Только человек, которого я определил мастером королевского стола (белоснежный костюм с вышитым изображением драгоценного кубка на груди) попытался преградить мне дорогу. Я бесцеремонно оттолкнул хама, прошелся вдоль разделочных столов, шаря взглядом, и, наконец, нашел то, что требовалось – два золотых блюда с гербами Немедии, укрытых начищенными крышками. Провалиться мне на этом месте, если это не ужин короля!

– Ваша милость, – пытался увещевать меня кухонный мастер, – ваша милость, здесь не дозволяется быть посторонним! Уходите по-хорошему! Стражу ведь позову! Ваша милость, ну к чему неприятности?

– Ладно! – рявкнул я и весьма натурально пошатнулся, сбивая рукой крышку с одного из блюд. Мастер побледнел. – Чтоб вино было тотчас! Уяснили?

Я прихватил с блюда первый приглянувшийся кусок, являвшийся нежнейшим куриным филе, отправил его в рот и, демонстративно чавкая, как и положено обнаглевшему провинциалу, отправился к выходу. Никто меня не остановил.

Что меня подвигло на сие действо, почти граничащее с оскорблением величества, до сих пор понять не могу. Украсть с королевского блюда предназначенную для монарха курицу? Да, месьор ди Монброн, докатились… На что только не пойдешь ради Латераны. Стыд-то какой! Впрочем, Конан сделал бы на моем месте то же самое. Будем проще и ближе к народу.

Курица оказалась вкусной, приправленной великолепным сметанным соусом, соли достаточно, специй мало… Короля недурно кормят. Есть еще один незнакомый мне привкус, однако, я полагаю, это просто очередная хитрость кухарей, изощряющихся в деле достижения идеального вкуса. Если Тараск действительно приглядывает за трапезами возлюбленного дядюшки, то он достиг на сем поприще изрядных высот. Конан питается гораздо проще…

Я вернулся в залу, отыскал своего новоявленного приятеля, графа Эдмара Крейна, попытался сесть рядом и вдруг…

Невероятно! Такого просто не может быть! Глаза перестали воспринимать краски мира, взгляд словно бы переместился на иной план бытия. Стол вдруг начал сгибаться, словно стигийский питон, и уполз к стене, платье баронессы Арред внезапно исчезло, обнажив плоть ее милости, а плоть покрылась чешуйками, будто у ящерицы, золотая цепь на груди Эдмара обратилась пышущим

ярким огнем кольцом… Я дотронулся до протянутой ладони графа, пытаясь устоять на ногах, почувствовал под пальцами холодный металл, а не живую руку, и со всей определенностью ощутил, что схожу с ума. Мир попросту перевернулся. Все стало наоборот.

Спустя мгновение я потерял сознание, полностью уйдя в призрачное царство небывалых грез.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
Из воспоминаний графа Монброна – III
«Приватные беседы»

Бельверус, Немедия.
7 день Первой весенней луны.

– Разве можно так? Нет, я, конечно, понимаю! Порой и на королевском приеме кое-кто способен напиться, заблевать собственное платье или наряд возлюбленной подруги, обрыгать трон… Такое простительно. В конце концов, все мы люди. Даже принцев и короля иногда уносили с пиров в состоянии полнейшего свинства… Но лотос? Фи, герцог, это дурной тон!

– Меня угостили… Клянусь, я не знал, что это такое! Раньше я никогда не употреблял подобную мерзость, да, боюсь, и впредь не буду. Надеюсь, я выглядел не слишком… странно?

– Так, самую малость. Твое счастье, Влад, что большинство гостей уже изрядно набрались и ничего не заметили. Только стража, которой по статуту пить на Большом приеме не положено, подозрительно косилась, но я вовремя приказал слугам отнести тебя в мой экипаж. Ну, выпил, ну, потерял сознание, ничего страшного.

– Я тебе очень признателен, Эдмар…

– Еще заяви, что ты мой вечный должник, обязанный спасением жизни и чести… Чушь! Я в юности и не так чудил. Позволь все-таки осведомиться, кто одарил тебя крупицей желтого лотоса? А самое главное – какой мерзавец умудрился протащить запретное снадобье во дворец? Мне, как капитану гвардии Его величества, такое известие как плевок в лицо. На что мы тогда годимся, если не можем поддержать надлежащего порядка в замке короны?

– Разве за делами подобного сорта обязана следить гвардия? – ушел я от прямого ответа на вопрос. – Ловить контрабандистов и торговцев опасным зельем должен Вертрауэн или, например, внутригородская стража. Разве я не прав?

Граф Эдмар Крейн, сидевший в ногах моей постели, устроился поудобнее и сокрушенно развел руками.

– Гвардия ответственна за любые нарушения порядка, случающиеся во дворце, – сказал он. – Заведение герцога Мораддина, тот самый Пятый департамент, о котором ты

упомянул, тоже не всесильно. Хотя я подозреваю, что каждый четвертый лакей в замке наушничает его светлости. Контрабанда? Какая ж это контрабанда, если уважаемый дворянин с ветвистой родословной и древним гербом притащил с собой коробочку лотоса? Вертрауэн не интересуют богатые бездельники, изредка балующиеся запретными плодами. Скорее, ищейки Пятого департамента начали бы разнюхивать, где и как указанный барон – ну, или граф – купил порошок, у кого, за сколько, как груз лотоса попал в Бельверус? Долгое нудное расследование. В результате его светлость Эрде захватит еще одну шайку торговцев стигийской дурью. Освободившееся место немедля займет другая. Гвардия? А что – гвардия? Наше дело – охранять короля, канцлера и монаршее семейство от заговорщиков или просто сумасшедших и выполнять приказы Его величества или прецептора Королевского Кабинета месьора Хостина Клеоса.

– Это кто? – я поднял бровь, услышав незнакомое имя.

– Хостин Клеос? Светлая Иштар, да ты, Влад, совершенный провинциал! Королевский Кабинет был учрежден года два назад. Эдакий маленький Вертрауэн. Карманная тайная служба Нимеда-отца.

– По-моему, – проворчал я, – в Немедии чересчур увлеклись играми в секреты и тайны. Будто ведомства месьора Мораддина вам недостает.

Эдмар невесело рассмеялся.

– Его светлость герцог Мораддин перестарался, – ответил граф. – Вертрауэн стал излишне могущественным, начал брать на себя значительную часть чужих обязанностей, чем вызвал обиду и недоверие у канцлера, младших принцев, а после и у короля. Теперь любая, хоть сколько-нибудь заметная персона в нашем королевстве считает необходимым завести шайку конфидентов для личного пользования. Своя тайная служба есть у Тимона, у принцев Зингена и Халлена, у государственного казначейства, я уж не говорю о командующем войском и начальнике Пограничной управы. Целая эпидемия! Разумеется, большинству шпионов вышеперечисленных особ слишком далеко до цепных псов Мораддина, но…

– Но страну наводнили орды сикофантов? – закончил я, а Эдмар кивнул. – Так что же такое Королевский Кабинет?

– Надеюсь, ты не кофийский шпион? – фыркнул граф.

– Не кофийский, аквилонский, – хохотнул я. Это была чистая правда, но Эдмар не поверил, пустившись в объяснения:

– Представления не имею, где король Нимед раскопал месьора Хостина. Говорят, он человек низкого происхождения. Не то бывший мясник, не то булочник. Однако умен невероятно.

Вроде бы Хостина порекомендовал королю наш придворный маг, Аррас ди Кийяр. Аррас, не спорю, скотина и гордец, но советы дает разумные. Так вот, Нимед однажды решил, что в государстве необходимо сохранить равновесие. И, подтверждая слово делом, уравновесил могучий, но слегка неповоротливый Вертрауэн созданием маленького, пронырливого Кабинета. У месьора Хостина на службе всего-то человек десять-двадцать, но никто не знает, сколько у них осведомителей и чем именно занимается Королевский Кабинет. Вроде бы полтора года назад именно Хостин со своими костоломами раскрыл заговор графа Бейлона… Граф, кстати, вместе с семейством бесследно исчез. Понимаешь, Влад, если Вертрауэн действует в значительной степени открыто – вот заговорщик, вот доказательства его вины, значит, уличенного злоумышленника надо предать суду и публичной казни – то теперь личные враги нашего славного монарха попросту исчезают. Был человек – и пропал. Как в омут канул. Даже кругов на воде нет.

«Потрясающе! – подумал я. – Нимеда охраняют и оберегают две или три тайных службы, гвардия, личные телохранители, а милейший Тараск приходит в кухню, запросто подсыпает в ужин королю желтого лотоса – и ничего? Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда! Кстати, почему я решил, что вчерашнее куриное филе предназначалось именно Нимеду? Наверняка старику подносят яства, приготовленные не на общей дворцовой кухне. Золотые блюда? Ну и что? Мы с Эдмаром тоже ели с золота на приеме… Мораль: ты, Маэль, граф Монброн, ничего не соображаешь. Меньше лотоса надо употреблять. И вообще, все дознание придется начинать сначала…»

Меня терзал один важный вопрос: почему барон Гленнор ничего не сообщил мне о Королевском Кабинете и прочих «тихих гвардиях», обильно расплодившихся в Немедии? Глава Латераны обязан знать о своих соперниках из соседней державы! Может быть, он просто не хотел меня пугать, посчитав, что я сам во всем разберусь по приезде в Бельверус? Или у Гленнора куда более глубокие и далеко идущие планы?

– И не тяжело вам жить, зная, что кругом шныряют соглядатаи? – спросил я у графа Крейна.

– Скорее, интересно, – задумчиво ответил Эдмар. – Впрочем, я неверно выразился. Не «интересно», а любопытно, чем кончится дело.

– Ясно, чем, – великолепно разыгрывая пренебрежение, сказал я, – король стар и нездоров, боюсь, вскоре грядет смена власти, трон достанется Нимеду-младшему…

– А вместе с троном и короной – и прочее наследство, –

проворчал граф. – Ты приехал издалека и еще не мог почувствовать, что на древе, условно величаемом «королевством Немедия», созревает некий весьма загадочный плод. Слишком уж всерьез наши дворяне стали беспокоиться о собственной безопасности. Эти странные бунты простецов зимой, новоявленные пророки, от имени Митры возглашающие скорый конец света, тихое недовольство правящей династией… Нимед, конечно, был крут в делах управления, рука у него тяжелая, но старик всегда оставался хорошим королем. Только в последний год изрядно сдал – время берет свое. Что-то зреет, а что – никак понять не могу. И никто не понимает.

– Даже всемогущий Мораддин? – я широко раскрыл глаза, не выходя из роли потрясенного провинциала.

– Герцог сделал окончательную ставку на наследника, принца Нимеда. Говорят, они большие друзья и нет причин в это не верить. Но ведь принц смертен, как и все остальные, а у него трое братьев. Да еще бесчисленное количество родственников, не исключая внуков правящего монарха. Ах, Влад, политика – дело слишком тонкое, слишком темное и слишком грязное. Моя задача – быть верным трону и законам, так что я стараюсь не забивать голову всякими глупостями. Отдыхай, сейчас придет мой личный лекарь и еще раз тебя осмотрит, а вечером ты сможешь поехать домой. Если, конечно, не решишь воспользоваться моим гостеприимством…

* * *

…Мое пробуждение нынешним утром было ужасным. Голова разламывалась, перед глазами плясали искры, во рту пересохло. Складывалось впечатление, что накануне я поглотил огромную бочку самого крепкого вина – такого жуткого похмелья у меня не было с юности. Незнакомая молодая служанка, узрев, что я открыл глаза, ойкнула и выбежала из спальни. Приподнявшись на локтях, я осмотрелся и выяснил, что нахожусь в большой, роскошно обставленной комнате, ничуть не похожей на скромное обиталище менялы Реймена. Боги, да что же случилось вчера вечером? Никаких воспоминаний.

Вскоре явился хозяин, которого я тоже не сразу признал. Молодой граф Эдмар. Он-то, непрерывно посмеиваясь, и объяснил, что прошедшим вечером я упал в обморок прямиком возле стола с королевским угощением, затем начал

заговариваться во сне. Граф, посчитав, что ныне он ответственен за судьбу приехавшего из захолустья гостя, отвез меня в свой дом. Смекнув, что потеря сознания и горячка у бастарда Зимбора вызваны отнюдь не вином, Эдмар позвал целителя, который и определил, что месьор Влад попросту отравился небольшой порцией желтого лотоса, вызывающего красочные видения. Никогда не предполагал, что малюсенькая щепотка этой гадости может погрузить человека в мир грез на целую ночь. Как потом выразился Эдмар Крейн, «с непривычки». Якобы человек, опытный в употреблении лотоса, от столь малого количества порошка лишь повеселел бы и не более. Поскольку я не был знаком с опасностями лотосового порошка, мой разум мгновенно замутился.

Оставалось лишь поблагодарить графа за участие. Это же позор на всю жизнь – переесть мерзкого зелья пред ликом высшего дворянства Немедии и принцев крови!

Когда Эдмар напомнил мне о приеме, память услужливо нарисовала в воображении принца Тараска, дворцовую кухню, ужин, приготовленный для короля… Понимаете, какие мысли завертелись в моей больной голове? Я раскрыл заговор! Вот в чем причина неожиданного постарения и слабоумия короля Нимеда! Его попросту травят лотосом! Если Нимеду подсыпают стигийский порошок в еду уже достаточно долго, то теперь старый монарх не может без него существовать! Нет болезни хуже, чем привычка к лотосу!

Что делать? Немедленно сообщить в Аквилонию? Но чем мне помогут барон Гленнор или Конан? Бежать к месьору Мораддину и доложить ему о проделках принца Тараска? А доказательства? И вообще, не может быть, чтобы герцог Эрде не знал о том, чем вызван недуг Нимеда! Лотофагов, людей, употребляющих лотос, очень просто определить по внешнему виду, вечно суженным зрачкам, зловонному дыханию и прочим признакам, известным каждому деревенскому лекарю. А вдруг заговор настолько всеобъемлющ, что и Мораддин в нем участвует? Тогда, выдав себя главе грозного Вертрауэна, я ставлю под угрозу свою жизнь – нечего совать нос в чужие тайны, особенно столь опасные.

И что же теперь делать?

* * *

Граф Эдмар был настолько любезен, что угостил меня обедом

в парадной столовой своего дома-дворца, познакомил с молоденькой любовницей, до отказа накормил сплетнями (из которых я выудил довольно много полезных зернышек, позволяющих составить определенное мнение о событиях вокруг королевского дворца Бельверуса), а когда завечерело, лично проводил в конюшню – оказывается, прислуга месьора Эдмара забрала мою кобылу из замка короны и привела сюда.

– Обязательно заглядывай в гости! И впредь не попадай в глупые истории, – напутствовал меня граф. – Завтра у меня дежурство в замке, с утра до утра. А следующим днем я буду дома или поеду гулять в предместье Яблочных Рощ. Не составишь ли компанию?

– Посмотрим, – хмуро отозвался я, забираясь в седло. Не смотря на обильное количество снадобий, которыми напичкал меня лекарем его милости, голова по-прежнему трещала. – Но я очень благодарен за заботу. Обещаю, Эдмар, я этого не забуду.

– Терпеть не могу одалживаться и давать в долг, – поморщился граф. – Мы же дворяне, сударь! И обязаны помогать друг другу. Поезжай. Послезавтра жду с визитом. Все, я побежал наверх, Иоланта ждет. Заставлять даму ждать – дурной тон.

Я миновал небольшой парк, окружавший дом графа, привратники распахнули створки кованых чугунных ворот, и моя лошадка выбралась на улицы вечернего Бельверуса. Судя по всему, Эдмар принадлежит к одной из самых уважаемых фамилий страны, потому что его роскошное обиталище расположено всего в двух кварталах от королевского дворца.

Как нас учил барон Гленнор? Верно: проехав не более двухсот шагов, остановись возле витрины лавки или смешного нищего, посмотри товары или перекинься с прохожим парой слов, одновременно оглядываясь и пытаясь заметить севших на хвост тихарей противника. Однако, если признаваться искренне, сейчас у меня в Бельверусе нет никаких противников, ибо я еще не успел никому всерьез насолить.

В полном соответствии с уроками господина барона я расспросил стражу, как проехать на улицу Гвоздик, хотя отлично помнил дорогу. Поглядел на уличного выдыхателя огня и бросил ему серебряный талер (все кофийские деньги, выданные мне Конаном, я совершенно законным образом поменял у Реймена за золото и серебро Немедии), приостановил кобылу на углу, возле площади Знаменосцев, дабы послушать королевских герольдов (новый указ Нимеда о налогах на мясо). Ничего подозрительного вокруг. За мной никто не следует, стража города смотрит на кофийского дворянина с полнейшим безразличием, никаких соглядатаев или просто хоть сколько-нибудь примечательных

личностей. Просто горожане, военные, скучающие дворяне, нищие – обычный пейзаж обычного города.

…Как же я удивился, когда прямиком на площади, всего в двадцати шагах от надрывающих голос герольдов, окруженных гвардейцами «Белого отряда», мою лошадь взял под узду худощавый человек в неприметном коричневом плаще и надвинутом на глаза капюшоне.

– Эй?! – возмутился я, опуская руку на эфес сабли. – Ты что творишь, простец? Убирайся!

– Месьор ди Монброн, – тихо ответили мне из-под капюшона, – будь добр, веди себя потише. Меня послал Реймен. Следуй за мной.

Я оторопел. Во-первых, неизвестный назвал меня подлинным именем. Во-вторых, этого человека, если верить, послал мой предусмотрительный хозяин, конфидент Латераны в Бельверусе. Значит, что-то стряслось. Любопытно, как аквилонская тайная служба сумела меня выследить?

С площади мы повернули в переулок, который я определил как «переулок Ключа», ибо на домах были прикреплены здоровенные медные ключи, затем под арку в малюсенький дворик – клумбы с цветами и скромный тан в виде (о ужас!) извергающего воду цветка лотоса. Меня едва не стошнило.

– Сюда, – коротко скомандовал незнакомец. – Лошадь оставь здесь, за ней присмотрят.

Вошли в дом по узкой и затхлой лестнице. Ступеньки скрипят. Пахнет дурными благовониями и древесной трухой. Потом вниз, вероятно, в подвал. Из подвала – через долгий коридор под землей. Несколько поворотов, которые я пытаюсь запомнить и заодно сообразить, в чем я вижу неправильность.

Болван! Дубина! Правильно барон Гленнор хотел тебя выгнать из Латераны и отправить на куриную ферму в Танасул! Как можно забывать о простейших вещах! Меняла Реймен не знает моего истинного имени! Гленнор не должен был сообщать своему шпиону никаких сведений о личном посланнике короля! А уж если Реймен действительно посылал за мной… Сейчас вечер седьмого дня Первой весенней луны. На седьмой день (как и на все остальные) предусмотрено особое тайное слово, сочетающееся с тайным знаком. Сегодня посланец конфидента Латераны обязан был сказать мне «Цитадель» и начертать в воздухе указательным пальцем левой руки нордхеймскую руну «Кана». Гленнор утверждает, что разгадать эту систему тайных знаков невозможно. Однако на такого лопуха, как я, никто и не собрался тратить свой ум. Сказали – «Идем», я и побежал. Дурак… Похоже, я попался. Знать бы, в чьи сети.

– Любезнейший, – окликнул я своего проводника, питая некоторые надежды на то, что вышла какая-нибудь ошибка, – какой сегодня день месяца?

– Седьмой, – неприязненно ответили мне. – Кана, цитадель. Доволен?

От неожиданности я даже икнул. Ничего себе! Значит, это свои? Аквилонцы?

Меня довольно грубо впихнули в низкую дверь бокового прохода подземелья. Митра Добрейший, что же это?

Тяжелый удар в челюсть, еще один – в пах, сверху по шее сцепленными в замок ладонями… Кто-то хватает меня за волосы и изрядно прикладывает лбом о каменную стену. Искры из глаз. Попутно, превозмогая боль, я ощущаю, как таинственные злодеи срывают с меня перевязь сабли, выхватывают из ножен мой кинжал и тщательно ощупывают одежду в поисках другого оружия. Я попытался отбрыкнуться, причем довольно вяло, за что был награжден несколькими чувствительными пинками по бокам и оглушающим ударом кулака в лицо. Кровь из носа потекла.

– Волчонок, прекрати, – послышался преспокойнейший хрипловатый голосок. – Разве можно так обращаться с господином графом? Волчонок, Злобный, поднимите его и усадите на стул!

Двое ухватили меня под руки, подняли с влажного холодного пола и бросили на жесткое сиденье. Я слегка проморгался и обнаружил, что восседаю посреди довольно большого и исключительно мрачного каземата, освещенного пятью факелами и многосвечным бронзовым шандалом, стоящим на сколоченном из досок столе. За столом находится низкорослый, полный и лысый человек с добродушным лицом торговца сладостями. Нос в виде округлой сливы, розовые щеки, маленькие, чуть прищуренные глазки. Лучезарная улыбка, пускай и хитроватая.

– Очухались, достославнейший месьор ди Монброн? – вопросил меня толстяк и, заметив мой порыв, в притворном ужасе замахал руками: – Нет, нет, ни в коем случае не надо кричать о том, что ты незаконный сынулька герцога Зимбора, что вчера прямиком приехал из Кофа… Не нужно. Мы тут люди простые, предпочитаем называть вещи своими именами и не особо мудрствовать.

– Ты кто такой? – прохрипел я, понимая, что либо попался на особо пристрастную проверку к своим же, либо… Либо что?

– Ах да, сожалею, что не представился, – масляно разулыбался толстячок. – Служба Его величества Нимеда. Королевский Кабинет. Мое имя – Хостин Клеос. Имею несчастье быть прецептором сего незаметного ведомства.

– Почему я должен вам верить? Никакой Королевский Кабинет не может знать тайные слова Латераны!

– Ну вот, ты сам и проболтался, – хмыкнул человек, выдающий себя за месьора Клеоса. – Латерана, тайные слова… Не понимаю, как такой уважаемый деятель, как барон Гленнор, сотню собак съевший на нашем окаянном поприще, отсылает в качестве конфидента такого олуха, как ты. Маэль, ты совершил все возможные ошибки! Для начала поселился у менялы Реймена. С равным успехом можно было повесить на себя табличку: «Я аквилонский лазутчик!». Недосмотрел барон Гленнор. Или, наоборот, смотрел слишком глубоко и намеренно тебя выдал. Мы знаем, что Гленнор знает, что мы знаем о меняле. Уж прости за эдакий каламбур. Конечно же, столь авторитетных конфидентов, как Реймен, мы не трогаем, точно также, как и господин барон не осмеливается и пальцем коснуться шпионов Вертрауэна, живущих в Тарантии. Этикет! Тебе наверняка рассказывали, что тайные службы разных государств уважают друг друга и позволяют себе задерживать иностранных соглядатаев, особенно исключительно опытных и достойных, только в крайних случаях.

– А как же я?

– Ты? – месьор Хостин мелко засмеялся, тряся жирными щеками. – Ты либо мелкая сошка, которую не жалко списать со счетов, либо чересчур крупная рыба, которой я могу подавиться. Потому я просто пригласил тебя на приватную беседу. Прошу простить за грубость моих помощников, но ничему другому они не обучены. Злобный, Волчонок и ты, Сухарь, выйдите за дверь. Я хочу поговорить с господином графом один на один. Ты ведь не станешь буянить, верно?

Громилы подчинились беспрекословно. Хостин Клеос встал со своего места, подошел и дал мне льняной носовой платочек, вытереть кровь с лица. Потом, заложив руки за спину, заходил из угла в угол, сопровождаемый моим крайне неприязненным взглядом.

– Как я уже сказал, из всего случившего можно сделать лишь два вывода, – мягко гудел глава загадочного Королевского Кабинета. – Тебя отослали в Бельверус в надежде, что ты так или иначе вступишь в сношения с тайными службами Немедии и будешь им помогать, или же тебе поручили какое-нибудь глупое задание, решив попросту убрать с глаз долой. Я не верю в непредусмотрительность барона Гленнора, его милость чересчур умен. Значит, что-то серьезное.

– Откуда вы узнали мое имя?

– Тебя опознали. Вчера во дворце. Граф, ты слишком долго жил в Кофе под видом военного посланника Аквилонии и вовсю

пользовался своим именем и титулом. Уж не знаю, чем ты огорчил кофийцев, но кое-кто тебя запомнил.

– Восемь дуэлей, шесть из которых закончились моими победами, и вывезенные в Аквилонию бумаги Эстерхольмского торгового дома, которые затем повлекли разорение нескольких дворянских фамилий, чересчур враждебно настроенных к Аквилонии, – я начал понимать, что с толстяком Хостином лучше быть по возможности откровенным.

– Точно, слышал я об этой авантюре, – согласился прецептор личной тайной службы короля. – Молодец. Ты замечательно провернул дело Эстерхольмских закладных бумаг. Вот и еще одна деталь, благодаря которой я не верю в то, что ты невинный младенец, впервые взявшийся за столь опасные игры. Хорошо, я, как представитель короля, обещаю, что кроме меня самого и моих ближайших помощников, никто не узнает о скрывающемся под именем Влада, бастарда Зимбора, аквилонском графе Монброне-младшем. И не буду чинить тебе препятствий в будущем. Живи, развлекайся, наблюдай за событиями… В обмен прошу искренний ответ на один-единственный вопрос: почему Аквилония внезапно заинтересовалась делами вокруг королевского замка Бельверуса? Точнее, отчего тебя настолько срочно прислали в Немедию? Вполне хватило бы тайных и явных конфидентов, уже находящихся в столице.

– А если я не буду отвечать? Убьете? Вышлете обратно в Аквилонию? Такой оборот событий грозит мне немедленной отставкой и бесчестьем, что гораздо хуже смерти. Или что-нибудь третье?

– Верно, третье, – кивнул Хостин. – Мы просто не дадим тебе работать. Влада Зимбора станет задерживать стража за пьяные безобразия в кабаках, за драки в борделях, все, к кому ты придешь в гости, откажут тебе от дома, ибо среди дворянства пойдут слухи о… ну, допустим, о болезненном пристрастии месьора Зимбора к маленьким девочкам. Или мальчикам. Тебе что больше нравится? Станет известно, что кофийский бастард употребляет лошадиные порции лотоса, болен дурной болезнью или, например, сам промышляет контрабандой стигийской отравы…

– Хватит, хватит, мне уже страшно, – поморщился я. Ничем новым месьор Хостин меня не порадовал. Обычный набор средств, призванных отторгнуть человека от общества и скомпрометировать его. – Тогда и у меня есть вопросы.

– Я отвечу, – легко согласился королевский пес. – Причем правду. Либо не отвечу вовсе, если вопрос будет затрагивать мои личные интересы. Итак?

– Я не знаю, зачем меня сюда прислали, – с предельной честностью сказал я. – Я лишь обязан передать депешу короля Конана герцогу Мораддину Эрде и наблюдать за событиями в вашей столице…

* * *

– Ты меня за дурачка держишь? Только личное послание для герцога? Наблюдение? Вот интересно, чем в таком случае заняты его светлость посол Аквилонии и полсотни напыщенных хлыщей, служащих при посольстве? Для чего в Бельверусе околачивается месьор Венс и множество ему подобных? Они ведь обязаны наблюдать за происходящим! И докладывать вашему Гленнору! Граф, не надо меня разочаровывать, ибо, когда я разочаровываюсь, я становлюсь грустным, а когда я грущу…

– Клянусь, это правда! – пылко вскричал я, видя, что господин Хостин изволит гневаться и гнев предводителя Королевского Кабинета способен вылиться в последствия, весьма плачевные для меня. Вдруг действительно примут за мелкую сошку и попросту зарежут? Хладный труп подбросят к аквилонскому посольству с записочкой вроде: «С наилучшими пожеланиями». – Хорошо, я признаю, я проиграл, еще не сев за стол. Не ожидал, что Королевский Кабинет настолько осведомлен. Такое можно было бы подумать о Вертрауэне, но вовсе не о личной страже короля…

– Рассказывай, – потребовал Хостин, пропустив мою попытку подольститься мимо ушей. – Во всех подробностях. Или месьор Волчонок вновь пройдется по твоим ребрам тяжелым сапогом.

– Хорошо, хорошо, – согласился я, пытаясь на ходу придумать хоть сколь-нибудь правдоподобную байку. Если буду твердить, будто ничего не знаю и все задание состоит только в работе курьера между Тарантийским замком и домом герцогов Эрде, меня очень быстро сочтут бесполезным. Вывод очевиден? Боги, что бы такого наплести? Я в Немедии второй день, почти ничего не знаю!.. Есть!

Я выдохнул, взглянул на месьора Хостина отвратительно честными глазами и изрек:

– В Аквилонии полагают, что готовится устранение короля Нимеда. Барон Гленнор и Конан Канах поручили мне выяснить, насколько истинно это предположение. Если оно подтвердится, мне нужно попытаться предотвратить смерть короля, трудясь вместе с тайными службами Немедии.

– Ну, знаете… – верный слуга короля Нимеда ладонью вытер пот со лба, сел за стол и уставился на меня. – Значит, ты утверждаешь, что тебя прислали в одиночку спасать Немедию? Придется написать благодарственное письмо барону Гленнору за столь ценную поддержку… Может быть, Волчонок слишком сильно приложил тебя головой о камень?

– Не веришь? – с самым невинным видом спросил я.

– Конечно, не верю. Для Аквилонии нет особой разницы, кто сидит на престоле Дракона – Нимед-отец или Нимед-сын. Сам подумай! Наш король стар, у него непонятное душевное расстройство. Конан Канах быстрее договорился бы не с больным стариком, а с молодым и энергичным наследником. Не могу поверить в сострадательность и добросердечность барона Гленнора и вашего короля, решивших всенепременно спасти жизнь немощного старца. Будешь говорить правду?

– Ладно, – поморщился я и сделал вторую попытку: – Нас беспокоит усиление кофийской партии и принца Тараска.

– Уже теплее, – согласился Хостин. – Скажем так, немного похоже на истину. Весьма немного. Ну, сделай последнее усилие и доскажи до конца.

Я, не размышляя долго, попытался ударить в лоб:

– Существует мнение, будто Коф ведет крайне опасную игру. После поражения в войне с Аквилонией Балардус пытается восстановить прежнее величие своей страны, которого невозможно достичь без поддержки третьих стран.

– И? – насторожился хозяин Королевского Кабинета. – Дальше?

– Балардусу позарез требуется союз с Немедией. Ни король, ни наследник к такому союзу не расположены. Барон Гленнор полагает, что неясная смута, обуявшая Немедию, направляется извне. Скажем, из Кофа. Возможно, речь идет об устранении правящей династии. Раздавить гадину, так?

– Горячо, горячо, – пробормотал месьор Хостин. – Но я уверен, на подобное они не решатся.

Что, неужели я угадал? На лету сочиняя отдаленно похожие на правду сказки, поразил острием копья цель? Если уж Хостин говорит «горячо», значит, я кое в чем прав?

– Тебя проводят, – буркнул Хостин. – Еще раз приношу извинения за грубость своих подчиненных. Я не стану тебе мешать в изысканиях и, как полагаю, у герцога Мораддина тоже хватит ума смотреть на чересчур любопытного Влада Зимбора сквозь пальцы. Я не прошу становиться моим осведомителем, но если вдруг ты, как человек в Бельверусе новый и видящий острее, узнаешь нечто… нечто важное, вывеси в одном из окон своих

комнат фонарь, затянутый желтой слюдой. Тебя немедленно отыщут.

– Один момент! – я встал, но к дверям не пошел. – Как насчет обещанного ответа на мой вопрос? Ты владеешь Королевским Кабинетом, значит, осведомлен. Король Нимед употребляет лотос? Или его намеренно травят стигийским зельем, подсыпая его в пищу?

– Все кушанья Его величества готовятся под строжайшим надзором Королевского Кабинета, а поваров назначаю лично я, – отрезал Хостин. – Какой лотос? А-а, понимаю! Твое вчерашнее приключение? Просто принц Тараск любит мило пошутить. Ты уже потерял сознание, а твой приятель, граф Эдмар, приказал перенести бесчувственное тело в повозку, когда блюдо с куриным филе принесли барону Мириду, известному курильщику лотоса. Вследствие этого господин барон пришел в буйное и безобразное веселье, на потеху достойнейшей публике. Его светлость Тараск смеялся больше всех.

Митра Всеведущий, какой же я дурак…

– До скорой встречи, – не без оптимизма попрощался месьор Хостин. – Желаю счастливо поохотиться на твоих кофийских соотечественников.

«Эти слова надо воспринимать как намек? – подумал я, шествуя по мрачным подземным коридорам вслед за безмолвным проводником. – Начальники тайных служб редко разбрасываются столь откровенными намеками…»

Дома, вернее, в лавке месьора Реймена Венса, я оказался лишь после полуночи.

10 день Первой весенней луны.

Сейчас поздний вечер, я сижу в своем маленьком кабинете на втором этаже и пытаюсь очинить перья – надо бы срочно послать в Тарантию отчет о происшедшем, хотя, как предполагаю, он будет не первым и не последним. Посол Аквилонии, военные посланники, конфиденты Латераны, купцы и представители торговых домов, просто частные лица – обычные подданные трона Льва, живущие в Бельверусе – наверняка корпят над письмами, чтобы завтра утром или грядущей ночью гонцы отправились на Закат, в сторону аквилонской границы. А весть у всех будет одна: на десятый день Первой весенней луны 1294 года, вскоре после того, как солнце вошло в зенит, неподалеку от своего дома неизвестными злодеями был убит великий канцлер Немедии, первый советник короля, его светлость Тимон, герцог Айнбекк. С ним погибли несколько человек охраны и секретарь канцлера

Клайвен. По непроверенным мною сведениям, к покушению имеют прямое отношение подчиненные месьора Мораддина.

Ничего себе, а? Воображаю, какая свистопляска началась бы в Аквилонии, если бы кто-нибудь зарезал старика Публио прямиком на площади святого Эпимитриуса! Конан запросто спустил бы шкуру барону Гленнору, командирам городской стражи и гвардии, и в таком виде отправил ловить убийц. Заодно и сам бы пошел. Полагаю, немедийцы тоже оскорблены в своих лучших чувствах (Тимона не слишком любили, но уважали) и теперь Вертрауэн, Королевский Кабинет, тайные службы принцев, военной управы и всех высших чиновников, толкаясь и наступая друг другу на ноги, бросятся по следу. За ними, соблюдая правила этикета, рысью побегут Латерана, шпионы Кофа, Зингары, Турана и все желающие принять участие в общем веселье. Город превратится в огромный котел, в котором заварят опасное зелье.

Я уже знаю, что Вертрауэн закрыл все городские ворота, кроме Аквилонских и Восходных, выпускают только посольских гонцов, людей, едущих по поручению короля, и военных. Въезд в Бельверус, однако, не запрещен. На улицах – тройные патрули стражи, ищейки герцога Мораддина начали перетряхивать все притоны и даже ту часть подземелий столицы, где обосновались контрабандисты, бандиты и просто мелкое жулье.

Хотелось бы узнать, как после эдакой пощечины чувствует себя Мораддин? Конан, соверши барон Гленнор столь непростительную ошибку, немедленно выслал бы главу Латераны на отдых в крайне отдаленном поместье, и хорошо, если тем все кончится. Но только после того, как Гленнор принесет королю голову убийцы.

Начнем по порядку.

…Три дня назад, после весьма напряженного разговора с месьором Хостином Клеосом, я ворвался в дом менялы, поднял хозяина от праведного сна и начал орать на Реймена в голос. Демоны вас всех побери, тайная служба называется тайной потому, что никто не должен знать о ней! А тут меня ловит какой-то Королевский Кабинет, мне показывают секретные знаки Латераны, сообщают, что заштатный меняла с улицы Гвоздик едва ли не почтенный гость Бельверуса и один из самых уважаемых конфидентов Аквилонии… Бьют по лицу, в конце концов!

Месьор Реймен сел на постели, сонно на меня воззрился, пожал плечами и преспокойнеше вопросил:

– Чем, собственно, ты недоволен в первую очередь? Тем, что тебя настолько быстро опознали или тем, что побили для

острастки?

– Как ты можешь? – взвился я. – Моя миссия! Моя честь, в конце концов!

– Честь? – кашлянул меняла. – Мужчина не расстается с честью, получив десяток тумаков. Обидно – да, не спорю. Но разве ты не знал, в какие игры играешь? На мой взгляд, ничего страшного не произошло.

– Я был вынужден им все рассказать! – сокрушенно признался я.

– Что – «все»? – искренне изумился Реймен. – Что ты служишь барону Гленнору? Что тебя прислали в Бельверус наблюдателем? Что ты везешь письмо герцогу Мораддину? Невеликий секрет. Больше тебе и рассказывать нечего… Хостин ведь не видел письма, если судить по твоим объяснениям, даже не потребовал его предъявить? Малыш, поверь, когда дело касается интересов сразу двух держав, их безопасности и спокойствия, Латерана будет трудиться вместе хоть с самим Сетом-Змееногом, лишь бы получить результат. Посему – иди спать. И умойся, у тебя вся верхняя губа в крови. Доброй ночи.

Реймен задул свечку, укрылся пледом и отвернулся к стене. Я пошел наверх, вызвал домоправительницу, приказал доставить кувшин крепчайшего черного эля, какой варят только в Немедии, и банально напился в компании своего отражения в серебряном зеркале.

Утро, конечно же, началось с похмелья.

Целых два дня я страдал как неосознанными, так и вполне реальными страхами. Гулял по городу, пытаясь заметить соглядатаев и подозревал каждого встречного, поехал в гости к графу Эдмару (тут мне показалось, что и молодой гвардейский капитан трудится на Королевский Кабинет), тратил деньги в самых дорогих лавках, покупая совершенно ненужные мне вещи (драгоценности я потом подарил любовнице Эдмара, очаровательной госпоже Иоланте, а остальное за гроши отдал старьевщику). Меня не беспокоили. Таинственный Королевский Кабинет словно бы забыл о моем существовании. Эдмар водил меня в гости, знакомил со своими друзьями. Кофийского бастарда принимали весьма любезно. Не последовало никаких намеков на то, что толстяк Хостин задался целью скомпрометировать меня в глазах благородного общества.

Ничего полезного узнать не вышло. Всего несколько достойных внимания мелочей. Заинтересовавший меня принц Тараск, оказывается, владеет отрядом численностью в двести пятьдесят мечей, над каждой полусотней стоит свой командир, а среди оных особо отличается уже не раз упомянутая Дженна. В

отряде состоят кофийцы, нищие немедийские дворяне (младшие сыновья и безземельные рыцари) и наемники из самых разных земель. Живет Тараск во дворце наследника Нимеда-младшего, представляет собой идеал достойного рыцаря, но в то же время «своим» в Немедии не стал и вряд ли когда-нибудь станет.

Вот и все. Общедоступные сплетни. Мне не удалось ничего вызнать ни о связях принца, ни о том, есть ли у него влиятельные друзья при дворе… Создавалось впечатление, будто Тараск – нечто вроде редкого экзотического животного, содержащегося при замке короля. Он интересен, загадочен, красив, богат, словом, владеет всеми располагающими качествами, но одновременно Тараск – своеобразный изгой. И это тоже добавляет пикантности к его фигуре. Скукотища.

Сегодня утром наконец свершилось. Неприятности, которых я подсознательно ожидал, все-таки случились. И начались они с явления… О, об этом следует рассказать отдельно!

После рассвета я решил вновь проехаться по городу. Следовало изучить Бельверус досконально, чтобы впредь не плутать. Для того я заглянул в лавку торговца манускриптами, приобрел за два аурея подробнейший план столицы Немедии, вырисованный на стигийском папирусе, и отправился исследовать полуночную часть города, а именно – благородные кварталы. Отыскал проезд Черного Леопарда, где стояла резиденция его светлости герцога Мораддина, полюбовался сквозь решетку ограды на мокрый парк и темнеющее за деревьями строение. Решил ближе к вечеру заглянуть в гости – сейчас герцог наверняка во дворце или в замке Вертрауэна. Затем направился на одну из главных улиц, спешился, бросил поводья мальчишке, прислуживавшему у коновязи, и решил устроить себе поздний завтрак (или ранний обед) в одной из самых приличных таверн Бельверуса – «Синем амфитерне». Название только кажется вычурным, ибо самом деле «амфитерн» – многоученое наименование одной из разновидности драконов, толстых змееподобных тварей, не умеющих летать по воздуху.

Обслуживание здесь было достойно лучших салонов Аквилонии. «Амфитерна» даже таверной-то не назовешь: чистые белые скатерти, ничуть не чадящие восковые свечи, подают изысканнейшие блюда, прислуга на удивление почтительна… Разумеется, здесь дорого, но «Синий амфитерн» стоит запрашиваемых денег.

– Итак, приступим, – сказал я лакею, устроившись за небольшим круглым столиком. – Куриный бульон с сыром и зеленью, соленую грудинку с капустой, телятину с грибами и винным соусом… Э-э… Кроличий паштет. На сладкое? Пусть

будут фаршированные дыни и горячие яблоки с кремом.

– Какое вино, ваша милость? – подобострастно вопросил служка.

– К холодным блюдам – белое пуантенское, к горячим – красный «Либнум» урожая не раньше 1285 года.

– Как будет угодно вашей милости, – человек в ливрее мгновенно исчез, побежав на кухню.

– А твоя милость, случаем, не подавится? – раздался за спиной странно знакомый голос. – Маэль, ты всегда был обжорой.

Я повернулся на звук и обомлел. О, нет, это невозможно!

– Только не ты! – я издал стон, идущий из самых глубин души.

– М-да, как приятно встретить любящего родственника. Позволишь присесть?

Мой обожаемый предок, Райан Танасульский, возник словно из небытия. Из воздуха. Из ниоткуда. Лучше бы он вернулся в свое «ниоткуда» и остался там навсегда!

– Неплохо выглядишь, – буркнул я, рассматривая досточтимого пращура. – Если я не ошибаюсь и семейные легенды не врут, ты родился в день середины зимы? Значит, тебе совсем недавно стукнуло четыреста семьдесят шесть лет?

– Четыреста семьдесят семь, – проворчал Райан, усаживаясь на противоположный стул. Разодет, как и всегда, с пошлой роскошью. Бархат – оранжевый с зеленым, золотая цепь на груди, перстни, браслеты, кинжал с рукоятью, украшенной гранатами. Глаза режет. – Ну-с, дитя мое…

– Я тебе не дитя.

– Хорошо, не дитя. Ты уже совсем взрослый, служишь в уважаемом департаменте, даже усы отрастил…

Предок явно был не в настроении. В это время появились слуги, тащившие блюда с угощениями и кувшины с вином. Нам пришлось помолчать, пока сервировался стол.

– Есть дело, – предок нахально взял с моего блюда изрядную порцию телятины, откусил и начал жевать. Говорил он сквозь набитый рот: – Тебя было найти непросто. Непросто для обычного человека, но я ведь маг, правильно?

– Нечего хвастаться, – у меня совершенно пропал аппетит. – Излагай свое дело и катись отсюда.

– Ты с поручением короля Аквилонии, так ведь? – Райан шумно заглотил жаркое и, не спросясь, налил вина. – Конану наверняка интересно узнать, что в Бельверусе пустило корни чужое колдовство…

– Не морочь мне голову! – я поморщился. – Какое колдовство? Я в обычных человеческих отношениях-то

разобраться не могу, не говоря уж о какой-то магии.

– Болван! – рявкнул предок. – Слушай, что говорят! Второй раз повторять не буду! Я в Бельверусе не первый день и чувствую изменения, происходящие в последний год. Запомни, есть магия человеческая, а есть не-человеческая. Не-человеческой, соответственно, владеют не-люди. Гномы, оборотни, жалкие остатки альбов, гули, драконы… Но сейчас город накрывает купол волшебства, не принадлежащего ни одной из известных разумных рас. Красное сияние.

– Чего? – отмахнулся я. – Либо говори внятно, либо катись своей дорогой. Какое такое «красное сияние»? Какая «чужая магия»? Ты почему вообще ко мне пристал? Есть Гильдия волшебников, есть жрецы Митры, иди и жалуйся на чужое колдовство! А у меня своих дел по горло!

– Больше шести лет не виделись? – остро взглянул на меня Райан. – Ты не меняешься, щенок. Превратить тебя, что ли, в нечто тихое и полезное?

– Убирайся, – я окончательно разозлился.

Райан встал, медленно и демонстративно допил мое вино и изрек многозначительно:

– Как бы тебе не пожалеть об этих словах. Однако я помню о семейном долге. В отличие от тебя. И обязан предупредить. Грядет буря.

– Ой, – я театрально зарыл лицо руками. – Пойди на площадь и покричи об этом! Станешь еще одним новоявленным пророком! Конец света, вселенский шторм, все умрут!

– Ночью зайди на Башню Висельников и посмотри на город, – бросил Райан, развернулся на каблуке и зашагал к выходу. Возле дверей «Амфитерна» навстречу ему вскинулась до боли знакомая приземистая тень о четырех ногах. Значит, собака проклятущего колдуна никуда не пропала и не сдохла.

Я потыкал двузубой вилочкой в замечательный кроличий паштет, плеснул себе либнумского вина и задумался. Зря я так грубо с ним обошелся. В конце концов, предок никогда не приходил ко мне лишь ради того, чтобы поболтать. Конечно, он высокомерен, нахален, смотрит на мир с высоты прожитых столетий и слегка презирает его, но он никогда не говорит впустую.

Забраться на Башню Висельников? Я сунул руку в сумку, вытащил пергамент с планом города, развернул и попросту раскрыл рот. Нужная точка оказалась очеркнута ярким красным кружком. Работа Райана, не иначе.

Башня со столь неприглядным названием являет собой наиболее высокое строение Бельверуса – около ста локтей.

Сооружение древнее, когда-то башня использовалась как смотровая и сигнальная, но, когда город окружили стены, ее забросили, но сносить не стали – старинная достопримечательность. Все иностранцы, посетившие Бельверус, считаю своим долгом забраться на вершину башни и осмотреть город с высоты, доступной лишь птицам. Но почему Райан приказал мне взойти на нее ночью?

Послушаться совета или пренебречь?

От расстройства я едва не сплюнул прямиком на пол, бросил на стол несколько ауреев и, с сожалением поглядев на почти нетронутый обед, вышел из таверны. Что все это может значить, боги, ответьте?

ГЛАВА ПЯТАЯ
Записки Долианы, баронессы Эрде – II
«Начало конца»

Бельверус, Немедия.
8 день Первой весенней луны.

Определенно что-то затевается. После шумного праздника в честь военных успехов принца Тараска в нашем доме стали все чаще появляться подозрительные гости, скрывающие лица за масками и капюшонами, засиживающиеся у месьора Эрде до самой глубокой ночи. Майль и Авилек носятся по всему городу, развозя депеши и привозя ответы. Даже Вестри изволил обратить внимание на царящее вокруг предчувствие близкой опасности, расценив его по-своему:

– Папочка решил поиграть с огнем? Или у нас неприятностей не хватает?

– Отец знает, что делает, – по возможности твердо возразила я.

Вестри презрительно хмыкнул:

– Лучше бы он подумал о своей драгоценной супруге. Нельзя же всю оставшуюся жизнь держать ее под замком.

Отчего мой братец всегда высказывается настолько жестко?

Врачеватели, похоже, не помогли. Я видела, как отец лично спускался в подвал вместе с мэтром Довилле, главой Бельверусского Цеха Лекарей. Могу только догадываться, что там произошло, но почтенный месьор Довилле вылетел наружу, словно ошпаренный и заявил моему отцу, что, при всем уважении к беде его светлости герцога, он, Аршан Довилле, не рискнет взяться за лечение подобной болезни. Позвольте откланяться. Да, подробности этого визита будут сохранены в строжайшей тайне – он же понимает и весьма сочувствует. Порекомендовать? Попробуйте добавлять к пище настой из лаванды и маковых головок, дабы она хоть ненадолго заснула. Возможно, дело в застарелой усталости или душевных терзаниях. Нет, к сожалению, он обучен излечивать тело, но не душу. Возможно, тут способен помочь митрианский священник или знающий маг…

Маги у нас тоже побывали. Сначала Кеддер из Хоршемишской Гильдии, потом Гиеренде, тот, что именует себя Истинным Последователем Света. Сдается мне, что достичь мало-

мальски заметных успехов им не удалось. Отец как-то потемнел, осунулся и несколько дней не покидал кабинета.

Но должно же существовать какое-то средство! Что с моей матерью – она больна или потеряла рассудок?

* * *

Два дня назад я не выдержала. Стащила с кухни масляную лампу, выбрала миг, когда во дворе никого не было и юркнула за двери, ведущие в подземелья нашего особняка.

Сначала потянулась лестница – с высокими ступеньками, скупо освещаемыми редкими факелами. Кто-то сюда наведывается, дабы заменять светильники. Я насчитала около двухсот ступенек и подумала, что подвал намного старше выросшего над ним дома. Летучих мышей или крыс мне на глаза не попалось, а бояться я себе запретила. Если испугаюсь – никогда больше не решусь второй раз пойти сюда. И Вестри, демоны бы его побрали, опять-таки будет прав, называя меня трусихой и неженкой.

Лестница закончилась коридором с острым, в форме копья, сводом, выложенным старыми, замшелыми кирпичами. Коридор уходил в сероватую темноту, по обеим сторонам иногда встречались запертые двери, обшитые бронзовыми полосами. Должно быть, наш подвал соединяется с таинственными катакомбами Бельверуса, лабиринтом, построенным здесь в незапамятные времена не то последователями Митры, скрывавшимися от кхарийцев, не то кхарийцами, прятавшимися от армии, ведомой святым Эпимитриусом. Этот лабиринт, как говорят, тянется под всей старинной частью города, пронизывая землю, как разветвленная сеть кротовых нор. Отец намеревался как-нибудь вплотную заняться изучением этого сооружения, но руки не доходили. Частично подземелья обжиты столичными нищими и контрабандистами, не собирающимися никого посвящать в свои тайны.

Мне не понадобилось долго искать. Шагов через тридцать я увидела большой топчан с брошенным на него тюфяком, стол, сооруженный из опрокинутого ящика, на котором стояли тарелки и кувшины, сундук и, что показалось мне крайне удивительным, решетчатую клетку с истерически кудахчущими курицами. Поодаль стоял садок с кроликами. Мирную картину освещал факел на стене и шандал с десятком свечей.

– Есть тут кто? – нерешительно позвала я.

– Как не быть… – громыхающе проворчали из-за пределов светового круга. – А подойди-ка поближе, мил человек, что-то я тебя толком не разгляжу…

«Не бояться», – напомнила я себе. Я у себя дома, я дочь хозяина, я могу за себя постоять.

Из сумрака выдвинулось нечто живое, громадное, тяжело дышащее. Если бы я так не тряслась, сразу бы догадалась, кто это. Один из отцовских людей, обязанный ему за спасение от кары за проступки молодости. Клейн, бывший гладиатор, бывший гребец на зингарских галерах, бывший наемный вояка, тип с физиономией прожженного каторжника (коим, впрочем, он тоже побывал), человек, у которого напрочь отсутствует чувство страха. Видимо, за ненадобностью. Тот, кому отец мог доверить надзор за матерью. Сторожевой пес, вроде Бриана.

– Маленькая госпожа? – сумрачно вопросил Клейн, рассмотрев меня. – До… Дори… Дольяна?

– Долиана, – поправила я и осторожно подошла поближе. – Я хотела бы увидеть свою мать.

– Не велено, – отрубил человек-гора.

– Но это моя мать! – раньше я никогда бы не решилась возражать кому-то из подчиненных отца. Теперь же мне вдруг стало жизненно важно хоть краем глаза взглянуть на хозяйку дома Эрде. Когда я спускалась в подвал, я даже точно не представляла, зачем сюда иду. – Ты не можешь мне запретить!

– Она опасна, – Клейн неожиданно сбавил тон. – Может броситься и оцарапать.

– Я постою за дверью. Ты будешь рядом. Если что-то случится, защитишь меня.

– Что бы сказал господин? – скептически заметил стражник.

– Что его дочь сама может решить, как ей поступать, – ушла я от прямого ответа. – Так я могу увидеть ее?

– Пошли, – Клейн грузно зашагал по коридору. – Когда придем, убери фонарь. Ей не нравится яркий свет.

– Чем она обычно занята? – тихо спросила я. Потолок подвала, казалось, еле заметно колебался у нас над головами, грозя вот-вот опуститься. – И для чего ты держишь кроликов и куриц?

– Еда для нее, – кратко и недвусмысленно пояснил охранник. – Когда она проголодается, стучит в дверь. Иногда она поет или говорит с людьми, которых здесь нет. Когда у нее проясняется в голове, она разговаривает со мной. Я объяснил ей, почему она заперта в подвале. Она согласилась, что господин поступил правильно.

Он остановился подле особенно массивной двери, обитой полосами железа, жестом велев мне поставить фонарь на пол. Звеня ключами, отпер сначала один замок, потом второй. С усилием отодвинул створку.

Сначала я увидела непроницаемый мрак, перекрещенный ровными линиями. Потом догадалась – на расстоянии шага от дверей установлена решетка из толстых прутьев, глубоко утопленных в камни стен, пола и потолка. Клейн оценивающе покосился на меня и начал ритмично постукивать ключами по железной обшивке двери.

В комнате что-то шевельнулось. Перетекло с места на место, словно ожившая частица мрака. Потом негромко засмеялись, и я впервые в жизни поняла, каково шлепаться в обморок. Пришлось изо всех сил вцепиться в шершавую ободверину, чтобы не упасть. В смехе, собственно, не заключалось ничего страшного, он звучал приятно и немного кокетливо, что показалось мне самым жутким.

«Не надо было приходить сюда», – запоздало подумала я, и тут она появилась возле решетки. Не появилась, возникла. Чуть сгорбившаяся, легко движущаяся тень, одетая в некогда хорошее, а теперь разодранное на лоскуты черное платье с ярко-алыми вставками. Остановилась по ту сторону решетки, положила руки на железные перекладины и выжидающе уставилась на нас чуть расширенными глазами. Выпущенные когти в тусклом свете фонаря отливали зеленоватым блеском.

– У нее хорошее настроение, – привычно отметил Клейн. – Госпожа, к тебе пришли. Узнаешь эту девушку?

– Доли-Доли-Долиана, – почти ласково пропело существо, некогда бывшее моей матерью. – Где твой братец?

Я открыла рот, но заговорить почему-то не получилось. Словно я забыла, как это делается.

– Мужчины всегда чем-то заняты, – пожаловалась Ринга Эрде. – У них никогда не хватает времени. Досадно. Они сами не понимают, что упускают. Ты хотела мне что-то сказать, верно?

– Говори, пока она понимает, – толкнул меня Клейн. К сожалению, мне было нечего сказать. Мать, конечно, вела себя странновато, но безумной не выглядела! Не спрашивать же напрямую, что с ней случилось!

– Я пришла тебя навестить, – мой пересохший и намертво прилипший к гортани язык наконец задвигался. – Мама, я… Нам не хватает тебя. В доме пусто. Отец тоскует, хотя не признается. Мама, – я хотела подойти ближе к решетке, но Клейн уронил мне тяжеленную руку на плечо и отодвинул назад, – мама, неужели с нами, со мной и Вестри случится такое же? Или у твоей болезни есть какая-то иная причина? Я должна найти средство вытащить

тебя отсюда! Подскажи, если можешь!

Женщина с другой стороны решетки задумалась, наклонив голову набок. Подняла правую руку, как гребнем, провела выпущенными когтями по всклокоченным волосам. Искоса поглядела на меня, словно хитрое животное, ищущее путь к бегству.

– Маленькая храбрая Долиана, одна против всего света, – с коротким смешком произнесла она. Этот характерный иронический смешок всегда принадлежал ей и только ей. – Ничего ты не добьешься. Так должно быть. Я сама виновата. Радуйся – у тебя в запасе имеется по меньше мере сотня лет яркой и запоминающейся жизни. Какая разница, что случится потом?

– Есть разница! – упрямо возразила я. – Мама, ты что-то знаешь? Нечто, о чем не хочешь никому говорить? Скажи мне. Я не проболтаюсь.

Мать оттолкнулась от решетки и исчезла в глубине комнаты. Мои глаза привыкли к темноте, и теперь я видела, как она бродит взад-вперед, мотая головой и время от времени пританцовывая. Словно не имело никакого значения, что она заточена в подвале собственного дома, а ее разум распадается на тысячи осколков.

– Ступай к отцу, – вдруг отчетливо произнесла она.

– Ты хочешь, чтобы я ушла? – оторопела я. Мать, не обращая на меня внимания, нараспев продолжала:

– Беги к морю, к красным соснам над рекой. Красное, все красное… Красное сияние льется с другого конца времен. Сияет и живет.

– Где живет красное сияние? – в отчаянье я ухватилась за единственную понятную фразу. – У моря, где растут сосны?

– Оно здесь, – Ринга сжатым кулачком постучала себя по голове. – И здесь, – взмахом руки она обвела широкий круг. – Здесь-здесь-здесь!

– В городе? – предположила я.

– В Лан-Гэлломе, – с внезапным презрением отчеканила моя мать. – Над морем. Никакое зло там не тронет тебя. Беги и спрячься!

Слово «Лан-Гэллом», если я правильно разобрала, мне ничего не говорило. Понятно только, что это место – область, город или поселение – расположено где-то у моря. Значит, на Полуденном Побережье.

– Но сияние? – решилась переспросить я. – Где искать красное сияние?

– Оно любит власть, – задумчиво ответила госпожа Эрде. – Где сердце власти, там его обитель. Затаившееся и холодное.

Она внезапно закружилась посреди темного подвала, раскинув руки и запрокинув голову назад. Сделав два-три круга, остановилась, словно забыв обо мне, гибко опустилась на пол и принялась вполголоса напевать. После некоторого раздумья я узнала язык – разновидность старинного зингарского диалекта. Песни же такой я никогда не слышала.

На холмах зеленый вереск не укроет меня,
в синий омут головой я и сама не уйду,
не возьмет меня земля, не удостоюсь огня.
Впрочем, это безразлично – как я не пропаду…

Она подняла голову и запела громче, явно обращаясь ко мне:

И не бойся, и не плачь, я ненадолго умру,
Ибо дух мой много старше, чем сознанье и плоть.
Я – сиреневое пламя, я – струна на ветру,
Я сияние звезды, что зажигает ночь.
И когда я стану пищей для ночных мотыльков,
И когда я стану пристанью болотных огней,
Назови меня, приду на твой немолкнущий зов,
Не отринь меня, поелику ты тех же кровей!..

Я попятилась. Что я здесь делаю, в старом, сыром подвале, в обществе зверообразного громилы и потерявшей разум женщины, поющей на давно забытом наречии и играющей в непонятные загадки? Бежать, скорее бежать отсюда!

Шарахнувшись назад, я едва не опрокинула фонарь и неуклюже побежала к выходу. Вслед мне летел чистый, язвительный смех Ринги Эрде и добродушное ворчание Клейна, уговаривавшего мою матушку вести себя спокойно, тогда он обязательно принесет ей молоденькую, отборную курочку. Их голоса эхом отдавались от стен и потолка, и долго преследовали меня – даже когда я выбралась во двор и вбежала в дом.

Вестри, похоже, видел, как я ходила в подвал, но никому не сказал.

9 день Первой весенней луны.

Перерыла имеющиеся в библиотеке сборники чертежей земель Полуденного Побережья и старательно перелистала записки известных путешественников – от Орибазия Достопочтенного до Саллюстия из Мерано. Искала название

«Лан-Гэллом». Такового не обнаружила.

С отчаяния сунулась в редкий толстенный фолиант нордхеймских сказаний – в конце концов, Ванахейм тоже имеет выход к морю и на тамошнем побережье вполне могут расти сосны. Меня вдоволь попотчевали описанием непрекращающихся битв и описанием запутанных семейных склок, однако ничего похожего не нашлось и там.

В самом конце тома, где были вшиты десятка три страниц послесловия, наткнулась на внезапную подсказку. Автор послесловия утверждал, будто когда-то на побережье Нордхейма обитали альбийские племена и стояла огромная цитадель их противника, почти забытого ныне Роты – Черного Всадника. Так вот, после большого сражения с Ротой, разрушения крепости и затопления части береговой линии уцелевшие последователи и воины Всадника Ночи ушли на Полдень, затерявшись где-то на берегах теплого Закатного океана и стигийского Стикса. Исследователь нордхеймских преданий утверждал, будто в сагах иногда встречаются отголоски той давней войны и обрывки языка подданных Всадника. Он приводил кое-какие сохранившиеся словечки, по созвучию весьма напоминавшие не дававший мне покоя «Лан-Гэллом».

Я вновь схватилась за томик Саллюстия. Где тут у нас раздел «Легенды, связанные с древними народами»? Остатки построек атлантов неподалеку от Кордавы, засыпанный песком город кхарийцев к десяти лигах к полудню от Асгалуна, оставленные непонятно кем монументальные сооружения на Черном острове…

И Рабирийские холмы.

«Говоря по правде, – медленно читала я, – *создания, обитающие в сиих холмах, трудно отнести к какой-либо определенной культуре. Нет даже убедительных доказательств их существования, не считая устойчивых народных суеверий, сохраняющихся не одну сотню лет, и настойчивого стремления людей избегать этого небольшого участка земли. В народных преданиях эти существа упорно именуются «древними» и «рожденными в начале времен», а также «проклятыми», хотя мне не удалось в точности выяснить характер наложенного на них проклятия или причину его возникновения. Я побывал на полуденной границе Рабирийских лесов и отважусь заметить, что отчетливо ощутил разлитое над этими краями чувство тревоги и беспокойства. Лошади отказываются пересекать определенную незримую границу, прочие домашние животные также стараются не подходить близко к лесам. Следовательно, можно предположить, что в Рабирийских холмах обитает малая часть народности, некогда заселявшей эти земли, однако этот народ не*

горит желанием налаживать какие-либо связи с людьми, предпочитая добровольное изгнание в пределах своих невеликих земель».

Не сюда ли меня отсылала матушка? В таком случае фраза «ступай к отцу» означает вовсе не моего родителя Мораддина, но деда по материнской линии, отца Ринги Эрде! Ведь должны у нее быть отец и мать? Не из воздуха же она появилась?

Ладно, предположим для простоты, что мать хотела сказать мне именно это – «Съезди в Рабирийские холмы и разыщи там своего деда». Легко сказать! Как я туда попаду и где уверенность, что мне удастся найти в этих, не таких уж и маленьких холмах хоть кого-нибудь? Может, спетая матушкой песня имеет отношение к этому поиску? Допустим, служит условным знаком, означающим своего?

Кажется, я невольно начинаю подражать служащим моего отца. Отыскиваю всюду второй смысл и чьи-то козни. Если бы мать сумела дать мне более точные указания!

«Ты что, действительно собралась прогуляться до Полуденного Побережья? – озадаченно спросила я у внутреннего голоса. – И всерьез намереваешься порыскать в Рабирийских холмах, выкликая: „Дедушка, а дедушка! Внучка приехала!“. Не глупи. Твое место здесь. Особенно сейчас. Никто тебя не отпустит».

Поразмыслила я и над тем, что могло таиться за словами о красном сиянии, любящем власть. К сожалению, теперь книги дали мне слишком много различных ответов. Красный цвет или оттенок имели некоторые прославленные артефакты, оно служило прозвищем десятку живших в различные времена магов, королей и знаменитых воителей, входило в названия городов, рек и лесов. Да что там, жуткая крепость придворного мага короля Страбонуса, к облегчению многих живущих, ныне покойного Тсота-Ланти, тоже звалась Красной Цитаделью!

Обнаружилось также упоминания о по меньшей мере десяти вещах, именовавшихся «Красным» либо «Алым Сиянием». В их число входили два меча, книга заклинаний, удивительной красоты браслет гномской работы, большой магический кристалл, рубин из сокровищницы королев Хорайи, хранящийся в Султанапуре обломок редкой красной яшмы, религиозная постройка, крытые червленым золотом рыцарские доспехи и выполненная из красного стекла уменьшенная копия зингарского нефа, отличившегося в каком-то давнем морском бою.

Вдруг мать имела в виду какой-то из этих предметов? И что с ним надлежит сделать? Разыскать? Ах да, она же сказала, что таинственное «красное сияние» пребывает здесь, то есть в

Бельверусе. Или в стране? А может, вообще в нашем доме?

Я с величайшим удовольствием распихала книги обратно по полкам и отправилась навестить отцовское собрание редкостей. В специально выстроенной галерее хранится множество прелюбопытных вещичек, добытых отцом либо же его подчиненными во время пребывания в различных странах Восхода и Заката. Преобладает, конечно, оружие, но встречаются скульптуры, украшения, предметы, обладающие магическими свойствами, картины и просто удивительные творения рук человеческих.

Хранитель галереи, почтенного вида старикан по имени Фиагдон, родом аквилонец, ранее служивший преподавателем истории в Тарантийской Обители Мудрости, выслушал мой вопрос и надолго задумался, двигая мохнатыми бровями и пощипывая редкую бородку. Под его надзором находились всего три предмета, в чье название входили слова «Красный» или «Алый». Он показал их мне: картина с изображением рассвета в горах, статуэтка коня из цветного камня да старинная книга в бархатном алом переплете – невинный в виду сборник рассказов из истории Немедии, в обложку которого можно искусно спрятать письмо или тонкий кинжал.

На всякий случай я обошла галерею, разыскивая вещи, имеющие красный цвет. Нашлись и такие, но, как мне показалось, ничем особенным они не отличались и вреда принести не могли. Фиагдон обещал мне порыться в библиотеке – вдруг он сможет найти что-то полезное о названии «Лан-Гэллом» и загадочном «красном сиянии»?

Уже уходя из галереи, я остановилась и раздосадовано стукнула кулаком по перилам. Все мои изыскания никуда не годятся! Вдруг мать подразумевала побережье моря Вилайет? «Лан-Гэллом» вполне может быть искаженным туранским словечком и обозначать вовсе не город, а какое-нибудь отвлеченное понятие! Или, что самое смешное, слово, всплывшее в помутненном разуме мой матери, относилось к давно забытой истории полувековой давности! А я теперь ломаю голову, роюсь в книжных залежах, разыскивая то, чего не существует!

Наверное, Цинтия права, говоря, что у меня слишком живое воображение. Фантазия есть, а вот рассудительности и знаний явно не хватает. Посоветоваться с отцом? Ему не до меня. С Вестри? Даже слушать не захочет.

10 день Первой весенней луны.

«Поразительно, но стоит фениксу увязнуть одним когтем в

болоте, и вскоре трясина поглотит его целиком». Это фраза из старинного кхитайского трактата по военному искусству, а слышала я ее от Вестри. Удивительно подходит к нашим временам, когда дела день ото дня идут все хуже.

Около второго послеполуденного колокола я сидела в своих покоях, устроившись возле узкого окна, спрятанного в маленькой башенке, повисшей сбоку от торжественного парадного подъезда. Отсюда мне хорошо видны посетители нашего дома. Я ждала, не заглянет ли к общему семейному обеду Вестри. Поскольку матушка по-прежнему якобы больна, должность хозяйки дома невольно перешла к ее наследнице. Впрочем, мои обязанности необременительны – за слугами приглядывает Хейд, а вечерних приемов нет и не предвидится. Так что я одиноко сижу на месте матери за обширным и пустынным обеденным столом, брожу по дому в обществе зевающего Бриана и маюсь дурными предчувствиями.

Так вот, на башне городской ратуши как раз отзвонили два пополудни, когда во двор, разбрызгивая лужи, галопом влетел всадник. Сначала я приняла его за Вестри, но, когда он спрыгнул и, бросив взмыленного коня на произвол судьбы, кинулся к дверям, поняла свою ошибку. Приехал Дорнод. Коли он так спешит, значит, случилось нечто из ряда вон выходящее. Не будет большой беды, если я украдкой послушаю его доклад отцу.

Я быстренько спустилась по маленькой винтовой лестнице, осторожно сунулась в комнату, соседнюю с кабинетом отца – никого! – и на цыпочках подкралась к слуховому окошку. Приоткрыла створку, стараясь не скрипнуть.

Резковатый голос Авилека прямо-таки ударил мне в ухо:

– …Дюжина охраны, двое писцов и, само собой, Клайвен. Вдобавок не меньше полусотни прохожих, торговцев и зевак – поблизости Каменный проезд и уйма торговых лавок. Все произошло так быстро, что никто не успел ничего сообразить. Эти люди появились просто отовсюду – из соседних переулков, из толпы, кто-то спрыгнул с крыши, кто-то выскочил из остановившегося рядом фургона. Кстати, этот фургон с дровами на редкость успешно перегородил удобные подходы к особняку его светлости.

– Фургон найден? – перебил отец.

– Стоял брошенным возле площади Трех Фонтанов. Похоже, украден. Владелец разыскивается, – кратко ответил Авилек и продолжил: – Нападающие больше полагались на арбалеты, чем на мечи. Перестреляв охрану, вытащили из экипажа его светлость, Клайвена и канцелярских крыс. Писцов сразу оглушили и бросили валяться посреди двора. Клайвен,

воспользовавшись суматохой, сунул кинжал под ребро тому, кто его держал, и бросился к дому, зовя на помощь. Сами знаете, у его светлости есть отряд личной стражи, живущий во внутреннем флигеле. Клайвен почти успел добежать до ворот, когда его уложили. Кто-то из этих парней на редкость хорошо обращается с метательными ножами. Его светлость держался молодцом, пыжился и, наконец, высокомерно изрек: «По какому праву?». Как хором утверждает с десяток свидетелей, предводитель отчетливо произнес: «Слово Вертрауэна» и предъявил какой-то знак, после чего господина канцлера прикончили тремя или четырьмя ударами клинка в живот. К этому времени кто-то догадался перебраться через забор особняка канцлера и оповестить стражу. Те высыпали наружу и сцепились с нападавшими. Из охранников его светлости погибли четверо, из шайки убийц – двое…

– Свидетели смогли описать показанный знак? – деловито уточнил Мораддин Эрде.

– Блестящий, металлический, видимо, золотой. Размером с ладонь, овальной формы. Изображения не разглядел никто.

Притаившийся за стеной соглядатай, то бишь я, от удивления прикусил язык и испуганно вздрогнул. Случившееся было куда серьезнее, чем все, что я могла предположить. Кто-то убил его светлость, почти всесильного имперского канцлера Тимона Айнбекка. Это попахивает преступлением против короны, и можно смело предположить, что в городе начнется настоящая охота на злоумышленников. Вдобавок это личный вызов отцу – погиб Клайвен, один из его конфидентов, и еще нападавшие рискнули воспользоваться упоминанием Вертрауэна. Теперь им конец. Отец поднимет всех своих людей, превратив город в одну большую настороженную ловушку.

Я мысленно повторила страшные слова, словно не веря: УБИТ ВЕЛИКИЙ КАНЦЛЕР НЕМЕДИИ ТИМОН… Среди бела дня… На главной улице столицы…

Невероятно!

Этого не может быть, потому что этого никогда не могло случиться!

Растерявшись, я пропустила несколько фраз Авилека, и встрепенулась, расслышав:

– Обоих убийц опознали. Это… простите, ваша милость, но…

– Дорнод, перестань ходить вокруг да около, – суховато потребовал мой отец. – Мне вполне достаточно мысли о приеме, который устроит мне его величество. На глазах всего Бельверуса убивают канцлера королевства!!

– Боюсь, прием не состоится, – несколько виновато произнес Авилек. – Убитые – из числа наших людей.

– Что?!

Я подскочила на своем месте. Отец, судя по голосу, тоже.

– Иво Параль по прозвищу «Белый кролик» и Кардева Весельчак, – назвал имена Дорнод. – Иво служил у нас пять лет, Весельчак – семь, последние три года они были постоянными напарниками. Ни в чем не замешаны, подозрительных связей не имели, оба на отличном счету. Летом прошлого года выполняли задание в Кофе, город Шаазуд на границе с Хаураном. В начале зимы приехали в Бельверус и получили разрешение отдыхать до наступления весны… Ваша светлость, – Дорнод запнулся, явно не в силах продолжать: – ответьте, лично вы ничего им не поручали?

– Нет, – медленно ответил отец. – Иво-Кролик… Я его помню. Он – бывший коринфский контрабандист.

Они помолчали. Я отчетливо уловила витавшее в воздухе невысказанное слово «предательство».

– Займись этим, – внезапно распорядился отец. – Узнай, что эта парочка делала в последние две луны. Все – куда ходили, с кем встречались, где пьянствовали. Перетряхни свидетелей – кто-то должен был что-то видеть, слышать, запомнить! Сколько, говоришь, было нападающих? Десятка два? Откуда они могли взяться? Такое дело, как убийство канцлера, не устроишь за день! Они должны были как-то готовиться, встречаться, выяснять распорядок жизни канцлера, время его приездов и отъездов! Что за знак они предъявили, где его достали? Если это в самом деле знак власти Вертрауэна, то они, как известно, на дороге не валяются! У Параля и Кардевы такого символа в жизни быть не могло. Подделка? Кто мог взяться ее изготовить?

– Я понял, – раздался скрип половиц – Дорнод прошелся из угла в угол и остановился у окна. – Я не могу понять только двух вещей – кто и зачем?.. Ваша милость собирается отправиться в замок короны? – чуть удивленным голосом вдруг произнес он.

– Собираюсь, – хмуро подтвердил его герцогская светлость Мораддин Эрде. – Что бы не случилось после, сейчас я должен попытаться увидеться с королем или наследником. Это убийство заставит встряхнуться всю Империю. Ступай.

Дорнод Авилек вышел – до меня долетел стук захлопывающейся двери. Сообразив, что пора исчезать, я тоже поспешно выскочила из комнаты в коридор, оттуда – вверх по десятку ступенек, и вот уже благовоспитанная молодая барышня Долиана Эрде чинно сидит за неоконченным рисунком – мокрые яблони на фоне красноватой стены и серо-синего весеннего неба.

* * *

Спустя полколокола в дверь настойчиво постучали.

– Да? – откликнулась я. – Кто там? Вестри, ты? Входи!

– Я как раз хотел узнать у тебя, где носит этого шалопая, – вошел мой отец. Мысленно я восхищенно цокнула языком, отметив, насколько его милости Эрде идет парадная форма Вертрауэна. Как положено правилами куртуазии, я встала и сделала попытку присесть в надлежащем глубоком поклоне. Отец раздраженно отмахнулся – не до того.

– Утром он уехал, сказал, что собирается навестить друзей в казармах при Академии, – бодро доложила я.

Мораддин Эрде недовольно нахмурился:

– Я же просил его не покидать дом без надобности… Дана, нам нужно серьезно поговорить. К сожалению, к меня мало времени. Постарайся внимательно выслушать и запомнить. Случилось кое-что очень плохое. Я еду во дворец. Возможно, мне придется там задержаться, и не по своей воле. В этом случае тебе, независимо от того, появится Вестри или нет, придется покинуть дом. Перед тем, как уехать, возьми у меня из стола все наличные деньги и передай Хейд два слова – «Лес горит». Она знает, что делать дальше. Тебе нужно добраться до улицы Медников – это в четырех кварталах отсюда к полуночи – и отыскать там постоялый двор «Путеводная звезда». Хозяина зовут Яхмак, он из Турана. Ему также скажешь – «Лес горит». Возможно, тебе придется провести несколько дней на этом постоялом дворе, а потом ты отправишься через Коринфию и Замору в Туран. Яхмак позаботится о том, чтобы у тебя были надежные проводники, золото и хорошие лошади. Все запомнила?

– У меня есть вопросы, – если бы можно, я ударилась бы в слезы, но, к сожалению, это прекрасное убежище от всех тревог мира оказалось недосягаемым. – Как я узнаю, что мне нужно бежать? Что будет с Вестри? Если повезет и я доберусь до Турана, что мне там делать? Как ваша милость собирается поступить с нашей матушкой? И неужели я должна бросить на произвол судьбы слуг и имение? Это недостойно высокого имени Эрде.

Отец еле заметно кивнул. Похоже, спрашивая, я не ошиблась, обратив внимание на самое важное.

– Бывает, и бегство не считается позором. Хейд и прочие слуги знали, у кого работают. Они готовы к такому повороту судьбы. Жаль, конечно, терять дом, однако у нас есть запасы, которые не дадут тебе и твоему брату пропасть. Вестри предупрежден, я просто хотел лишний раз напомнить ему о том, что он должен сделать. Его путь будет несколько иным, чем у тебя. Тебе придется набраться терпения и ждать до вечера. Я

пришлю из дворца своего человека с запиской. Она может быть о чем угодно, главное, чтобы в тексте упоминался вечер. Увидев слово «вечер» – бросай все и немедленно уходи. Может быть, я ошибусь. Тогда самое страшное, что тебе грозит – прогулка по городу и ночевка на постоялом дворе. В Туране… – он задумался. – В Туране у меня остались доверенные люди, которые доставят тебя в небольшое поместье под Аграпуром и помогут обжиться на первых порах. Этот дом – твой, он записан на твое имя. Тебе предоставят охрану, ты будешь в полной безопасности. Что же до твоей несчастной матери… Если лес загорится, – он коротко улыбнулся, – если лес все-таки загорится, чего, я надеюсь, не произойдет, ее вывезут в сначала в Энден, а дальше… Дальше будет видно. Я надеюсь на тебя, Дана. Золото всегда можно раздобыть, но вторую дочку мне взять неоткуда. Ты будешь осторожна? Сделаешь все, как я тебе велел? Главное – не волнуйся и не бойся. Да, и еще.

Он двумя пальцами извлек из болтавшейся на поясе плоской кожаной сумки маленький блестящий предмет и протянул мне.

– Теперь это твое. Береги его.

Предмет оказался узким золотым кольцом с агатовой геммой-печаткой. На светлом фоне выделялся силуэт развернувшей крылья летучей мыши, застывшей в полете над зубчатой линией гор.

– А как же… – растерянно промямлила я, едва не выронив подарок. Кольцо принадлежало моей матери, это была единственная вещь, сохраненная ею на память о Рабирийских горах, и она скорее бы умерла, чем рассталась со своей драгоценностью. Мать заверяла этой печатью свою подпись и особо важные послания, в шутку говоря, будто ее похоронят с этим кольцом на пальце, ибо оно за долгие годы просто приросло.

– Она сама отдала его и велела передать тебе, – чуть дрогнувшим голосом проговорил отец. – Иногда она приходит в себя. Уверен, она находилась в сознании, когда сняла кольцо и сказала, что ей оно больше не пригодится.

Перстень, надетый на безымянный палец, был мне слегка великоват. Пришлось натянуть его на средний, однако он упрямо норовил перевернуться геммой вниз.

Отец уехал, оставив меня в недоумении и испуге. Вслед за ним отбыл и Авилек. Мне предстояло долгое томительное ожидание. Неужели случилось невероятное, и враги сумели взять верх над несокрушимым Мораддином Эрде? Бастион Вертрауэна пал? Кровь канцлера на руках людей Тайной службы так просто не смывается. Кому-то предстоит ответить за убийство.

Я ждала до самой поздней ночи. Вестри не возвращался, отец

тоже. Не появлялся и вестник беды из дворца. Мы с Брианом сидели и таращились в окно. Старому псу явно хотелось спать, однако он крепился. Я пыталась представить свое будущее путешествие в Туран и не могла. В голове упорно крутилось сказанное матерью: «Беги в Лан-Гэллом, там зло не достанет тебя».

11 день Первой весенней луны.

Вместо отца утром пожаловала Цинтия. В своей обычной манере прямо с порога без обиняков потребовала ответа:

– Что происходит? Ты слышала, что какие-то злодеи прямо посреди улицы прикончили великого канцлера Тимона?

– Знаю, – устало кивнула я. Сказывалась бессонная ночь, я плоховато соображала и мечтала добраться до постели.

– Твой отец почти целую ночь провел у короля и наследника трона, – Цици, расправив шуршащие юбки, присела на тонконогий диванчик и заговорила потише: – Уже прошел слух, будто время Эрде закончилось. Ему придется подать в отставку. Дана, хоть ты можешь сказать толком, какие бешеные собаки перекусали всех лучших людей королевства? Его величество, похоже, чрезвычайно расстроен, но наследный принц расстроен еще больше. Те, кто недолюбливал Эрде, начинают довольно потирать руки. Знаешь, что они говорят? Не может быть, чтобы глава Вертрауэна не знал о готовящемся заговоре против канцлера. Скорее всего, он сам его и состряпал. Недаром среди убитых злодеев были его люди!

Цинтия тревожно и вопросительно уставилась на меня. Подходящий ответ, к сожалению, нашелся только один:

– Цици, я не знаю. Ничего не знаю. Сижу и жду – вернется ли отец.

– Тогда я посижу с тобой, – твердо заявила Цинтия и огляделась в поисках колокольчика для вызова слуг. – Ты завтракала? Нет? Я тоже.

Она решительно отвергла мои слабые возражения и занялась устройством утренней трапезы. Вскоре мы сидели за накрытым в моей комнате столом, хрустели свежими булочками и гадали, чем все обернется.

В коридоре кто-то затопал – грузно и при этом мягко.

– Хейд, – угадала я и крикнула: – Хейд, входи!

Домоправительница вплыла в распахнувшиеся створки, учтиво поклонилась Цинтии и, сложив руки под передником, сообщила:

– Барышня Дана, там какой-то молодой месьор пришел к

вашему отцу. А еще явился гвардеец из дворца и спрашивает хозяйку Эрде.

«Из дворца», – прозвенело в моей голове. Наверное, у меня что-то случилось с лицом, потому что Цинтия едва не выронила бокал и робко позвала:

– Дана? Дана, что с тобой?

– Хейд, сперва проси вестника из дворца, – спокойно распорядилась я. На душе у меня стало холодно и как-то удивительно безмятежно. – Цинтия, возможно, тебе лучше быстро уйти.

– Никуда я не пойду, – вскинулась молодая госпожа Целлиг, подобравшись, как норовистая лошадь перед взятием барьера и агрессивно выставив горбатый носик. – Тащите сюда этого военного олуха, я сейчас с ним быстро расправлюсь!

Королевский офицер предстал незамедлительно. Выверенным жестом протянул мне казенного вида пергамент с печатями, в коем именем короля предписывалось сменить всех охраняющих наш дом людей Вертрауэна, заменив их людьми из коронной гвардии. Служащим Вертрауэна надлежит разместиться в помещениях особняка герцога Эрде и не покидать оных до получения следующих распоряжений. Прислуге разрешено посещать рынки, однако их должны сопровождать королевские гвардейцы. Членам семьи герцога Эрде, то есть его супруге, сыну и несовершеннолетней дочери предоставляется полная свобода перемещений в пределах дома, но им настоятельно рекомендуется воздержаться от приема гостей. Тем, кто гостит в доме сейчас, лучше покинуть его.

Письмо было написано уверенной рукой опытного канцелярского служаки и украшалось росписью Мальса – одного из капитанов королевской гвардии. Я прочитала его два раза, в надежде, что где-то обнаружится не замеченная мною отцовская приписка или упоминание о нем. Нет, ничего. И условного слова «вечер» тоже не присутствует.

– Как отпрыск фамилии Эрде, я подчиняюсь приказу короля, – я вернула документ посланцу. – Нужна какая-то моя помощь? Тех, кого вы будете снимать с их постов, можно временно поселить на первом этаже. Спросите домоправительницу, она покажет.

– Кто-нибудь из ваших родственников дома? – офицер явно не мог заставить себя относиться ко мне всерьез, но положение обязывало.

– Герцогиня Эрде больна. Вестри Эрде, мой брат, на занятиях в Военной Академии, – я не была уверена, что Вестри именно там, но эта ложь ничего не изменит. Называя вещи своими именами,

мы, кажется, угодили под домашний арест. – В этом распоряжении сказано, что вы не будете чинить препятствия тем, кто не проживает в особняке и пожелает уйти. Это верно?

– Да, госпожа, – кивнул гвардеец.

– Тогда я хотела бы побеседовать с человеком, дожидающимся в приемной. Затем он и эта дама покинут дом.

Цинтия ободряюще толкнула меня под столом ногой.

Офицер снисходительно кивнул нам обоим и отбыл. Цици шумно перевела дух:

– Ты молодец! Я бы непременно испугалась и брякнула какую-нибудь глупость.

– Матушкины уроки, – буркнула я. На самом деле я отчаянно трусила и мысленно умоляла отца поскорее вернуться. Или пусть придут Вестри, Майль, Дорнод – кто-нибудь из мужчин, способных принимать решения!

Слово в ответ на мою просьбу, в дверях появился некий молодой человек, озадаченно уставившийся сначала на Цинтию, потом на меня, затем опять на Цици. Приняв ее за хозяйку дома, он отвесил положенный глубокий поклон. Мне достался второй – покороче и не столь старательный. Обидно. Мы с Цици примерно одного сложения, только я пониже. Цинтия, как я уже говорила, блондинка. Мои же волосы черного цвета с каштановым отливом, и вообще я не слишком привлекательна – тощая, бледная и похожа, по авторитетному утверждению моего брата, на сушеную стигийскую мумию.

– Молодая госпожа Эрде, я полагаю? – вопросил незнакомец, обращаясь к Цинтии. Голос у него был хорош – бархатистый, с мелодичными переливами. Сам он тоже выглядел неплохо: загорелый, среднего роста, крепкого сложения, кареглазый, с коротко, на кофийский манер стрижеными каштановыми волосами. Герб на колете, три серебряных полумесяца, наискось перечеркнут алой полоской. Бастард какого-то из родовитых кофийских семейств? Красивый парень, только почему он столь откровенно пялится на Цици?

– И полагаете совершенно ошибочно, – без положенной любезности отрезала мрачная Цинтия. – Я только гостья этого дома. Цинтия Целлиг, во избежание дальнейших казусов.

– Э… – молодой человек перевел слегка разочарованный взор на меня. – Прошу прощения, благородные дамы, но…

– Я баронесса Долиана Эрде, – отчеканила я. – С кем имею честь и что вам угодно? Говорите побыстрее, ибо с сегодняшнего дня семейство Эрде не в чести у короля Немедии, и, хочешь – не хочешь, вам придется отправляться восвояси.

Окончательно запутавшийся гость представился:

– Влад, девятый сын герцога Зимбора из Кофа… Вообще-то я надеялся на встречу вашим батюшкой, Мораддином Эрде…

– Его нет, – честно ответила я. Поди разберись, что за птица этот Влад Зимбор. Отцовский лазутчик, вернувшийся из дальних странствий, начинающий конфидент, посыльный или?.. Родовое имя, во всяком случае, звучит как настоящее, и держится молодой Зимбор под перекрестными взглядами двух любопытствующих девиц с достоинством. – Я не знаю, когда он вернется. Если нужно что-то передать – можно оставить мне. Переговорить – наберитесь терпения и ждите.

Влад поколебался.

– С разрешения благородной госпожи, я бы предпочел обождать, – сказал он и рискнул улыбнуться, с поразительной точностью разделив улыбку поровну между мной и Цинтией. – Тем более, в обществе столь прекрасных дам любое ожидание покажется кратким.

– Разрешаю, – легче мне не стало, но появилась какая-то робкая уверенность. Возможно, еще не все потеряно. Отец не велел отчаиваться, и я не буду.

Месьор Влад Зимбор отважно попытался завести куртуазную беседу, и, ободренный воспрянувшей Цинтией, вскоре красочно повествовал о своем путешествии из Хоршемиша в Бельверус. Цици воспитанно смеялась в нужных местах, а я ловила себя на том, что совершенно не верю этому красавчику. Не знаю, почему.

Пришла Хейд. Тоном, выражавшим крайнюю степень озабоченности и возмущения, сообщила, что теперь в первом этаже особняка торчат три десятка наших охранников и, разумеется, на разные лады сообщают о своем недовольстве. Наш дом взят в настоящее оцепление – мышь не проскользнет.

Я отошла взглянуть в окно и невольно ойкнула. Во двор преспокойно въезжал отцовский экипаж, поблескивая темно-синими дверцами, украшенными гербом Вертрауэна – дракон с моргенштерном в передних лапах. Гости оказались мгновенно забыты. Даже не извинившись, я вылетела в коридор, скатилась по лестнице, потеряв левую туфлю, но успела вовремя.

У больших створок парадного входа стоял отец. Живой и невредимый, но, если судить по яростному сухому блеску глаз, крайне разозлившийся.

– Держишь осаду? – невозмутимо спросил он, увидев, как я скачу через нижний зал. – Как состояние духа в гарнизоне?

– Бодрое, ваша милость! – выдохнула я. – Отец, тебя отпустили?

– Последний раз такую взбучку мне устраивали двадцать с лишним лет назад, в блаженной памяти Аграпуре, когда я

опоздал на построение к парадному выходу Владыки Илдиза, – мечтательно проговорил отец. – И вдобавок прописали десять плетей. Это тогда, а не сейчас… – уточнил он, перехватив мой изумленный взгляд, – Сейчас я отделался домашним арестом и королевской немилостью.

– И ты так спокойно говоришь об этом? – не поняла я.

– Я жив, ты тоже, Вестри сидит в казармах Академии, значит, ничего непоправимого пока не произошло, – коротко улыбнулся отец. – Пошли, расскажешь мне, как ты тут справлялась.

– К тебе приехали, – вспомнила я. – Какой-то Влад Зимбор из Кофа. Сидит у меня и пытается вызнать, устойчива ли добродетель Цинтии.

– Зимбор? – отец нахмурился, припоминая. – Знакомое имя. Этот гость – законный Зимбор или как?

– Бастард, – кивнула я. Подумала и добавила: – Он симпатичный. Но, по-моему, лгун. Скорее всего, он – из твоих подчиненных.

– Посмотрим, – и Мораддин Эрде легко взбежал по длинной лестнице, а мне оставалось только поспевать следом за ним.

ГЛАВА ШЕСТАЯ
Из воспоминаний графа Монброна – IV
«Чертополох в драконьем логове»

Бельверус, Немедия.
11 день Первой весенней луны.

Он молча вскрыл пакет костяным ножом для разрезания бумаг, пробежался глазами по строчкам, затем перечитал второй раз, более вдумчиво, и, наконец, бросил пергамент на стол. Молодая госпожа вопросительно глянула на отца, получила в ответ легкий кивок и, забрав письмо, тоже начала читать.

Я украдкой косился по сторонам, разглядывая заваленный бумагами кабинет, его владельца и его наследницу. К моему удивлению, второй по значимости человек Немедии отчасти смахивал на преуспевающего чиновника, вдобавок, родившегося где-то на Восходе – приземистый, коренастый, изрядно облысевший, с вроде бы отчасти рассеянным и одновременно очень цепким взглядом глубоко посаженных маленьких глаз серо-стального цвета. Говорил он негромко, очень выдержанным и ровным голосом, чем поразительно напоминал моего недоброй памяти покровителя, барона Гленнора.

Девушка-подросток, дочь всесильного герцога Эрде, мне не слишком понравилась. Какая-то угловатая, бледная, неулыбчивая и мрачная. Наверняка злится, что я по ошибке спутал ее с подругой, обратившись к той, как к хозяйке дома. И вообще, Долиана Эрде имела в облике нечто общее с мелкой хищной птицей, вроде пустельги или дербника. Не сомневаюсь, что эта особа остра на язык и самоуверенно полагает себя умнее прочих.

– Велено что-нибудь добавить на словах? – осведомился его светлость герцог, подняв взгляд на меня. – Вряд ли Конан доверил все лишь бумаге.

– Ничего, кроме наилучших пожеланий вашей милости, госпоже Ринге и вашим юным отпрыскам…

– Говори проще, – хмуро посоветовала баронесса Долиана, не отрываясь от чтения. – Мы не на королевском приеме.

– Откуда ты знаешь, как разговаривают на королевских приемах? – спросил Мораддин у дочери. – Матушка делилась впечатлениями? Или Цинтия? Впрочем, это неважно. Граф, я хотел бы услышать твое мнение обо всем увиденном в Бельверусе.

Свежий взгляд на обстоятельства всегда ценен.

– Я не так уж много видел, – честно признался я. – Могу рассказать только о самых запомнившихся мгновениях.

– А именно?

– Больной король, беседа с главой Королевского Кабинета… – послушно начал перечислять я. Мораддин немедленно перебил.

– Ты умудрился познакомиться с месьором Хостином Клеосом? – изумился герцог. – Странно, что ты до сих пор жив. Обычно кролики, изловленные Королевским Кабинетом, немедленно свежуются, а их шкурки украшают коллекцию Хостина.

– Значит, живой граф Монброн для господина Клеоса куда полезнее мертвого, – едко заметила Долиана, отложив в сторону депешу из Тарантии и бесцеремонно оглядела меня, сообщив: – Никогда еще не видела настоящего шпиона. Тем более аквилонского.

– Никогда? – фыркнул Мораддин, взглянув на дочь. – Полон дом разнообразных лазутчиков и ищеек! Правда, они свои, немедийцы. Шутки в сторону. Ну-с, дорогое дитя мое, что ты можешь сказать о прочитанном?

Не понимаю, отчего глава Вертрауэна столь неосторожно советуется в важнейших государственных делах с несовершеннолетней девчонкой! Хотя Долиана меньше всего похожа на великосветскую дурочку, способную рассуждать лишь о нарядах, драгоценностях или охоте на лис. Наверное, ее матушка, приснопамятная герцогиня Ринга Эрде, о похождениях которой мне довелось слышать немало поразительного, в молодые годы была примерно такой же.

– Чересчур сухо изложено, – пожала узкими плечами юная баронесса. – Король Конан сообщает, что, по донесениям Латераны, за последние полтора года в Аквилонии вспыхнуло повальное увлечение розыском древностей. Роются в старых крепостях и храмах, на развалинах городов, на местах знаменитых сражений. Найденные любопытные вещицы оседают либо в Тарантийской Галерее Короля и в Обители Мудрости, либо у собирателей старинных артефактов… Не замечаю ничего особенного в увлечении подобным собирательством. Обычная мода, которая наступает и проходит, сменяясь новой забавой.

– Значит, мода? – герцог прошелся по комнате, заложив руки за спину. – Однако в древних храмах порой можно откопать поразительные вещицы. И очень опасные. Достаточно вспомнить историю бронзовых кошек из Гальхайма.

– А что там случилось? – против воли заинтересовался я.

– Пять лет назад неподалеку от замка Гальхайм кметы нашли

несколько бронзовых изваяний в виде сидящих пантер, – вместо отца ответила Долиана, смотревшая куда-то перед собой, словно зачитывая сведения из невидимой книги. – Гальхайм – это в полуденной Аквилонии, неподалеку от границы с Офиром. Статуи выкопали и доставили в замок сеньора. Кошечки мирно простояли две луны в парадной зале господина барона, а на третью взяли да ожили, перерезав все семейство Гальхайм и слуг. После чего исчезли. Куда – осталось неизвестным. Как повествуют некоторые трактаты по магии, кхарийцы умели оживлять скульптуры животных, используя магические изваяния в качестве стражников или охранителей сокровищ.

– Вот-вот, – подтвердил Мораддин. – Надеюсь, аквилонские охотники за древностями не выкопают кхарийскую скульптуру дракона и не додумаются преподнести ее Конану ко дню рождения. Тогда, боюсь, варварская династия пресечется, едва начавшись. Меня насторожило другое. Сообщение о том, что всем нам хорошо знакомый принц Тараск приезжал в Аквилонию и весьма активно способствовал изысканиями в заброшенных святилищах. Никогда бы не подумал, что принц интересуется старинными вещицами. Какие выводы?

– Любой дворянин имеет право на причуды, – отпарировала Долиана. – Не вижу причин, отчего бы нашему красавчику не поразвлечься игрой в искателя сокровищ. Из Аквилонии он уехал довольно быстро… Либо нашел, что искал, либо убедился, что поиски бессмысленны. Кстати, Конан и барон Гленнор пишут, что люди Тараска копали на полуночи страны, возле рубежей Киммерии. Раскопками командовал некий Ораст из Сарваша. Знакомое имя, Цинтия его упоминала. Папа?

– Ораст… Довольно темная личность, отирающаяся при его высочестве Тараске. Кофиец, выдает себя за колдуна, хотя, насколько я знаю, дальше простеньких магических фокусов не продвинулся, – вспомнил Мораддин. – Конечно, у него есть определенные знания, но Ораст слишком молод для того, чтобы быть знающим себе цену волшебником. Я как-то спросил Арраса, что тот думает об Орасте. Месьор придворный маг бросил одно-единственное слово: «Недоучка».

– Для Арраса все недоучки, – пренебрежительно отмахнулась дочь герцога. – Через несколько лет он возгордится настолько, что объявит недоучкой и Тот-Амона, не к ночи будь помянут. Интересно, начнет ли эта парочка волшебников выяснять отношения, пытаясь установить, кто могущественней?

Мораддин еще раз просмотрел депешу, протер глаза левой рукой и уставился на нас.

– Раскопки в древних городах, повышение цен на офирское

золото, расторжение договора с Кофом… Это все, чем способны порадовать меня Конан вкупе с высокомудрым бароном Гленнором?

– В твоем письме, – осторожно начал я, – поминались некие «странности». Все странности, происходящие в Аквилонии, перечислены.

– Теперь «странностью» полагается мода на древние украшения… – удрученно вздохнул Мораддин. – Какое отношение могут иметь аквилонские гробокопатели к недавним происшествиям в Немедии? Разве что Тараск… Дана верно выразилась – принц волен развлекаться, как ему угодно. Маэль, мы, однако, не договорили. Что еще любопытного ты повстречал в Бельверусе, помимо пухлой физиономии месьора Хостина?

– Красное зарево, – не раздумывая, ответил я.

Хрустальный бокал, стоявший на краю стола, полетел на пол и со звоном разбился. Молодая госпожа так резко подалась вперед, что широким рукавом платья смахнула сосуд.

– Повтори! – нетерпеливо приказала Долиана. – Что ты сказал?

– Красное зарево, красное сияние, красное… демон знает что! – отбарабанил я раздраженно. – Понимаете ли, у меня есть родственник. Так сказать, предок. Маг. Причем маг настоящий, не недоучка. Еще бы, совершенствовать искусство четыре сотни лет!

– Что за бред он несет? – осведомилась Долиана у отца, посмотрев на меня со смесью сострадания и презрения. – Месьор ди Монброн, меня не интересуют твои родственники! Ты упомянул красное сияние. Мне нужны подробности!

– Родственник о сиянии и рассказал, – терпеливо объяснил я. – Вчера утром, еще до убийства канцлера. Разыскал меня в городе и посоветовал обязательно забраться ночью на Башню Висельников. Мол, увижу что-то интересное.

– Ты, конечно, внял совету родича? – чуть иронически спросил Мораддин.

– Вчера вечером, после заката. Едва ноги не переломал, но залез. Зрелище до крайности захватывающе. В городе много огней, светятся окна, факелы… Однако с вершины башни заметна невидимая снизу дымка. Будто бы очень тонкое облако, куполом накрывающее Бельверус. Иногда облако вспыхивает красным, словно молнии бьют.

– Над какой-то определенной частью города? – быстро уточнила Долиана.

– Нет, повсюду. Я еще плохо знаком со столицей и не смог бы определить кварталы, но вспышки внутри облака случались как над окраинами города, так и над центром.

– А где чаще? – почти хором спросили отец и дочь.

– Трудно сказать… Они везде. А вдобавок там что-то летало.

– В каком смысле – «летало»? – удивился герцог. – Стая птиц?

– Не птицы, не драконы, не грифоны, не воздушные змеи, – я подумал, пытаясь описать увиденное словами, но не нашел подходящих выражений. – Нечто бесформенное и огромное. У него, однако, есть крылья. Странная тень кружила над Бельверусом не менее полуколокола, затем исчезла. Признаюсь, я редко видел вещи более страшные и более непонятные. Мой родственник-маг упомянул, будто в столице появилось чужое колдовство…

– Побеседовать бы с этим твоим родственником-долгожителем, – задумчиво произнес Мораддин. – Где, говоришь, он живет?

– Представления не имею, – отрекся я. – Он всегда появляется и исчезает неожиданно. Впрочем, его можно найти по особой примете. Вместе с Райаном – так его зовут – всегда ходит большая рыжая собака кофийской бойцовой породы. Псина не отстает от него буквально ни на шаг. Правда, я не уверен, что это именно собака…

– А кто же? – усмехнулась Долиана.

– Демон в собачьем обличье, – предположил я. – Этой собаке, как и самому Райану, наверное, лет четыреста.

– Так, – Мораддин легонько хлопнул ладонью по столу. – Сейчас, месьор ди Монброн, ты нальешь себе вина и расскажешь все с самого начала. Я, признаться, запутался. Родственник-маг, четырехсотлетняя собака, красное зарево… Не морочьте мне голову, молодые люди. Дана, между прочим, после занимательной повести нашего гостя тебе придется объяснить, откуда ты знаешь об этом пресловутом зареве. Почему я все узнаю последним?

– Я могу и сразу сказать, – баронесса как-то странно заерзала, отводя взгляд. – От мамы. Я с ней недавно разговаривала.

– Час от часу легче, – Мораддин буквально схватился за голову. – Не дом, а приют для умалишенных!

– В какой-то мере, – легко согласилась дочь. – Однако матушке было заранее известно о красном сиянии. Она называла его «любящим власть» и утверждала, будто оно представляет опасность, если я ее правильно поняла. Кстати, можно еще один вопрос? Никто не знает, что такое «Лан-Гэллом»?

– Нет, – честно ответил я. Мораддин вытаращился на чересчур любознательную для своего возраста девушку, почесал в бороде и медленно проговорил:

– Какая ты у меня образованная, оказывается. Мы с Рингой не

зря тратили деньги на храмовые школы для тебя. Лан-Гэллом – слово из языка альбов. Очень древнего языка. Сейчас он нигде не употребляется, но несколько выражений сохранилось в языке гномов и почему-то нордхеймцев. Наречие альбов – это язык нечеловеческой магии. Сомневаюсь, что даже самые известные волшебники нашего мира им владеют. «Лан-Гэллом» переводится как «Долина Звездного Тумана».

– Папа! – возмущенно ахнула молодая баронесса. – Значит, самые известные волшебники языком альбов не владеют, а ты запросто переводишь никому не понятное название?

– Тебе следует внимательнее читать книги по истории, – наставительно порекомендовал Мораддин. – Несколько тысяч лет назад так называлась крепость Роты-Всадника, темного бога, ныне уничтоженная. На месте крепости ныне плещется океан.

Я переводил взгляд с отца на дочь, ничего не понимая в их разговоре. Хорош же глава тайной службы королевства! Его мир рушится, а он рассуждает с возлюбленной наследницей об исчезнувших наречиях и древних богах! Надо спасать самого себя и страну, медленно погружающуюся в темную бездну, а не болтать о вещах малозначащих!

Конечно же, эти мысли я не озвучил. Если герцог считает нужным беседовать со своим ребенком о всякой ерунде, так тому и быть. Вдруг это тоже важно?

– Я отлично знаю, кто такой Всадник Мрака! – резко возразила Долиана. – Но откуда ты узнал о Лан-Гэлломе?

– Твоя матушка как-то рассказывала.

Долиана откинулась на спинку кресла и призадумалась, вертя на пальце тонкое золотое кольцо.

– Мать сказала, что в случае беды мне и брату следует перебраться в Лан-Гэллом, – наконец изрекла она. – Как можно отправиться в несуществующее место? А если бы оно существовало, что нам делать в крепости древнего бога Тьмы?

– Госпожа Ринга болеет, – непреклонно заявил Мораддин и покосился на меня. Я немедленно прикинулся глухим. – Вовсе не обязательно прислушиваться ко всему, что она говорит в горячке… Никуда ты не поедешь, тем более в никакой Лан-Гэллом. Мы, однако, забыли о нашем госте. Поступим так. Маэль, где ты живешь?

Я вздохнул и ответил:

– У менялы Реймена Венса на улице Гвоздик.

– Ай-ай, как неосторожно, – покачал головой герцог. – С равным успехом можно было бы…

– Да, знаю, повесить на себя табличку «Я аквилонский конфидент», месьор Хостин уже сообщил мне об этом.

– Если барон Гленнор посчитал, что тебе следует жить на виду у всех тайных служб Немедии, в доме человека, который прекрасно известен нам в качестве личного представителя господина барона в Бельверусе, значит, он сделал это не зря, – Мораддин повторил мысль месьора Хостина. – Итак, граф, я готов выслушать твою занимательную повесть о собаках, родственниках, птицах, которые не птицы, и всем прочем, что ты посчитаешь мне сообщить как личный посланник короля Аквилонии. Теперь у меня достаточно времени для того, чтобы наслаждаться семейными легендами.

Я подумал и решил, что вначале герцогу следует поведать о истории моего знакомства с Конаном десять лет назад, ибо именно из нее проистекают все последующие неприятности.

* * *

Скандал на всю страну! Невероятное стало явью, а я – свидетелем невероятного. Если я когда-либо начну писать мемуары, то, безусловно, весьма важное место на их страницах займет повествование о том, как Маэль Монброн, он же Влад Зимбор, лицезрел великого канцлера Немедии, валяющегося с выпущенными кишками в луже крови на камнях мостовой.

Я ничего не преувеличил, хотя находился довольно далеко от места событий. Проезжая по Драконьей улице, я вдруг с удивлением отметил, что здесь царит непорядок. Какой-то груженный бревнами фургон перекрыл дорогу, не пропуская всадников и прохожих. Сразу за фургоном стояла роскошная темно-бордовая повозка, запряженная четверкой лошадей. Возле нее суетились и кричали люди, часть из которых была в форме гвардейцев «Тигриной сотни» – черно-оранжевые плащи, отороченные мехом хищных кошек колеты, начищенные шлемы… Попросту говоря, на улице царила паника.

Вначале я решил, что натолкнулся на обычные уличные беспорядки, но слух тотчас различил донельзя знакомый звук – легкие щелчки арбалетных тетив. Я машинально оглянулся и вдруг заметил несколько теней на крышах противоположных домов. Именно там устроились арбалетчики, деловито и сноровисто отстреливавшие мечущихся гвардейцев. Кого-то вытаскивали из повозки, человек кричал и отбивался, а я, поняв, что отсюда лучше немедленно ретироваться или все закончится тем, что я схвачу стрелу как лишний свидетель, заставил лошадь

попятиться, затем спрыгнул из седла на землю и оттащил упрямую кобылу Бебиту за угол. Разумеется, я угодил в компанию предусмотрительно спрятавшихся зевак, с интересом наблюдавших за непонятным маленьким сражением, развернувшимся посреди улицы.

– Повозка великого канцлера! – с восторженным ужасом провозгласила полная горожанка, стоявшая справа. По облику – небогатая торговка, зеленщица или пекарша. – Страсти-то какие!

– Что? – я аж рот раскрыл. – Чья повозка?

– Их милости месьора Тимона! Вон же его дом! Карау-ул!

Откуда-то бежала городская стража, прогрохотали копыта конного гвардейского патруля… Немедленно собравшаяся толпа вопила, усиливая неразбериху, а я просто стоял и смотрел. Дело кончилось изумительно быстро – видать, на канцлера натравили опытных гиен. Видно было плохо, но я все-таки увидел, как толстяка выволокли из дверей кареты и весьма сноровисто прикончили. По-моему, Тимон даже пикнуть не успел.

Ворота дома канцлера внезапно распахнулись, оттуда с гиканьем вылетела зазевавшаяся охрана. Последовала краткая свалка, несколько ударов железа о железо, гвалт усилился, а по толпе уже понеслась весть: «Убили, убили, убили, убили!.. Канцлера убили!»

– Ищейки Вертрауэна! – несносно взвыл кто-то прямо у меня над ухом. Сообразив в чем дело, я схватился за рукоять сабли. Этот человек только что явился совершенно с другого конца улицы и не мог видеть происходящего. И рожа больно продувная. Зачем он кричит о том, что тайная служба Его величества убила канцлера? Неблагообразный месьор продолжал надрываться: – Мораддиновы оборотни! Шакалы недомерка прикончили канцлера! Они нас так всех перебьют!

Заметив мой яростный взгляд, человек вдруг смешался и ловко нырнул в толпу прежде, чем я успел сцапать его за ворот. Однако свое дело он сделал – весть понеслась из уст в уста.

– Все дворяне, носящие герб и меч, ко мне! – это надрывался бледный гвардейский капитан, подбежавший со стороны кареты Тимона. – Именем короля!

Отозвался я и еще несколько человек. Нам приказали перекрыть улицу, не пропуская к повозке никого, кроме королевских гвардейцев и высших чинов стражи. Я косился на убитых, лошадь всхрапывала, чуя кровь, капитан пытался навести хоть какой-нибудь порядок, отсылал людей во дворец и в общем-то больше суетился, чем приносил пользы.

Вскоре примчались два всадника, показали оцеплению свои бляхи с эмблемой Вертрауэна, осмотрели мертвецов, быстро

опросили гвардейцев, видевших покушение и столь же мгновенно исчезли. Спустя колокол или полтора подъехала еще одна группа (к этому времени тело великого канцлера догадались прикрыть плащом). Меня внезапно окликнули:

– А-а, месьор Зимбор! Везет кофийскому гостю на приключения, ничего не скажу!

Я слегка похолодел. В седле такого же низенького и крепкого, как и всадник, мерина восседал Хостин Клеос. Даже сейчас с его округлого лица не сползало обманчиво благодушное выражение. Он остановил конька возле меня, оценивающе оглядел с головы до ног и бесстрастно бросил:

– Никуда не уезжайте. После переговорим.

Королевский Кабинет действовал быстро и сноровисто. Хостин осмотрел место покушения, приказал перенести мертвые тела в дом, а затем по его приказу оцепление сняли.

– Что ты здесь делал? – напрямик спросил почтеннейший месьор Клеос, когда стража привела меня в небольшую караулку за воротами дома канцлера. – Участвовать в нападении ты не мог, это ясно, иначе бы тебя запомнили… Знал заранее? Решил полюбоваться собственными глазами?

– Честное слово, произошла случайность! – начал оправдываться я, но понял, что смотрюсь жалко. Пускай думает все, что угодно! – Просто ездил по городу, а тут… Такое…

– Такое, – вздохнул начальник королевской тайной службы. – Скандал, каких не случалось со времен покушения на короля Гизельхера Второго! Беднягу зарезали прямиком на троне, слыхал эту историю? Что видел? Рассказывай во всех подробностях!

Я честно рассказал. Про фургон с бревнами (под шумок укатившийся неведомо куда), про загадочных арбалетчиков на крышах, про нескольких людей с мечами, прикончивших старика Тимона и его секретаря. Одним словом, описал виденное всеми и каждым зевакой на улице.

– Дело было очень четко и добротно спланировано, – заключил я, желая поразить Хостина своими непритязательными логическими выводами. – Злодеи появились мгновенно, будто по мановению волшебства, и столь же быстро скрылись, если не считать непосредственных убийц канцлера. Их ведь зарубила стража?

– Болваны! – рявкнул Хостин. – У телохранителей Тимона дерьмо вместо мозгов! Да я не уверен, что и оно плещется в этих тупых головах! На что мне двое мертвых заговорщиков? Прикажете теперь бежать к заезжему некроманту, выкладывать ему огромные деньги за оживление трупов и допрашивать покойников? Ничего-ничего, головы полетят, будь уверен! Пускай

король стар и болен, одно я знаю точно: такого оскорбления, нанесенного трону и государству, Нимед не простит!

– Нимед-старший или младший? – дотошно уточнил я.

– Неважно! – рявкнул Хостин. – Пока королем является Нимед-отец, и никто не станет этого отрицать. Скажи мне, аквилонец, кому, на твой взгляд, потребовалась жизнь великого канцлера?

– Тимон мог стоять поперек дороги… э-э… молодому поколению, – прикинул я. – Кому-то требуется кресло канцлера и, как следствие, влияние на монарха?

– Не исключено, – буркнул глава Королевского Кабинета. – Еще мысли?

– Тимон слишком много знал…

– На то он и канцлер, чтобы слишком много знать. Я в подобном случае устранял бы не Тимона, а герцога Мораддина. Вот уж кто действительно слишком много знает.

Хостин вопросительно посмотрел на меня. Пришлось продолжать.

– Стал чересчур опасен, – я выразился не совсем внятно, мысль нуждалась в развитии: – Хостин, ответь, не подготавливал ли канцлер чью-либо отставку? Кого-нибудь из очень высокопоставленных слуг короля?

– Нет, – отрекся месьор Клеос. – Назначение на важные посты – суть прерогатива Его величества. И, если признаться честно, моя. Канцлер лишь управляет. Хотя согласен, мнение короля всегда может измениться.

– И, наконец… – я сделал страшное лицо и прошептал: – У месьора Тимона могли быть личные враги. Я слышал, будто на прошлой седмице кто-то зарезал внука светлейшего канцлера. Вдруг ему мстят за какие-нибудь неизвестные мне и вам старинные проделки? В молодости и даже зрелости каждый совершает тяжелые ошибки. Обесчещенная девица, смерть ребенка… Понимаешь, о чем я?

– Соображение любопытное, – согласился Хостин. – Ладно, господин Монброн. Иди.

– Куда? – не понял я.

– Куда глаза глядят. По своим неотложным надобностям. И не забудь про знак в виде желтого фонаря.

Меня беспрепятственно выпустили, я нашел Бебиту, которая беззастенчиво паслась на клумбах под окнами дворца покойного Тимона, и отправился в ближайшую таверну. От огорчения у меня разыгрался неслыханный аппетит.

После обеда я решил, что настало самое время исполнить поручение Конана – навестить его светлость герцога Мораддина.

Впрочем, нет. Сейчас время позднее, да и не следует тревожить главу Вертрауэна в столь тяжелый и горестный для Немедии день. Наверняка герцог ныне занят тем, что спускает всех своих ищеек по следу…

Что бы такого предпринять? Неожиданно я вспомнил о Башне Висельников и предостережении Райана из Танасула. Если мой славный предок посоветовал забраться на верхнюю площадку башни и осмотреть город, значит, так и поступим. А к Мораддину поедем завтра, когда тихая паника в Бельверусе слегка успокоится.

* * *

– Я благодарен тебе, граф, за столь искреннюю и подробную повесть, – посмеивался герцог Мораддин. Молодая госпожа тоже тихонько пофыркивала, прикрывая рот кулачком, в котором был зажат кружевной платочек. История о драконе Геллире, графине Вальехо, капитане Конане, шемских пиратах и зингарских контрабандистах произвела на обоих неизгладимое впечатление. Впрочем, как в свое время, и на меня самого. Затем я кратенько описал свои приключения в составе команды «Крылатого змея», водительствуемого Сигурдом, поступление на службу в Латерану и, наконец, поведал о приказе короля отправляться в Немедию, бдеть, следить, способствовать и лелеять душевное согласие. Во время той части рассказа, что посвящалась моему близкому знакомству с Хостином Клеосом и Королевским Кабинетом, герцог Мораддин хохотал в голос и, точно также, как месьор Хостин, назвал меня олухом – естественно, так глупо попасться!

– Бесценный граф, – изнемогал от смеха Мораддин, – ты просто еще чересчур молод, значит, чересчур идеалистичен! С первого же дня пребывания в Немедии ты должен был уяснить, что игра, затеянная Конаном и таким прожженным интриганом, как барон Гленнор, не может быть простой и безобидной! Да, они намеренно тебя подставили, отправив к «почетному шпиону», месьору Реймену, не известив о существовании Королевского Кабинета, соперничающего с Вертрауэном, не рассказав о расстановке сил при дворе нашего короля… Я уже не говорю о маскараде с незаконным сыном герцога Зимбора – ты разве никогда не слышал об устойчивом понятии, появившемся в Кофе и прижившемся у нас: «Дети герцога Зимбора»? Это ведь расхожая поговорка! Старый дурак за свою бурную жизнь не только

наплодил два с лишним десятка законных детишек, а с ними – не менее полусотни бастардов, но и… – герцог буквально зарыдал, вытирая изъятым у дочери платочком глаза, – но и начал за деньги продавать титул кому ни попадя. В Кофе очень странные законы и геральдические уложения, позволяющие впавшим в возрастное слабоумие старикашкам развлекаться подобным образом.

– Папа, к чему так вызывающе смеяться над нашим гостем? – заступилась за меня баронесса Дана, поглядывая на мои багровые щеки и уши. – Я бы наоборот, посочувствовала месьору ди Монброну.

– Пойми, – вещал слегка успокоившийся Мораддин, – барон Гленнор и его киммерийско-аквилонское величество сделали все, чтобы на тебя обратили внимание Вертрауэн, Королевский Кабинет и все прочие… интересующиеся.

– Но зачем? – поразился я. – Отлично, я переживу, что меня сделали посмешищем, но я очень хочу узнать, ради чего?

– Ради многозначительности, – серьезно ответил герцог. – Те, кто поглупее, решат, что очередной бастард Зимбор есть примитивный курьер между Тарантией и Бельверусом. Те, кто поумнее, как, например, Хостин, перемудрят, запутаются в собственных подозрениях и решат, что ты невероятно важная птица. Хотя ты ни то и ни другое. Ты личный конфидент короля, это так. Но поскольку Конан не дал определенного приказа, ты по сравнению со всеми другими конфидентами значительно выигрываешь. Ты плывешь по течению, смотришь, запоминаешь, вмешиваешься, только когда твое вмешательство насущно требуется… Одинокий волк, бродящий сам по себе в незнакомом лесу.

– Как же теперь прикажете поступать? – я окончательно скис. Ничего себе, одинокий волк. Скорее, жаба, сидящая на листочке кувшинки, плывущем вниз по реке. Таращу глазки и мух ловлю. – Ваша светлость, я понимаю, что у каждого человека должна быть своя голова на плечах, но все-таки я хотел бы попросить совета.

– Умоляю, не надо спрашивать о том, что тебе делать дальше, – Мораддин воздел глаза к потолку. – Это главный вопрос всех начинающих. На него никогда нет подходящего ответа. Совет? Что ж, используя пятнадцатилетний опыт службы в Вертрауэне, а до него весьма поучительные годы, проведенные в личной гвардии Илдиза Туранского, предложу следующее: нынешним же вечером ты приезжаешь к своему меняле, сбрасываешь эту дурацкую одежду с еще более дурацким гербом, и заказываешь месьору Венсу гербовые колет и плащ с эмблемами рода Монбронов Танасульских. Дворянскую грамоту, если своя

осталась в Тарантии, он тебе выправит самую настоящую. В крайнем случае посол Аквилонии, с которым Венс тесно связан общими трудами и интересами, подтвердит перед любым представителем власти, что ты действительно являешься подданным его величества Конана Канах и наследным графом Монброном… Кстати, в каком колене?

– В сорок втором, – угрюмо ответил я. – Но как же быть с тайной моего пребывания в Бельверусе?

Тут рассмеялись и отец, и дочь одновременно.

– Ты бесподобен! – простонал Мораддин. – Какая тайна? Где здесь секрет, покажи! Давно я так не веселился, клянусь честью! Со времен, когда в Бельверус пришло известие о коронации Конана!.. Между прочим, он там не собирается присоединить Киммерию на правах протектората? Ладно-ладно, не хмурься. Если говорить понятным языком, столь внезапная смена окраски лишь пойдет тебе на пользу. Подумай: Королевский Кабинет и я отлично знаем, кто такой на самом деле Влад Зимбор. Готов поставить на кон мои замки и состояние – Хостин Клеос искренне недоумевает, почему граф Монброн ведет себя столь вызывающе и прямо-таки издевается над Кабинетом, таская нелепый кофийский герб. Но, едва ты превратишься из персонажа поговорки в самого себя, старик Хостин увидит – этот молодой человек не только посмеялся над тайной службой короля, но и пошел значительно дальше. Он просто не обращает на нее внимания. Действует по собственному усмотрению. Вчера Зимбор, сегодня Монброн, а завтра кто? Вдруг у этого наглеца лежит в рукаве грамота чрезвычайного посла короля Аквилонии или что-нибудь почище? Короче говоря, такой неожиданный ход вызовет замешательство и недоумение как у друзей, так и у противников. Граф, запомни раз и навсегда – неожиданность в поступках есть основа нашего ремесла.

– Да, барон Гленнор что-то такое рассказывал, – с неизмеримой унылостью пробормотал я. Почему-то было ужасно стыдно – начальник тайной службы чужой страны, вечно соперничающей с Аквилонией, поучает меня, конфидента с пятилетним опытом, как следует поступать, чтобы сбить с толку возможных затаившихся недругов. Особенно неприятно было замечать веселые взгляды юной баронессы. Долиане Эрде хорошо – она с пеленок воспитывалась в доме, где секреты и таинственность, аромат заговоров и интриг впитались в каждый камень.

– Позволю себе откланяться, – я сделал движение, чтобы подняться из кресла, однако Мораддин остановил меня движением руки.

– Уж прости, Маэль, но если Конан прислал тебя мне на подмогу, тебе придется потрудиться во славу Немедии. Отказы не принимаются, любой приказ исполняется точно и в срок. Полагаю, этому тебя учить не нужно? Итак. В ближайшие дни я хочу обязательно увидеться с этим твоим… родственником. Кажется, Райан знает нечто такое, чего не знаю я, а по должности знать обязан.

– Папа, – вмешалась баронесса, – нам запрещено покидать дом и принимать гостей.

– Чушь. Чушь и фантазии Хостина Клеоса, считающего, будто несколько десятков гвардейцев смогут мне помешать трудиться и далее… – задумчиво ответил Мораддин. – Маэль, когда вы с Райаном отыщете друг друга, хватай своего волшебника за ворот и тащи на постоялый двор «Путеводная звезда». Хозяину скажешь, что граф Монброн желает немедленно переговорить с постояльцем, приехавшим из… ну, допустим, из Карташены. Затем ждите, пейте и ешьте за счет заведения. Я либо приду сам, либо тебя и Райана отведут туда, где мы сможем спокойно переговорить. Дана?

– Да, папа? – дочь герцога подняла бровь.

– Ты ведь дружишь с Цинтией Целлиг… Возьми перо и пергамент, давай-ка вместе составим рекомендательное письмо к папеньке нашей милейшей Цици. Хэлкарс не сможет мне отказать в маленькой просьбе.

Письмо было написано в лучшем куртуазном стиле, запечатано перстнем герцога, а затем передано мне для дальнейшего использования. Мораддин объяснил, как найти усадьбу семьи Целлиг, а про самого хозяина с непонятной усмешкой заметил, будто месьор Хэлкарс примет меня с соответствующим почетом и выслушает любые просьбы. Знакомство с Целлигами поможет мне войти во дворец Нимеда, только не с парадного входа, а с бокового, предназначенного для доверенных лиц королевской фамилии…

– И напоследок, – сказал Мораддин, огладив бороду. – Если со мной что-нибудь случится… Я имею в виду чересчур откровенную опалу – ссылку, тюрьму или нечто похуже – немедленно сообщи об этом в Аквилонию. Пусть Конан знает. Дана, проводи гостя.

Я раскланялся, пообещал, что все просьбы герцога будут выполнены, и отправился восвояси, сопровождаемый подозрительными взглядами окруживших дом королевских гвардейцев.

12 день Первой весенней луны.

Следующим утром я выехал со двора менялы Реймена Венса в совершенно новом облике. Впечатление портила только горшкообразная кофийская прическа, но это ничего, волосы со временем отрастут, ибо в Аквилонии принято носить волосы до плеч или стягивать их на затылке в хвост.

До чего же хорошо быть самим собой!

Явившись после беседы с Мораддином в лавку Реймена, я поразил хозяина неожиданной просьбой – не мог бы месьор Венс подсказать, где в Бельверусе можно купить готовое дворянское платье? Объяснил, зачем. Меняла только рот раскрыл, однако отослал меня на улицу Веретена, к некоей госпоже Кейт – владелице швейных мастерских, у которой одевались не самые знатные, но и далеко не бедные дворяне. Хозяйка приняла меня с распростертыми объятиями, критически осмотрела колет кофийского покроя с дурацким гербом Зимборов, и, кликнув своих белошвеек, немедля приступила к работе. Новую одежду подгоняли прямо на мне по росту и объему, вышивальщицы в это время мастерили плащ с моим фамильным гербом – крылатый золотой меч на алом поле. Такой же символ теперь должен был украшать мою грудь на тунике.

К закату платье было готово, и я не пожалел тридцати ауреев, выложенных за спешные труды. Боги, наконец-то я избавился от глуповатого облика бастарда Зимбора и оделся в соответствии с традициями моей обожаемой родины.

После мастерской госпожи Кейт мой путь пролег в центр города, к салону «Синий амфитерн». Меня, как и прошлый раз, сразили неслыханным гостеприимством, накормили до отвала невероятно изысканными блюдами, а служки почтительно косились на родовой герб Монбронов – гербовый щит украшался графской короной с тремя зубчиками в виде лепестков клевера. Между делом я приказал позвать хозяина, пригласил его разделить со мной стол, напоил вином (за мой собственный счет) и начал выяснять, часто ли бывает в этом очаровательном заведении человек постоянно сопровождаемый большой рыжей собакой? Хозяин кивал, называл меня то «вашей милостью», то «вашей светлостью», и наконец сообщил, что месьор, непременно таскающий за собой бойцового кофийского пса, заходит обедать в «Амфитерна» через два дня на третий. Платит всегда очень щедро и вообще производит впечатление человека приличного, обеспеченного, пускай и несколько высокомерного.

– Давно он к вам приходит? – небрежно поинтересовался я.

– Годика полтора, ваша милость, – ответствовал владелец «Амфитерна». – Вроде бы дворянин, но гербов никаких.

Чувствуется, что кошелек отнюдь не пустой, однако же одевается скромно, хоть и ярко.

Хозяин начал покашливать и хмуриться. Видимо, ему не нравились вопросы, касающиеся его посетителей. Пришлось поддержать разговор с помощью выложенных на стол золотых ауреев.

– Один ходит или с компанией? – продолжал наседать я.

– Однажды, – понизив голос до трагического шепота и воровато оглянувшись, сообщил хозяин, – господин, о котором вы спрашиваете, явился рука об руку с самим месьором Аррасом, придворным магом государя Нимеда. Поели, выпили, но, как я слышал, разругались и досточтимый Аррас ушел. А так, обычно, с девицами приходит.

«Ясно, – подумал я. – Предок по-прежнему неравнодушен к прекрасной половине рода людского. А про Арраса – весьма интересное сообщение. Надо будет учесть, что Райан как-то связан с королевским дворцом. Однако что делает в Немедии мой бессмертный родственник? Насколько я знаю, ему всегда не сиделось на месте и в любой из стран он задерживался не более, чем на полгода или того меньше. Неужели то самое „чужое колдовство“ сумело настолько заинтриговать Райана? Он всегда любил необычные загадки, и чтобы непременно с подвохом и приключениями…»

Я потребовал клочок пергамента, нашел в поясной сумочке свинцовый карандаш и быстро написал по-аквилонски:

«Надо немедля увидеться. Забирался на Башню, посмотрел, ничего не понял. Ежедневно буду приходить обедать в „Амфитерна“ к четвертому полуденному колоколу. Маэль».

– Передашь записку месьору с собакой, – распорядился я, передавая краткую депешу владельцу салона и тем самым еще более усиливая его подозрения. Хозяин мельком глянул на незнакомый ему аквилонский алфавит, а я отчетливо различил, какие мысли ровным строем маршируют за его вспотевшим лбом: чужестранные конфиденты, аквилонские лазутчики, контрабанда лотоса, незаконная торговля… А то и хуже – колдовство!

Пришлось лениво объясниться:

– Месьор Райан разводит кофийских бойцовых собак, а в Аквилонии такая порода редкостна. Хочу купить полдесятка щенков.

– Да-да, конечно, – зачарованно пробормотал хозяин. – Удивительные животные. Особливо по линии изумительно плоского профиля, злобности и слюнявости. Как же-с, месьор граф, передам. Непременно.

Я покинул «Амфитерна», терзаясь подозрениями – ну как

донесет куда следует? В Королевский Кабинет? А что, собственно, такого? В каком законе сказано, что благородный аквилонский дворянин не может встречаться с другим дворянином на предмет приобретения замечательно брудастых псов кофийской бойцовой породы?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ
Из записок Долианы, баронессы Эрде – III
«Возврата нет»

Бельверус, Немедия.
11 день Первой весенней луны.

Итак, молодой человек, выдававший себя за незаконного отпрыска знатного кофийского рода, вовсе не являлся таковым. Звали его не Владом Зимбором, а Маэлем ди Монброном из Аквилонии, и, как я совершенно верно заподозрила, его ремесло имело прямое отношение к департаменту, коим заведовал мой отец. С одной маленькой разницей – граф ди Монброн занимался известными темными делишками в пользу Аквилонии.

Я совершенно не ожидала, что стану третьей участницей разговора между аквилонским конфидентом и главой Вертрауэна. Все получилось как-то сумбурно и неожиданно: вот отец поднимается по широкой лестнице, а наверху нас ожидает взволнованная Цинтия – песочные кудри растрепались, нервно стиснутые руки прижаты к груди, серо-зеленоватые глаза лихорадочно поблескивают. Цици, похоже, выскочила из комнаты следом за мной, но деликатно обождала, дав отцу и дочери встретиться без лишних свидетелей.

– Вашу милость отпустили! – обрадованно возопила Цинтия, когда мы достигли верхней площадки. – А я… а мы так переживали! Что ж такое делается? Неужели месьора канцлера в самом деле убили? А кто? Ой, я совсем запуталась! Об этом ведь нельзя говорить? Это секрет?

– Это загадка, решения которой я пока не отыскал, – его светлость Мораддин со всем положенным пиететом раскланялся с немедленно смутившейся Цици. – Госпожа Целлиг, я никогда бы не мог пожелать лучшего друга для нашей семьи, нежели ты. Однако при нынешних обстоятельствах считаться знакомым нашего дома становится небезопасно.

– Фи! – горделиво вскинула головку Цинтия. – Королевская немилость – облако в чистых небесах. Рано или поздно ветры унесут его прочь. Но раз меня изгоняют… – она состроила насмешливо-оскорбленную гримаску. – Я удаляюсь в изгнание, поселюсь где-нибудь в пустынных горах Стигии и буду питаться исключительно сушеными кузнечиками! Можно мне придти

завтра? Если, конечно, меня пропустит королевская стража?

– И завтра, и послезавтра, и когда пожелаешь, – Мораддин Эрде, несмотря на плохое настроение, все же слегка улыбнулся. – Передавай мои наилучшие пожелания твоим уважаемым батюшке и матушке.

– Непременно! – Цинтия побежала вниз, звонко выстукивая каблучками по ступенькам. У дверей обернулась, беспечно помахав нам на прощание.

– Она прелесть, правда? – вполголоса заметил отец. – Удивительно, каким чудом ее беспутный папаша сумел воспитать эдакое сокровище. Хэлкарс Целлиг – человек, которого способна угомонить только смерть. Мошенник по призванию, тип, не решающийся открыто враждовать с законом и не собирающийся ему подчиняться. Мог отыскать лазейку там, где все остальные расшибали лбы всмятку. Сколько он мне крови попортил, пока я не припер его к стене и не убедил, что пора заняться чем-нибудь более полезным, нежели продажа несуществующих золотых рудников в Коринфских горах и подделка закладных писем уважаемых торговых домов! Мне, и госпоже Лиа Целлиг, с величайшим трудом удалось вернуть этого неплохого, в сущности, человека к скромным радостям домашнего очага. Теперь барон Целлиг развлекается тем, что от случая к случаю безжалостно обдирает в кости любого противника и коллекционирует редкости. Его галерея, пожалуй, может считаться самой обширной в Бельверусе.

Я невольно фыркнула. Да, барон Целлиг, если верить мнению отца и моим собственным умозаключениям – личность весьма примечательная.

Мой первый урок мастерства лазутчика прошел более чем увлекательно. Вскоре я от души посочувствовала бедняге ди Монброну – он отчаянно старался как можно лучше выполнить возложенные на него поручения, а в итоге оказался всеобщим посмешищем. Те, кто послал его в Немедию, сделали все, дабы привлечь внимание к своему порученцу, и преуспели в своих намерениях.

За шесть дней своего пребывания в Бельверусе Маэль успел: побывать во дворце, став невольной жертвой розыгрыша принца Тараска, свести близкое знакомство со зловещим Хостином Клеосом, главой личной тайной службы короля и заклятым приятелем Вертрауэна, стать свидетелем убийства канцлера Тимона и, наконец, увидеть нечто, называемое им «красным сиянием».

Услышав это, я вскочила и случайно вдребезги расколотила драгоценный кубок из черного мориона. Таинственное красное

сияние, чьи следы я упорно разыскивала в библиотеке, само шло ко мне в руки! Я хотела узнать об этой вещи или явлении все, однако ди Монброн при всем желании не мог мне помочь. Ночью он побывал на Башне Висельников и заметил какое-то переливающееся оттенками красного и багрового облако, висевшее над городом. Облако не походило на отраженный отблеск городских огней и, похоже, изрядно напугало молодого человека. Еще он заметил какую-то кружившую в воздухе странную тень, вроде бы смахивавшую на огромную птицу. Что это могло быть, затруднялся предположить даже отец. Зато мой многомудрый родитель, оказывается, знал ответ на мучившую меня загадку о тайне слова «Лан-Гэллом».

Услышав его толкование, я впала в глубочайшую задумчивость. Крепость Роты-Всадника? Матушка что, решила изощренно подшутить надо мной? У меня не хватит ни знаний, ни храбрости, ни решительности, чтобы преодолеть сотни лиг от Бельверуса до Нордхеймского побережья, и потом разыскивать там останки цитадели, затонувшей тысячи лет назад! Я, хвала богам, еще не сошла с ума.

Маэль ди Монброн из Аквилонии просидел у нас почти до шестого полуденного колокола, почтительно внимая моему отцу и вопросительно-удивленно косясь на меня. Наверное, не мог взять в толк, за какие заслуги благородную, но вопиюще юную девицу допускают к обсуждению столь важных и тайных вопросов. Я и сама не знала. Раз отец решил, значит, у него имелись причины. В конце концов, в глубине души я и Вестри подозревали, что нам не позволят остаться в стороне. Занятия наших родителей наложили глубочайший отпечаток на их жизнь, и наверняка затронет и нашу. Дети главы Вертрауэна – это не только привилегии и роскошь, но еще и долг перед страной.

Как положено хозяйке дома, я отправилась проводить гостя. Месьор Монброн, изрядно обескураженный и встревоженный, стоял на верхней площадке лестницы, крутя в руках рекомендательное письмо, адресованное Хэлкарсу Целлигу. Это была идея моего отца – отправить молодого человека на растерзание Цинтии и ее несколько эксцентричному семейству. Зато Цици сможет провести незадачливого посланца короля Аквилонии во дворец и познакомить с теми, кто окружает короля и принцев, создавая яркий, порой режущий глаз блеск придворной мишуры.

– Навещая Целлигов, главное – не испугаться, – искренне напутствовала я нашего гостя. – Они милейшие люди, хотя на первый взгляд предстают взбалмошными сумасбродами.

– Б-благодарю за совет, – чуть растерянно ответил Маэль

Монброн и поспешно удалился. Наверное, отправился в ближайшую таверну – приходить в себя и соображать, не лучше ли удрать из этого Бельверуса, пока цел? Я бы его не осудила.

– Понравилось быть ищейкой Вертрауэна? – ехидно осведомился отец, когда я вернулась в кабинет.

– Интересно, – кивнула я. – Захватывающе. Неожиданно. Понравилось или нет, сказать не могу – пока слишком мало знаю о вашем… нашем ремесле. Однако мне показалось чрезвычайно занятным искать и связывать воедино крупицы разбросанных там и сям сведений. Что общего между усилением интереса к древностям в Аквилонии и нашими нынешними трудностями? Что собирается предпринять достопочтенный Хостин в связи с гибелью канцлера? И самое главное – что намерен делать ты, герцог Мораддин Эрде?

– Для начала я собираюсь дать тебе задание и написать письмо старому другу, – задумчиво откликнулся отец. – Задание таково – отправляйся в библиотеку и попытайся разыскать какие-нибудь книги по магическим искусствам. Сдается мне, что в этой истории не обошлось без колдовства в какой-то его разновидности. Коли нам придется иметь дело с волшбой, я предпочитаю обратиться за советом к тому, кто хорошо в этом разбирается. Мне бы чрезвычайно хотелось побеседовать с загадочным предком месьора Монброна, однако в ближайшие дни этого явно не произойдет.

– Рискнуть обратиться к Аррасу? – предположила я.

– Напрасные труды, – отец покачал головой и придвинул к себе чистый листочек папируса. – Он может оказаться заинтересован в том, чтобы секрет этого красного сияния или свечения оставался неразгаданным. Я поступлю по-другому.

Он обмакнул перо в чернильницу и принялся быстро заполнять лист ровными строчками немедийских букв, между делом поясняя:

– Эта депеша отправится в Пограничье. При королевском дворе Эрхарда Оборотня промышляет один мой давний знакомый, имевший неосторожность родиться в Стигии и стать неплохим магом из числа последователей Равновесия. Его зовут Тотлантом, сыном Менхотепа. В прошлом он не раз выручал меня, когда речь заходила о загадках волшебства. Как, говоришь, матушка называла это сияние?

– Любящим власть, – подсказала я. – Холодным и родившимся на другом конце времен.

– Так и напишем… – отец углубился в послание, а я сидела и терпеливо ждала, с отстраненным интересом размышляя, сколько может быть у отца знакомых и как причудливы связи между

людьми. Этот молодой дворянин, Маэль ди Монброн, побывал корсаром и лазутчиком на королевской службе, он в приятельских отношениях с нынешним правителем Аквилонии… Познакомить бы его с Вестри, Маэль наверняка быстро нашел бы с моим братцем общий язык. – Готово.

Отец на всякий случай написал два письма. Скрутил пергаменты в узкие тугие трубочки, обвязал синими шерстяными нитями, запечатал своей личной печатью и аккуратно вложил в закручивающиеся медные цилиндрики с кольцами на крышках. После чего мы отправились во внутренний двор, к конюшням, где в укромном теплом уголке переступали с лапы на лапу, встряхивались и приглушенно клекотали любимцы Вестри, матери и мои – десяток охотничьих соколов.

В отдельной клетке обитали временные крылатые постояльцы, явившиеся сюда с посланиями, и те, которым только предстояло пуститься в долгий путь. Поскольку я обращалась с птицами получше отца, мне пришлось поочередно вытащить из клетки сначала одного очень недовольного перепелятника, затем другого – у каждого на крылышке был полустершийся отпечаток краски в виде одного из символов Пограничья: дубового листочка. Значит, птицы приехали в нашу столицу из скромного полуночного королевства, постепенно набирающего силу и готовящегося вскоре стать достойной и уважаемой соседями державой Заката. Обоим посланцам нацепили на лапки кожаные полоски, к которым накрепко прицепили тубусы с посланиями. Ястребки косились на меня злыми желтыми глазами и норовили цапнуть.

От души размахнувшись, я подбросила птиц в небо. Они взлетели над домом, описали пару кругов, соображая, куда направиться, и развернулись к Полуночи, заодно распугав воронью стаю, с паническими воплями бросившуюся наутек.

– Почему ты не воспользовался голубями? – спросила я, пытаясь высмотреть среди рваных серых облаков две стремительные черные точки. – Сокола ненадежны. Увидят подходящую дичь, погонятся за ней и все позабудут.

– Эти долетят, – убежденно сказал отец. – Их хозяин – настоящий волшебник. Не шарлатан. Птицы найдут его.

Внезапно я ощутила странное желание – отыскать в какой-нибудь книге заклинание, позволившее бы мне сменить человеческий облик на птичий. И унестись на быстрых крыльях из этого охваченного безумием города куда-нибудь подальше. Например, в Пограничье.

12 день Первой весенней луны.

Поздно ночью домой наконец-то явился Вестри. Утром они с отцом разругались, напугав меня до полусмерти. Я никогда не слышала, чтобы отец громко говорил, а сейчас их разъяренные голоса доносились из-за двери кабинета по всему коридору. Под дверями сидел Бриан и уныло поскуливал. Ему не нравилось, что хозяева ссорятся.

Внезапно дверь распахнулась, с грохотом ударившись о стену. На пороге возник мой братец, взъерошенный и бледный от злости. Не замечая никого и ничего вокруг, устремился вниз по лестнице, едва не сбив с ног одну из служанок.

– Что стряслось? – я нерешительно заглянула в кабинет.

– Твой брат изволил высказать свое отношение к происходящему, – холодно отозвался отец. – Почему-то он убежден, что источником всех неприятностей является моя супруга, ваша матушка. Как он выразился, «если бы она поменьше вертела хвостом и больше думала о своих обязанностях перед семьей, ее бы не пришлось держать на цепи в подвале». В чем-то Вестри, безусловно, прав, но болезнь госпожи Ринги – это полбеды.

– Тогда в чем вторая половина? – я положила себе непременно отыскать брата и отругать за несусветную глупость. Не хватало только затевать семейные ссоры, когда мы все в беде!

– Вестри побывал во дворце и утверждает, будто там развернулась настоящая маленькая война. Все против всех. Пожалуй, – отец кривовато усмехнулся, – пожалуй, это даже хорошо, что у меня пока нет настоятельной необходимости бывать в замке короны. Опала безмерно выгодна тем, что снимает с тебя груз придворных забот. Посему я намерен тихо сидеть и ждать, чем все обернется. Уверен, через два-три дня пыль уляжется и станет понятно, кто к чему стремится. Меня только слегка беспокоят не в меру предприимчивые молодые люди – принцы Ольтен и Тараск.

– Почему Тараск, мне понятно, – в нарушение всех правил приличия я уселась на край отцовского стола. – Кофийский искатель удачи тоже желает получить кусок сладкого немедийского пирога и желательно побольше. Но при чем тут младший сын короля? Если Нимед скончается – сдается мне, сие печальное событие не за горами – и новый правитель обойдет Ольтена при раздаче титулов, у того всегда остается возможность отправиться на Восход. В Заморе его примут с распростертыми объятиями. Там он – всеобщий любимец, некоронованный король, супруг прекрасной Кариолы. Удивительно, как ему удалось завоевать столь горячую приязнь людей, не признающих никакой

власти?

– Молодость, напор, чуточку нахальства и везучести, вдобавок бездна прирожденного обаяния, – снисходительно ответил его милость. – Мне бы не хотелось услышать, что принц Ольтен намерен проверить свое везение в играх вокруг трона Дракона – престол Бельверуса стоит очень дорого. Не дешевле трона короля Конана Аквилонского. Если Ольтен обломает свои молодые зубки, это будет превесьма досадно. Нимеду-младшему понадобится достойный помощник и человек, на которого можно положиться. Кстати, ты выполнила мое поручение?

– Частично, – призналась я. – У нас не так много книг по магии, зато они разбросаны по всей библиотеке. В тех, что мне удалось найти, никаких подсказок не обнаружилось. Я как раз собираюсь пойти и продолжить изыскания.

– Желаю удачи, – с этими словами Мораддин вежливо выставил меня в коридор, но вместо вдумчивого сидения в библиотеке я помчалась искать своего непутевого и несдержанного на язык старшего брата.

Вестри заперся в своих комнатах. Напрасно я барабанила по створкам, взывала к его совести, подлизывалась и угрожала – мне не открыли. Когда у братца лопнуло терпение, он раздраженно прокричал изнутри, чтобы я убиралась к своим куклам и оставила его в покое.

Оставалось только вздохнуть и смириться с мыслью, что Милосердная Иштар образумит Вестри и что мужчины – за редким исключением! – вообще не слишком умные и выдержанные создания.

В библиотеку, однако, мне попасть не удалось. Привлеченная неясным шумом снаружи, я выглянула в окно, узрев прелюбопытную сценку – подле главных ворот какие-то всадники оживленно переговаривались с охранявшими наш дом гвардейцами. Похоже, нас намеревалась посетить некая высокопоставленная персона, но, согласно королевскому приказу, ее не впускали. На краткий миг мелькнул проблеск вытаскиваемого из ножен меча – гости, кажется, решили проложить путь силой – однако оружие в ход так пущено и не было. Появился человек, которого я сочла предводителем отряда, подъехал к отступившим назад гвардейцам, отдал неслышимый мне приказ – и охранники с заметной неохотной расступились, пропустив визитера и его маленькую свиту человек в пять или шесть. Всадники рысью проскакали по короткой аллее, а я уже вновь бежала к отцовскому кабинету и торопливо стучала в дверь, приглушенно выкрикивая:

– Папа, к тебе приехали!

Прислуга настежь распахивала двери перед гостями, я отчаянно металась, пытаясь исчезнуть, но не успела – приезжие уже стояли на пороге, ибо, видимо, хорошо знали дорогу к кабинету.

Увидев гостя, отец встал, а я шепотом сказала «ой» и на всякий случай присела в глубочайшем поклоне.

К нам пожаловал наследный принц Немедии, его высочество Нимед-младший и, что чрезвычайно вероятно, будущий король Нимед II. Его сопровождающие остались ждать в коридоре, а меня, что самое досадное, опять никто не заметил. Я скромненько попятилась, сделав пару крохотных шагов и оказавшись в глубокой оконной нише. Тяжелые бархатные портьеры темно-лилового цвета надежно скрыли меня от глаз отца и наследного принца. Присев на мраморный подоконник, я в прямом и переносном смысле обратилась в слух.

– Меня высылают из столицы, – без всяких предисловий сообщил наследник короля. – Они все-таки добились своего! Не знаю, какая именно змея – Хостин, Эрдрик или Тараск – налила яда в уши отцу, но мне приказано сегодня же покинуть Бельверус. А чтобы не чувствовал себя обиженным, на прощание мне сунули в зубы жирную кость!

– Какую? – преспокойно, будто обсуждая нечто совершенно неважное и происходящее за тридевять земель отсюда в каком-нибудь Иранистане, поинтересовался отец.

– Наместничество в Полуночных землях и золотую корону вице-короля, – с неожиданной горечью проговорил принц. – И теперь меня ждет гладкая, но такая долгая дорожка в Эвербах со всеми его торговыми неурядицами, пошлинами, шкурами и холодами. Эйлин в ярости, дражайшие отпрыски в бешенстве. Им на сборы отвели всего седмицу, а потом они должны отправляться вслед за мной. Само собой, никакой радости моя семья не испытывает.

Принцесса Эйлин, супруга Нимеда-младшего, по отзывам Цинтии не отличалась ни кротостью нрава, ни умением смиряться перед обстоятельствами, так что семейная жизнь наследника была весьма далека от совершенства. Трое его детей, старший из которых уже достиг совершеннолетия, тоже никоим образом не подходили под категорию «добродетельных сыновей и дочерей». Мысленно я могла выразить принцу только свое глубочайшее сочувствие. Может, из него и получится в будущем неплохой король, однако сейчас он напоминал крайне задерганного, растерянного и терзаемого досадой человека.

– Возможно, своим поступком Его величество пытается уберечь того, кому вскоре предстоит занять его место на

престоле, – предположил отец и язвительно добавил: – Говоря по правде, это справедливо. Канцлера-то мы не защитили – ни Вертрауэн, ни Королевский Кабинет, никто. Пребывание наследника трона на Соленых Озерах, вдалеке от столицы, лишит злоумышленников возможности нанести новый удар.

– Да? – кресло натужно скрипнуло под тяжестью с размаху опустившегося в него человека. – Ты действительно так полагаешь?

– Так могут подумать при дворе, – хладнокровно уточнил отец. Вернее, сейчас он перестал быть моим отцом, став светлейшим герцогом Мораддином Эрде, главой Пятого Департамента, человеком, умеющим предвидеть действия своих противников на три шага вперед. – На самом же деле…

– На самом деле меня просто снимают со счетов! – голосок у его высочества отличался редкой гулкостью, и, стоило ему заговорить погромче, хрустальные подвески настенных светильников жалобно забренчали. – Если в столице что-то произойдет – а любой нищий побирушка способен догадаться, что в Бельверусе со дня на день что-то случится! – я буду последним, кто об этом узнает! Каждая пройденная лига отделяет меня от города… и от короны. А если произойдет такое несчастье, и спустя полторы седмицы я дотащусь до Эвербаха? Сколь бы быстро не пришло известие, мне понадобится по меньшей мере десять дней для обратного возвращения! Что, мои братцы, люди новоиспеченного канцлера и кофийская свора будут терпеливо ждать, когда я вернусь? Как бы не так! Я приеду и увижу, что остался несолоно хлебавши! Да, закон о престолонаследии на моей стороне, я – старший сын, но в такие смутные времена, как нынешнее, кто будет обращать внимание на законы? Не спорю, у вашей милости есть средства заткнуть особо рьяные и громкие рты, потянуть время, но и ты, Мораддин, как полагаю, не всесилен! Вдобавок ты заперт здесь, в своем доме! Тебя окружили здесь, меня вежливо прогнали вон – что теперь делать?

– Не всесилен и под домашним арестом, – согласился герцог Эрде. Я осторожно выглянула в щель между шторами, углядев очертания сидевшего ко мне спиной принца и неторопливо расхаживавшего взад-вперед отца. – То и другое, в сущности, ничего не значит… Что делать? Я вижу только один ответ – действовать, не давая врагам нанести упреждающий удар.

– Действовать? – желчно переспросил Нимед. – Интересно, как? Прорываться обратно во дворец? У меня с собой сорок человек личной стражи и в довесок – полтора десятка королевских гвардейцев. Стоим им свистнуть, как на поддержку примчится полторы сотни псов, прикормленных Королевским

Кабинетом. Меня просто вышвырнут из города не взирая на титул и положение!

– Значит, придется уехать, – со странным, задумчивым выражением произнес Мораддин. – Уехать с развернутыми штандартами и положенным шумом через Полуночные ворота, как подобает наместнику Края Соленых Озер.

Поскольку я не видела выражения лица принца, могу только догадываться, какая гримаса возникла у него на лице. В кабинете стало тихо, только похрапывал задремавший перед камином Бриан да отсчитывала мгновения стоявшая на столе малахитовая клепсидра, помахивавшая крохотным золотым маятником.

«Говоря об отъезде, отец имеет в виду нечто совсем иное, – внезапно догадалась я и от этой догадки едва не свалилась с подоконника. – Король, придворные, горожане – все без исключения должны быть уверены, что наследник покинул столицу. Только… Только никуда он не поедет! Избавится от навязанной ему охраны и… И исчезнет до нужного срока».

– Холмы за переправой через Амагер, – деловито зашуршал разворачиваемый чертеж. – Полно укромных и подходящих местечек. Оттуда сворачиваете на полуночный восход, через три лиги будет замок Вальдек, принадлежащий Вертрауэну. Там вас встретят. Либо же едете дальше по Полуночному тракту до во-от этой развилки подле хутора Боцен, и спускаетесь вниз по ручью. Остается преодолеть чуть меньше лиги и узрите еще одно наше владение – Даларну, бывший Замок Королевы.

– И сколько мне там отсиживаться? – Нимеду-младшему порой не хватало терпения дослушать собеседника до конца. – Самое большее, что я могу себе позволить – пять-шесть дней. К тому времени наш отряд уже должен будет добраться до Нумалии. Если мы не появимся, возникнут ненужные расспросы. Тамошнего градоправителя наверняка предупредили голубиной почтой, какого гостя ему ожидать, так что в Нумалии срочно мостят разбитые улицы, сметают мусор в канавы и гоняют крыс в пустующем замке короны. Конечно, я мог бы выбрать иной путь, в обход города, но это покажется странным. Зачем петлять по размытым проселочным дорогам, когда есть отличный наезженный тракт?

– В Нумалии не должно вспыхнуть даже искры подозрений, – согласился Мораддин. – То есть через три или четыре дня…

Он не договорил, а принц ничего не переспросил. Эти двое и без слов поняли друг друга.

– Благополучного путешествия, – с плохо скрываемой язвительностью произнес мой отец. – Говорят, в Эвербахе в это время как раз начинается время распродажи шкур снежных

барсов из Граскааля. Ее высочество принцесса Эйлин будет просто счастлива приобрести столь редкостную вещь.

– Не сомневаюсь, – Нимед коротко хмыкнул, встал и пошел к выходу. На пороге он обернулся, негромко спросив: – Мораддин, а ты… ты уверен? Уверен, что иного выхода не остается?

– Выход есть всегда, – отозвался его светлость Эрде. – Скажем, остановиться и предоставить все решению богов. Только кое-кому из моих высоких покровителей придется смириться с тем, что всю жизнь ему придется носить титул «вечного наследника». Хотите? Вы принц, ваше слово – закон, я подданный Немедии, мое дело – подчиняться и выполнять ваши приказания.

– Говорят, ты сам тоже не прочь забраться на местечко повыше, – веско и размеренно проговорил наследник трона.

– Я никогда этого не отрицал. Однако для меня власть – необходимое средство, которое я намерен обратить на пользу государства. Я предпочитаю видеть на троне не дряхлого старика, но разумного человека, полного сил и наделенного здравым смыслом. И я не собираюсь отказываться от того, чтобы перебраться на ступеньку повыше. Что в этом дурного? Кресло канцлера? Я его приму. Из рук Нимеда Второго. Когда настанет время.

– А что думает по этому поводу госпожа герцогиня? – вдруг осведомился Нимед. – Ее давно не видно – ни здесь, ни в замке короны. Шепчутся, будто она больна.

– Редкий случай, когда слухи достоверны, – по голосу я ощутила, как скривился отец. – Госпоже Эрде в самом деле нездоровится. Поэтому, как ни жаль, придется обходиться без ее помощи.

– Передайте почтеннейшей Ринге мои наилучшие пожелания скорейшего выздоровления, – очень серьезно и вроде бы даже искренне попросил будущий король Немедии. Мне пришел в голову расплывчатый слух о том, что близость матушки к королевской фамилии отнюдь не ограничивалась дружескими отношениями с Его величеством и его наследниками.

Хлопнула дверь, по коридору пролетел слитный топот удаляющихся шагов принца и его спутников. Я нерешительно выбралась из своего укрытия.

– Не слишком похоже на летописные предания, описывающие мирную кончину очередного правителя, оплаканного безутешными родственниками и скорбящими подданными? – через плечо спросил отец. – Нимед еще не умер, но для него уже вовсю сколачивают гроб.

– У короля Рагриссa Офирского было шесть сыновей, причем трое – от одной матери, двое – от другой, и еще один – от подруги

молодости, – вспомнила я известное предание. – Когда Рагрисс умер, официально завещав перед тем трон и корону старшему сыночку, его четвертый по счету отпрыск решил, что будет лучшим королем, нежели братец. Он привлек на свою сторону горожан Ианты и гвардию, поднял мятеж, завладел престолом, а затем, дабы раз и навсегда избавиться от возможных претендентов, велел перебить всех сородичей вкупе с семьями и малолетними детишками. Что и было проделано.

Отец, нахмурившись, какое-то время осмысливал мои слова, затем решительно мотнул головой.

– Дана, ты несколько погорячилась. Рагрисс жил больше полутысячи лет назад. Теперь никто не решится на подобное.

– Аквилония, – напомнила я.

– Что – Аквилония? У Нумедидеса не было ни семьи, ни близких родственников, да и сам он не пользовался у подданных большим уважением. Эпимитреи правили Аквилонией почти тысячу лет. Эта династия дала много славных имен, однако под конец изжила самое себя! Результат: страной правит дикарь из Киммерии, ставший для наших соседей лучшим королем и самым умным правителем после величайшего Сигиберта Завоевателя. Сожалею, что в нашей стране не найдется своего Конана. Все познается в сравнении.

– Между прочим, ваша милость настойчиво подталкивает Нимеда-младшего к тому, чтобы побыстрее вскарабкаться на трон, – невинным голоском пропела я. Отец смерил меня недовольным взглядом, буркнув:

– Помнится, я просил тебя заняться библиотекой?

– Конечно, папа, – я поспешно удалилась, чувствуя себя прожженной заговорщицей и страшась этого до дрожи в коленях.

16 день Первой весенней луны.

После визита принца минуло четыре долгих и тягучих, как расплавленная смола, дня. Невзирая на оцепление, отец наверняка получал из города все последние известия и рассылал распоряжения, но я и Вестри были вынуждены довольствоваться тем, что удавалось разузнать ходившим на рынок слугам. Брат пребывал в тихой, подавленной злости – отец настрого запретил ему покидать особняк, пока не станет ясно, каково нынешнее положение семейства Эрде.

Добытые сплетни разнообразием не отличались. Город словно притаился, выжидая – что будет? Наследник благополучно отбыл к Соленым Озерам, прочие участники готовящейся драмы пребывали во дворце короны, надежно скрывающем за своими

стенами любые тайны и переговоры.

Туда, в замок, вечером 15 дня внезапно отправился и мой отец. Я застала его уже у парадного входа и отважилась спросить, чем вызвана такая спешка. Отец посмотрел куда-то поверх моей головы и ограничился кратким: «Вернусь поздно».

На всякий случай я прихватила фонарь и вышла проводить его до ворот. Караульные беспрепятственно расступились, и отец уехал – не в экипаже, а верхом на низкорослой гирканской лошадке с раздражительным характером и привычкой кусать посторонних. С собой он прихватил четырех человек из числа наших бывших охранников, по-прежнему маявшихся от безделья в комнатах первого этажа. Я посмотрела им вслед – подпрыгивающие огоньки факелов удалились вверх по проезду Черного Леопарда.

Не успел отец уехать, как пожаловали гости. Сначала явился Кеаран и, судя по его довольно ухмыляющейся физиономии, он проник в наше тщательно охраняемое владение не то сквозь потайную калитку в саду, не то попросту перемахнув через забор. Майлю позарез требовался его высокий начальник, а тот, как назло, отбыл по каким-то загадочным делам. Майль пометался по приемной, в отчаяние махнул на все рукой и уселся со мной и Вестри – попивать горячее вино со специями и рассуждать о хитросплетениях политики. Братец в обществе Майля несколько оттаял и даже изволил посмеиваться над историями из жизни обитателей Бельверусского замка. Рассказы Майля в основном посвящались тому, как принцесса Эйлин собирается в дорогу. Эта дама решительно вознамерилась прихватить с собой половину обстановки дворца и пошла даже на то, что приказала снять со стен и упаковать гобелены, бывшие некогда приданым королевы Релеи, покойной жены Нимеда Первого. Возник небольшой скандал, но госпожа Эйлин все-таки настояла на своем. Правда, ей удалось заполучить только половину драгоценных кофийских шпалер.

Наша троица весело проболтала до наступления полуночи, потом на башне замка отбили первый послеполуночный колокол, затем второй…

Во дворе отчетливо застучали копыта.

– Трое, – прислушавшись, определил Вестри. – Нет, больше. Пятеро?

– Пошли посмотрим, – сказала я. – Наверное, отец вернулся из дворца.

Я угадала. Когда мы спустились вниз по парадной лестнице, то встретили не только отца, но и Авилека вкупе с охранниками. Отец сразу ушел в кабинет, уведя за собой и встрепенувшегося

Кеарана, а нам с Вестри ничего не оставалось, как разойтись по комнатам.

* * *

Весть о смерти короля в дом принесли помощница старшего повара и ее приятель, младший сокольничий. Эти двое спозаранку отправились на Зеленный рынок, закупаться провизией. Рынок находится на площади Побед Нумы, одной из главных площадей города, и там лет триста как установлено каменное возвышение для королевских герольдов. Повариха и ее дружок пришли как раз вовремя, чтобы от начала до конца прослушать зачитываемое глашатаями сообщение о кончине Нимеда, объявление траура протяженностью в десять седмиц, известие о назначении регентом канцлера Эрдрика Грея и тяжеловесное заявление самого канцлера, полное трескучих и непонятных фраз.

Будучи слугами дома Эрде, парочка сообразила, что покупки вполне обождут, развернулась и вихрем дунула домой, потеряв по дороге корзину. В нарушение всех правил они вбежали в дом через парадный вход и завопили оглушительным дуэтом, оповещая всех, имеющих уши, что Немедия лишилась короля, что регентом поставили Эрдрика и что нигде не прозвучало ни единого словечка о том, что корона достанется законному правопреемнику – Нимеду-младшему.

Сообразительность и быстрота всегда должны вознаграждаться, я так считаю. Потому вестники получили от меня десять талеров на двоих, а от Хейд – легкий нагоняй за крики и неподобающее поведение, после чего были отосланы вместе с прочими слугами обратно в город. За слухами и едой.

Заслышав непонятные возгласы, отец вышел из кабинета, но спускаться вниз и выяснять подробности не стал. Мне же хотелось с кем-нибудь посоветоваться.

– Король умер, да здравствует король, – сказал Вестри, тоже выбежавший на галерею. – Был Нимед Первый, будет Нимед Второй. Дождался, бедолага, своего звездного часа. Только пока гонцы из столицы его нагонят да повернут обратно…

– Не думаю, что это займет много времени, – с таинственным видом прошептала я. – Готова поспорить, к середине дня Нимед-младший объявится в городе.

Брат подозрительно уставился на меня.

– Сколько ставишь? – неожиданно спросил он.

– Пять ауреев, идет?

– По рукам, – кивнул он. – Сдается мне, сестренка, ты пронюхала нечто, чего не знаю я? Не поделишься?

Я подумала и решила немного приоткрыть завесу тайны:

– Нимед никуда не уезжал. Он где-то тут, неподалеку от Бельверуса. Ждет знака.

Вестри недоверчиво хмыкнул, а зря. Я выиграла, ибо к четвертому послеполуденному колоколу к нам, миновав все кордоны и решетки, прилетела очередная новость – наследник, а теперь уже и почти король, совершил торжественный въезд в замок короны.

– Ух, какая там идет заварушка, – с мечтательным видом протянул Вестри, нехотя расставаясь с пятью золотыми монетами. – Если Нимед думает, что скипетр и трон ему поднесут за золотом блюдечке, он чрезвычайно ошибается. Ему придется здорово постараться, чтобы заполучить свое сокровище.

Я согласилась, ибо в кои веки мнение брата полностью совпадало с моим собственным.

В соответствии с распоряжением регента мы вывесили над парадным входом в особняк черные полотнища, сохранившиеся с времен траура по королеве Релее и спешно извлеченные Хейд из кладовых. Вестри предложил дополнить их флагами Немедии, украсив древки черными лентами. Идея выглядела неплохой, в доме отыскалось три знамени, а шелковые ленты пожертвовала я, вытащив их из коробки с рукоделием. Флаги мы решили укрепить на массивных колоннах уличных ворот. Королевские гвардейцы нам не препятствовали, наоборот, помогли и даже подержали лестницу, пока Вестри забирался наверх и устанавливал тяжелые стяги в специальных бронзовых кольцах. Я стояла внизу, прислушиваясь к доносившемуся откуда-то неровному гулу. Он не походил на обычный уличный шум, долетавший со стороны рынка – тот был мирным, привычным. Этот же напоминал рычащий грохот далекого водопада, и иногда прерывался отдельными неразборчивыми выкриками.

– Что это? – спросила я у гвардейского капитана, тоже выглядевшего озадаченным.

– Кто его знает, молодая госпожа. С утра шумят. Вроде как со стороны коронного замка доносится. Я посылал своих разведать – говорят, там народ собрался, а зачем… То требуют, чтобы к ним вышел светлейший регент, то начинают вопить, мол, хотим видеть принца Нимеда. Хотя он вроде как уже не принц, а король? По закону?

Вестри справился с флагом и спустился вниз. Постоял рядом,

слушая непонятный шум.

– Не по душе мне эти вопли, – вполголоса сказал брат. – Пойдем-ка в дом.

– Вестри, – окликнула я, пока мы шли по аллее к темневшему вдали особняку с его остроконечными башенками, причудливыми флюгерами и выступающими по углам срезами карнизов, – вдруг это выльется во что-нибудь… нехорошее?

– К дворцу наверняка нагнали гвардейцев и городских стражников, – стараясь говорить и выглядеть как можно увереннее, ответил Вестри. – Ничего не случится. Покричат и разойдутся. Не каждый день умирают короли, вот горожане и стремятся получить все возможное удовольствие. Чтобы потом было что вспомнить и рассказывать внукам долгими зимними вечерами.

Пока мы возились, успело стемнеть. Я подняла голову, втайне надеясь заметить красное сияние или то непонятное летающее создание, о которых рассказывал Маэль ди Монброн, но, конечно, ничего не увидела – только вечереющее небо, подкрашенное оранжевыми сполохами заката и перечеркнутое острыми шпилями над крышами домов. Даже звезд не заметно.

Тревожное предчувствие упорно не желало исчезать. Похоже, оно преследовало не только меня, но и людей покрепче, ибо, когда мы поднялись наверх, то наткнулись на Авилека и Кеарана, бесцельно отирающихся под дверями отцовского кабинета. Не сговариваясь, мы зашли в приемную, расселись кто куда и стали ждать. Чего – не знаю.

«Это будет длинная ночь, – вдруг подумалось мне. – Очень длинная. И очень может быть, что кто-то из нас не увидит рассвета».

– Дана, – из коридора в приемную комнату заглянул отец. Увидел наше молчаливое собрание, но удивления не выразил. – Дана, зайди ко мне.

Я послушно поднялась и отправилась вслед за отцом. В кабинете потрескивал разожженный камин, над столом покачивались огненные язычки десятка свечей. Отец стоял у окна, смотря на темный сад и мелькающие за оградой уличные огни.

– Боюсь, тебе и твоему брату придется уйти. Немедленно, – тяжело проговорил он. – Собирайся. Возьми охотничий костюм, какое-нибудь оружие и деньги. Ты помнишь, чему я тебя учил?

– Постоялый двор «Путеводная звезда», хозяина зовут Яхмак, слова – «Лес горит», – не задумываясь выпалила я и немедля добавила: – А как же ты и мама?

– Мы как-нибудь не пропадем. Мы научились выживать.

– Если вы остаетесь, то и я никуда не пойду, – я сама не

знала, откуда у меня взялась решимость возразить отцу. – Я не маленький ребенок, чтобы при малейшей опасности бежать и прятаться под стол.

– Дана, дело зашло слишком далеко, – голос отца стал умоляющим. – Я не могу рисковать. Уходи, пока не поздно. Уходи. Прошу тебя.

– Но… – я растерялась. – Но мама…

– Я позабочусь о ней. О ней и Вестри. Он уйдет другой дорогой, потом вы встретитесь. Ты сделаешь, как я сказал? Я приказываю, наконец…

Краем глаза я покосилась в сторону окна. Вдоль ограды сада выстроилась гирлянда из трепещущих на ветру факельных огоньков. Сквозь мелкие толстые стекла доносились громкие выкрики.

– Там что-то происходит, – сказала я, кивая на окно. Отец подошел и встал рядом со мной, но казалось, на самом деле он не здесь. Он уговаривал меня покинуть дом, однако при этом вроде бы не до конца осознавал, с кем говорит и зачем требуется мой уход. Это непонятное поведение отца испугало меня куда больше загадок матери и рассказов ди Монброна о горящем над городом незримом пламени. – Папа? Папа, очнись! Около нашего дома собрались какие-то люди!

– Я не гожусь в вершители судеб, – очень спокойно и почти равнодушно произнес Мораддин. – Зря я это сделал. Твоя мать была бы против. Она говорила, что негоже в бурю хвататься за руль корабля и пытаться его развернуть. Пусть несет ветром. Буря равно или поздно успокоится. А я – я решил слегка подправить ход истории. Ничего из этого не вышло.

– Папа? – я окончательно перестала понимать, о чем он.

– Это красное сияние… – пробормотал отец. – Ты его видишь?

– Нет! Я не вижу никакого сияния! Зато я вижу толпу под окнами! – завизжала я и попятилась к дверям. – Папа, надо что-то делать!

– Поздно, – он повернулся и точным, рассчитанным движением перевернул стоявший на столе шандал со свечами. Громадный канделябр опрокинулся прямо на россыпь пергаментов, немедленно затрещавших и окутавшихся желтоватым пламенем.

Кажется, я завопила в голос и вылетела в коридор, взывая о помощи. Отец не тронулся с места.

Герцог Мораддин остался в своем кабинете. Среди разгорающегося пламени.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ
Из воспоминаний графа Монброна – V
«Призрак катастрофы»

Бельверус, Немедия.
16 день Первой весенней луны.

Готовая депеша лежала передо мной, со двора доносился перестук копыт – гонец Реймена Венса седлал лошадей – по-весеннему прохладные солнечные лучи проникали через открытое окно в кабинет, падая на ровную столешницу и превращая старинное отполированное дерево в подобие черного янтаря… Я же никак не мог собраться с духом и силами, чтобы запечатать письмо. Словно знал, что упустил нечто исключительно важное.

Я взял пергамент, исчирканный криптограммами, и всмотрелся в ровные столбики непонятных значков. То есть это для постороннего человека они непонятны, а для меня, Конана или барона Гленнора сии зашифрованные закорючки являют складный и доступный текст:

«Сообщаю, что минувшей ночью в замке Бельверуса скончался король Нимед Первый. К моему безмерному удивлению, вслед за объявлением о смерти короля герольды на городских площадях возгласили, что до решения вопроса о престолонаследии регентство принимает бывший тайный советник короны, а ныне канцлер Эрдрик. Имя Нимеда-младшего не упоминалось. Подозреваю, что смерть пожилого монарха есть часть всеобъемлющего заговора против династии Эльсдорфов Немедийских. Наследник ныне в городе отсутствует, вероятно, направляясь в сторону Соленых Озер, о чем я подробно докладывал в предыдущем письме. Монброн».

Вот так, просто и без экивоков. Кутерьма, начавшаяся в таком благополучном с виду королевстве, как Немедия, рано или поздно сведет меня с ума. Сначала убили канцлера Тимона, потом отстранили от власти Мораддина и изящно избавились от наследника трона, теперь прихлопнули короля, передав регентство никому не известному Эрдрику Грею, считающемуся человеком-загадкой даже в среде высшего дворянства. Королевский Кабинет и Хостин Клеос вообще замолчали. Не иначе, старый цепной пес тоже настигнут внезапной опалой…

Советник Эрдрик, ныне канцлер, всего пару дней тому

назначенный Нимедом на сей ответственейший пост. Кто же он? Захолустный дворянин лет пятидесяти, выдвинулся не столь давно – года четыре назад благодаря хлопотам родственников Эрдрика перевели в столицу, на службу в канцелярию Тимона. Головокружительная карьера, пост тайного советника… Что именно он советовал Нимеду, осталось для меня тайной, но это явно были не донесения о ценах на воловью кожу или овес.

Нет ничего противозаконного в назначении Эрдрика регентом. И в Немедии, и в Аквилонии в случае смерти монарха и отсутствии при дворе наследника престола власть временно переходит в руки государственного канцлера. Однако в любом случае королевские герольды после оглашения скорбной вести о кончине предыдущего государя обязаны провозгласить здравицу королю новому, ибо уложения о преемственности трона весьма недвусмысленно гласят: по смерти короля корона, трон, регалии и верховная власть немедленно переходят в руки первого наследного сына, а за отсутствием такового – к ближайшему старшему родственнику по мужской линии (брату, племяннику или дяде). Ежели отсутствуют и таковые – титул передается особе, указанной в завещании монарха. Как быть, если завещание не составлено? Верно, собирается Великий Совет Немедии, составляемый из губернаторов провинций, наместников, крупнейших землевладельцев и баронов, после чего оный совет избирает короля по представлению канцлера. С точки зрения государственного спокойствия закон идеален. Не подкопаешься.

Таким образом, если объявления герольдов верны и король скончался минувшей полуночью, то сейчас Немедией правит Его величество, владетель Драконьего Трона, хранитель древних законов, король Немедии, великий протектор Коринфии и Заморы Нимед Второй из дома Эльсдорфов.

Да здравствует король?

Как бы не так!

По неопределенной причине образцовое государственное устройство Немедии дало сбой. Имя Нимеда-младшего на площадях не прозвучало, заявление канцлера, оглашенное с утра, выглядело чересчур унылым и сухим, значит… Значит, во дворце идет яростная борьба за корону. У Нимеда четыре сына, и я почти уверен, что старшенькие сцепятся в нешуточной драке. Нимед по местным меркам далеко не молод – ничего себе, тридцать девять лет! Зингену, второму сыну почившего короля, тридцать два, Халлену – двадцать семь, а младшему, Ольтену – двадцать один. Можно смеяться, но многие дворяне полагают, что нерушимый в течение многих столетий закон о престолонаследии можно бы и проигнорировать. Нимед, бесспорно, опытен в делах

государственных, умен и многократно проявил способности толкового управителя, однако в мнении света он всегда останется «вечным наследником», за которого все решал отец. Зинген и Халлен? Серенькие, ничем не примечательные личности, довольствующиеся охотами, развлечениями и флиртом с прекрасными дамами.

Ольтен. Молодой, энергичный, не в меру предприимчивый по юности лет… Чего стоила его авантюра трехлетней давности, когда Ольтен без разрешения отца рванулся покорять Аквилонию всего с несколькими сотнями гвардейцев, воспользовавшись начавшимися в Тарантии беспорядками. И ведь у него почти получилось, но Конан слишком крепко держал власть даже в столь тяжелые дни![1] После соответствующего внушения со стороны короля-варвара Ольтен вернулся в Немедию, получил изрядную взбучку от коронованного папаши и в наказание был сослан управлять Заморийским протекторатом, где отколол новый трюк. Младший и ненаследный принц умудрился неким волшебным образом наладить хорошие отношения с городскими советами Шадизара и Аренджуна (считай, с тамошними бандитами), наладил поток заморийских налогов в казну Бельверуса, а в финале женился на местной красавице-графине, после чего был спешно отозван в столицу королевства. Иначе, по мнению Нимеда-старшего, дело шло к тому, что Замора из протектората превратится в королевство, а кто станет королем – можно не гадать. Талантливый мальчик, весь в отца. В прежние годы, рассказывают, Нимед тоже немало чудил.

Ольтену симпатизирует высшее дворянство и, что немаловажно, дамы, имеющие влияние на высокопоставленных мужей, гвардия, часть войска и торговое сословие, ибо принц за время своих заморийских приключений проявил нешуточные способности в делах денежных. Одно препятствие: Ольтен – самый младший сын короля. Да вдобавок не то, чтобы совсем законный. Он, разумеется, не бастард, однако трое старших детей Нимеда рождены королевой Рэлеей, а Ольтен произошел от госпожи Десмеры Ривер – любовницы старого государя. Прекрасная Десмера скончалась через два дня после родов, однако за эти два дня Нимед успел провести свадебную церемонию по митрианскому обряду прямиком в спальне дворца, дабы узаконить новорожденного сына. Таким образом, по воле венценосного родителя Ольтен стал полноправным принцем крови, пусть и младшеньким.

Впрочем, я увлекся. Если мои подозрения верны, то сейчас коронный замок Бельверуса более напоминает садок со змеями или скорпионами. Воображаю, какая там свалка – партия Нимеда,

сторонники Зингена и Халлена, кофийцы во главе с Тараском, люди канцлера, конфиденты Мораддина, Королевский Кабинет, который стоит незнамо за кого, старшие родственники покойного короля, мечущиеся между претендентами на трон и сами втайне мечтающие о короне… А посреди этого гадючьего клубка лежит остывшее тело Нимеда – самого спокойного человека во дворце. Признаюсь честно: нынешняя заваруха в Бельверусе наверняка превзойдет историю со свержением Нумедидеса Аквилонского шесть лет назад. У нас смена власти прошла относительно спокойно – тихий дворцовый переворот без шума на улицах и возмущения черни. В конце концов, у Нумедидеса не было детей и законных наследников, завещания он не составил по причине вечной подозрительности, а его место занял не кто-нибудь, а герой нации – знаменитый победитель воинства пиктов на Черной реке Конан Канах, поддерживаемый уважаемыми в народе пуантенскими герцогами…

Вывод: для того, чтобы четко уяснить, какова же политическая обстановка и каков расклад сил, претендующих на Трон Дракона, надо подождать несколько дней. Во-первых, должен вернуться Нимед-младший, который, как я рассчитываю, не успел далеко отъехать от столицы. Во-вторых, из реальных соискателей короны можно выделить только первого наследника и, возможно, Ольтена (готов дать руку на отсечение, что, если отстранение Нимеда действительно спланировано, то кашу заварил именно Ольтен! С него станется. Слишком молод, слишком горяч, слишком умен…). Более никакой достойный носитель короны на политическом горизонте Немедии не просматривается. Остальные просто начнут склоку за тепленькие местечки вокруг трона.

Можно бы сообщить в Аквилонию о моих подозрениях, но барон Гленнор всегда говорил – подозрения оставляй при себе, докладывай только о свершившихся и подтвержденных фактах. Поступим в соответствии с наставлениями главы Латераны.

Я смело сложил пергамент вчетверо, залил швы горячим сургучом и приложил печать с гербом Монбронов. Письмо может отправляться в Аквилонию, там разберутся.

* * *

Как дворянин, обладающий истинной дворянской привилегией, а именно – скукой, я завел себе сугубо благородную

привычку: после завтрака и вплоть до обеда отправляться на конную прогулку. Это в Немедии мода такая. Приучил меня к столь оригинальному времяпровождению Эдмар, граф Крейн, с которым мы успели крепко подружиться. На сегодняшний день прогулка была назначена слегка необычная – кроме меня, Эдмара и его восхитительной пассии Иоланты, была приглашена юная госпожа Целлиг.

О семействе Целлигов надо рассказать особо.

По рекомендации герцога Мораддина я следующим же днем посетил особняк месьора Хэлкарса, являвшегося хранителем королевских архивов. Должность, весьма похожая на ту, что занимает Хальк Юсдаль. Сиди себе, копайся в бумажках, принимай новые, оберегай старые, изучай себе историю прошедших лет и дыши пергаментной пылью. Я подсознательно ожидал встретить в лице хозяина дома этакую канцелярскую крысу с острой бородкой, перемазанными чернилами пальцами, высохшим лицом и характером первостатейного зануды.

Неожиданности начались уже во дворе особняка. Соблюдая достоинство, я чинно въехал через парадные ворота, миновал небольшой яблоневый сад, после чего унылая Бебита доставила меня ко дверям очаровательного двухэтажного строения. Лепнина в виде волчьих голов, статуи забавных уродцев, стены выкрашены умопомрачительной по своей яркости розовой краской, черепица почему-то темно-синяя, а выглядывающие из окон шторы – ядовито-зеленые или пронзительно-голубые. Целая феерия, а не дом.

– Держи, держи его! – я вздрогнул от неожиданного вопля, донесшегося из открытого окна, а кобыла испуганно прянула ушами. Спустя мгновение послышался звон бьющегося фарфора и отчаянный женский крик: «Негодяи, что вы сделали с моей вендийской вазой? Хисс! Вон он, на балдахине! Дайте мне сачок!»

– Мама, осторожнее! – в недрах особняка продолжали орать, а грохот уничтожаемой посуды тем временем усилился. – Осторожнее, укусит!

«Кого они там ловят? – призадумался я. – Кошку?»

– Лиа! Набрось на него тряпку! – это мужской голос.

– Видишь, в каком он настроении? Сам иди и бросай! Цинтия! Не стой столбом, сделай что-нибудь!

Бебита фыркнула и отступила на два шага назад. Я бы на ее месте сделал то же самое, ибо из дверей особняка появился дворецкий, величественный до полной невозможности. Седые бакенбарды, квадратный подбородок, королевский взгляд и… И ливрея. Пурпурная с красными, синими, зелеными и пронзительно-янтарными полосами, по обшлагам и вороту

украшенная самоцветами, золотой вышивкой и еще один Нергал знает чем. Не дать, ни взять – уличный фигляр во время Праздника Йуле.

– Как прикажете доложить его светлости? – надменно вопросил блюститель, не обращая внимания на то, что в одном из окон посыпались стекла, разбитые запущенным чьей-то ретивой, однако не слишком меткой дланью золотым бокалом.

– Э-э… Маэль ди Монброн, – выдавил я, посматривая в сторону окон, из которых изливались разудалые вопли охотников за неизвестной добычей. – Граф Монброн, так сказать. Из Аквилонии. Может быть, я невовремя?

– Нет-нет, сударь. Месьор Хисс… Прошу простить, месьор Хэлкарс с удовольствием вас примет. Или вы к госпоже Цинтии?

– К обоим, – выдавил я. – Поди доложи.

– Непременно доложу. Как только господин барон изволит закончить свои дела.

Сия куртуазная фраза увенчалась чьим-то перепуганным криком: «Он выскочил в коридор! Хватай паршивца!»

Дворецкий не потерял ни единой капли величия, незаметным движением руки подозвал конюха, чтобы тот позаботился о Бебите, и распахнул передо мной дверь.

– У вас всегда так? – осведомился я, на что получил достойный ответ:

– Уже двадцать лет, сударь. Мы привыкли. Не стоит беспокоится. Господин барон Хэлкарс, госпожа баронесса и их благородные отпрыски сейчас поймают домашнего любимца и займутся вами, месьор граф.

Звучало обнадеживающе.

Едва я попытался устроиться в кресле, коими украшалась обширная прихожая, как по мраморной лестнице, ведущей на второй этаж, скатилось нечто маленькое, буро-зеленое, весьма бесформенное и истошно верещащее. У меня всегда была неплохая реакция, да и в критические моменты я соображаю довольно быстро. А, следовательно, я тотчас уяснил, что непонятное создание и есть предмет охотничьих забав семьи Целлиг. Едва существо успело миновать последнюю ступеньку, я уже сорвал плащ, мгновенным движением набросил его на зеленоватый клубок, навалился сверху и был немедленно укушен за палец сквозь толстую шерстяную ткань.

– Сударь, вы его поймали! – громыхнуло с верхней площадки лестницы. – Держите, не отпускайте! Ни в коем случае!

Тут появилась вся благородная фамилия. Папочка Целлиг – не очень высокий худощавый мужчина, выглядящий лет на сорок пять, чисто выбритый, с рыжими волосами, подернутыми сединой

и раскрасневшимся лицом. Красивая, хотя несколько растрепанная дама в домашнем платье, видимо, являлась его супругой. Арьергард составляли отпрыски – уже знакомая мне Цинтия, кою Дана Эрде именовала легкомысленным прозвищем «Цици», и пронзительно-рыжий мальчишка лет двенадцати. Горящие глаза, улыбающиеся до ушей физиономии, тяжелое дыхание… Семейство господина барона явно развлекалось. Лишь один дворецкий возвышался посреди этой безумной круговерти, словно ледяная скала. Пойманная мною тварь извивалась под плащом, пищала, хрипела, рычала и яростно жевала темно-синюю шерсть.

– Господин барон? – осведомился я, пытаясь остановить кровь из прокушенного пальца. – Да, я действительно что-то поймал, но до сих пор не могу понять, что именно…

– Лиа, немедленно принеси бальзам нашему гостю! – скомандовал рыжий Хэлкарс. – И чистого шелка для перевязки! Заодно захвати противоядие из моего кабинета… Лорас!

– Да, папа? – пискнул мальчишка.

– Клетку! Немедленно! Цинтия! Беги на кухню за свежей говядиной! Его надо покормить, иначе взбесится еще больше! Тонвилль! – взгляд барона устремился на дворецкого, пока все остальные разбегались по поручениям. – Накрывай стол в Оранжевой гостиной!

– По малому церемониалу или по большому? – скрупулезно уточнил дворецкий.

– По большому и самому пышному, – приказал Хэлкарс. – Тут герой, одолевший страшное чудовище. Если он немедленно не скончается от ядовитых клыков Малыша, мы хотя бы угостим его как следует.

Ядовитые клыки, противоядие… Мне стало нехорошо. Укушенный палец разболелся в два раза сильнее.

Хэлкарс в это время разворачивал плащ, оживленно комментируя:

– Прошу извинить за столь сумбурный прием, но проклятущий Малыш сбежал из клетки еще утром… Пришлось ловить. Нет-нет, не стоит бояться, слухи о ядовитости укуса горного гоблина изрядно преувеличены. Однако противоядие принять все-таки следует, иначе ранка загноится. А ты, собственно, кто? Новая жертва Цинтии?

Я стоял, совершенно обалдевший. Так нелепо меня принимали впервые в жизни. Барон наконец извлек таинственное чудовище из складок плаща, поднял его за шиворот и сунул мне под нос. Я отшатнулся. И было от чего.

Маленькое, бурое, покрытое чешуей, словно ящерица,

создание имело выпуклые красные глазки, уши, как у летучей мыши, широкую пасть, набитую крохотными, но очень острыми зубами, меж которыми застряли синие нитки моего одеяния, четыре конечности и маленький хвостик. Никогда не встречал ничего подобного. Существо, именуемое хозяином особняка «Малышом», напоминало человечка ростом от силы в три ладони, однако такого страшного, что, если приснится, пробудишься с криком ужаса.

– Очень редкая тварь, – отдышавшись, сообщил Хэлкарс. – Купил за бешеные деньги. Горные гоблины водятся только в горах Эйглофиата и Киммерии. Они, как утверждают ученые мужи, полуразумны, а я доказал, что этот народец можно запросто причислять к сонму разумных рас Хайбории… Малыш даже различает буквы! Я назвал его так в память об одном моем давнем приятеле, который тоже родился где-то на Полуночи…

– Крайне интересно, – сквозь зубы процедил я. – Он точно ядовитый? Как змея?

Из боковой двери выскочила госпожа Лиа, подлетела ко мне и всучила флакончик с маслянистой фиолетовой жидкостью.

– Пейте быстрее! – скомандовала хозяйка, а я от неожиданности сорвал крышечку и заглотил все содержимое. Мало ли… Вкус горчайший, семья сумасшедшая, дергающийся в цепких руках барона Хэлкарса горный гоблин – уродище, каких поискать, а у меня в рукаве лежит рекомендательное письмо от герцога Мораддина. Положеньице.

В общем-то первое впечатление, пускай и оказалось самым сильным, не было истинным. Бесспорно, Целлиги жили весело, но в то же время не переходили границы приличий, установленные светом. Эксцентричность в наши времена лишь поощряется и не дает дворянам скучать. После взаимных представлений, чтения герцогского письма, замечательного обеда «по большому церемониалу» и долгих разговоров ни о чем господин барон потащил меня и Цинтию в свою галерею редкостей, сопровождая осмотр непрерывным монологом:

– Граф, конечно же, друзья Мораддина – мои друзья. Вот, взгляни, кстати – замечательный образчик летучей ящерицы, – Хэлкарс указал на здоровенную, в рост человека, клетку, в которой томилось огромное ящероподобное животное со сложенными на спине крыльями. – Исключительно похоже на дракона, но не дракон. А здесь мы содержим клешненогую арфаксату. Водится в Стигии, в подземельях. В этой клетка – полдесятка четырехжвальчатых липероv, но они не представляют большого интереса для твоего просвещенного взора. Слишком неприглядные и слишком вонючие. Но животные – это далеко не

самая забавная часть моей коллекции!

– Папа, не морочь человеку голову, – хихикнула очаровательная Цици, укрываясь за своим клювообразным носом. Между прочим, сие громоздкое украшение лица девицу отнюдь не портило, а наоборот, придавало ей некую экзотическую привлекательность. – И умоляю, не показывай графу Монброну чучело сфинкса, которого ты якобы лично убил!

Весьма утомительная прогулка по выставке древностей, редкостей, чудовищ и артефактов настроила меня не на самый оптимистичный лад. Хэлкарс показался мне человеком, зараженным искрой сумасшедшинки, как и все ученые мужи. Хотя «ученого» впечатления барон не производил. Скорее, талантливый любитель. Горных гоблинов он, понимаешь, разводит. Ужас.

Поездка в гости к Целлигам закончилась ничем. Единственной пользой, которую я вынес из этого дома безумцев, до крыши набитого жутковатыми тварями и старинными книгами, было приглашение от Цинтии явиться завтра с утра во дворец, чтобы она представила графа Монброна своей патронессе – Аманте, супруге принца Зингена. С тем я откланялся и уехал домой, напряженно размышляя, не посмеялся ли надо мной Мораддин, отправляя в гости к барону Хэлкарсу и его взбалмошному семейству.

Время показало, что я ошибался. Спустя несколько дней Целлиги оказали мне весьма ценные услуги, фактически избавив от верной смерти.

Впрочем, об этом я расскажу позже, дабы не нарушать цельность повествования. Вернемся же к утру 16 дня Первой весенней луны, которую в Немедии еще именуют Луной Возрождения.

Итак, граф Эдмар, Цинтия, Иоланта и граф Монброн уговорились отправиться на прогулку верхом. Местом встречи условили часовню Митры Безупречного у въезда в загородный королевский парк, что раскинулся под самыми стенами Бельверуса.

* * *

– Во дворце сумятица, – тяжело дыша, втолковывал Эдмар Крейн, почем зря толкая бока своего чудесного кофийского жеребца пятками. Конь недовольно пофыркивал, однако

переносил хозяйскую грубость с положенным его племени смирением. – Я сменился с караула утром…

Цинтия и я внимали, безмятежная Иоланта, наоборот, бросала зернышки пшеницы голубям и наблюдала за птичками, совершенно не интересуясь высотами большой политики. Не выспавшийся и злой Эдмар, не опоздавший, однако, на условленную прогулку, пытался выговориться:

– Вечером короля посещал герцог Мораддин, они долго беседовали, – быстро рассказывал Крейн. – Потом герцог уехал домой. Как мне показалось, обнадеженным – с ним не отослали десяток гвардии. Это может означать лишь одно: король снова начал благоволить к Мораддину и опала закончилась.

– Как-то его слишком быстро простили, – заметила Цици. – Или его светлость удосужился найти убийц Тимона? Раскрыл заговор? Не выходя из дома?

– Гвардии о таких серьезных делах не докладывают, – огрызнулся граф Эдмар. Я пытался не пропустить и единого слова. – Говорю о том, что видел. Мораддин отбыл домой без гвардейского эскорта. Потом Нимед принял этого плебея Хостина Клеоса, потом государственного казначея… Ближе к полуночи к государю отправились люди из Королевского Кабинета, готовить его ко сну. Заодно принесли поздний ужин. Нимед после приема посетителей был один, я стоял на страже возле опочивальни… И тут дверь распахивается, какой-то служка со всех ног бежит незнамо куда… Оказалось – за Хостином. Является толстяк, причем едва не бежит, заглядывает в спальню, а там… Там такое!

– Там был мертвый король, – уточнила для меня Цинтия. – И больше ничего. Насколько я слышала от принцессы Аманты, Его величество тихо скончался в собственной постели, не изволив даже закончить ужин.

– Ужин, именно ужин! – вскричал Эдмар. – Сначала все решили, что король отравлен. Прибыл канцлер, все капитаны гвардии, армейские тысячники… Хостин, дабы избавить себя и Королевский Кабинет от подозрений, при всех доел кушанья Нимеда. К большому сожалению многих достойных людей, он остался жив. Пища не была отравленной.

– Однако король пил вино и с Мораддином, и с месьором Хостином, и с казначеем Сагаро, – не преминула заметить Цици. – Не всякий яд действует мгновенно. Хотя при чем здесь яд? Король был стар и болен, все со дня на день ожидали его смерти. Печально, конечно, мы все любили Нимеда, но у каждого человека есть свой срок, отмеренный судьбой и богами. Король умер – да здравствует король? Разве не так?

– Так-то оно так, – мрачно сказал королевский гвардеец. –

Прямиком в спальне, рядом с телом почившего монарха собрался Малый совет – канцлер, казначей, придворный волшебник Аррас, командующий войском, все до единого принцы крови, кроме наследника… Даже Тараска позвали, хоть он и не имеет права наследования, в отличие от сыновей Нимеда. Решили срочно отправить гонцов за Нимедом-младшим, а управление страной временно передать канцлеру Эрдрику. Тараск, кстати, предложил. Ума кофийскому выскочке не занимать. Приедет Нимед-младший, все и решится.

– Когда же он приедет? – осведомилась Цинтия. – Моя госпожа ничего не говорила об этом.

– Твоя госпожа спит и видит, как бы стать королевой, – грубовато ответил граф. – К принцу Нимеду привыкли, однако его не любят. Слишком жесток, слишком надеется на это пугало – Вертрауэн, чересчур поддерживает герцога Мораддина… Страной будет править не Нимед-второй, а его светлость герцог Эрде. И именно герцог будет решать, кого назначить на освободившиеся посты. По закону после восшествия на престол нового монарха прежнее правительство распустят. Эрдрик, Хостин, месьор Сагаро потеряют свои насиженные местечки, на которые Мораддин приведет преданных ему людей.

– Что в этом плохого? – я вмешался в разговор. – Герцог радеет лишь для блага Немедии, так было всегда!

– Ты аквилонец, тебе не понять, – скривился Эдмар. – Вокруг него чересчур много странностей. Дворяне таковых странностей не любят. У него неясное происхождение, титул он получил лишь благодаря женитьбе на госпоже Ринге. Ринга, в свою очередь, тоже весьма таинственная особа. Утверждают, будто она магичка или колдунья, ибо ее помнят со времен дедушки Нимеда Первого. Ни один человек не может прожить столь долгий срок! Больше сотни лет! Ринга же по-прежнему молода, красива, а ее нынешняя болезнь… Что ж, всякий человек, в том числе и маг, подвержен телесным недугам. Очень многие боятся, что в случае коронации Нимеда-младшего семейство Эрде захватит абсолютную власть в стране. Всегда должен существовать противовес. Такими противовесами были Королевский Кабинет, канцлер Тимон, Дворянское Собрание. Едва Мораддин станет канцлером при новом короле, он уничтожит любых соперников, ибо Нимед-младший слишком зависит от слова герцога Эрде.

…Ранняя весна в Немедии прохладна. Это в Тарантии или Танасуле вовсю капает с крыш, извиваются ручейки и пахнет мокрой землей. Но здесь пока лежит снег, ветви деревьев и еловые лапы покрыты инеем, а лошади выдыхают густые клубы пара. Морозец весьма ощутим. Я поправил свою замечательную

соболью шапку, купленную в лавке торговца мехом из Пограничья, и попытался осмыслить слова, сказанные графом Эдмаром. Вот, значит, каково обстоит дело на вершине власти. Герцог Мораддин может рассчитывать только на благоволение наследника, а сам наследник – на могучую тайную службу его светлости. Внешне, для всех, Мораддин сейчас не у дел и даже если вчера Нимед-старший снял с него временную опалу, сегодня положение резко изменилось. Ни новый канцлер, ни иные государственные мужи не хотят усиления роли Вертрауэна и самого герцога, каковые непременно случатся после коронации младшего Нимеда. И будут противодействовать, ибо безразличие и самоуспокоенность приведут лишь к утрате высочайших должностей и связанных с ними безмерных доходов. Похоже, все идет к тому, что вскоре на царствие выкрикнут Ольтена. Да, бесспорно, это нарушение закона и традиций, но у всякого правила есть исключение. Надеюсь, Нимед вернется вовремя.

Ах да, стоит вкратце описать историю с отбытием наследного принца из Бельверуса. История любопытнейшая и загадочная.

Четыре дня назад Нимед был вызван к отцу, если верить малютке Цици, имел весьма напряженный разговор с королем, после чего во дворце внезапно объявили, что его высочеству дарованы высокий титул наместника Полуночных областей и регалии вице-короля, с чем Нимед-младший обязан отправиться в Эвербах, столицу края, расположенную на берегах Соленых Озер и принять наместничество у тамошнего герцога. Выезжать предписано немедленно по получении королевского указа, семейство присоединится к принцу позже.

И не поймешь, опала это или благоволение. Соленые Озера, бесспорно, глушь и захолустье, однако по сравнению например, с Заморой – истинный центр цивилизации. Да и в связи с бурным развитием торговли с Пограничьем, начавшимся в последние годы, городишко Эвербах превратился в достойнейший купеческий центр, через который переправляются товары в лесную полуночную страну короля Эрхарда Оборотня. Добавим сюда венец и плащ вице-короля, огромную территорию, с которой принц теперь будет получать постоянную ренту, но… Но почему такая спешка? У всех создалось впечатление, что наследника попросту вышвырнули из столицы, чтобы не мешался под ногами. А может быть, наоборот? Чтобы охранить его жизнь, ибо слухи о заговоре, первой жертвой которого пал канцлер Тимон, были чересчур правдоподобны. Настоящая коллизия! Ехать до Соленых Озер долго, ничуть не меньше, чем до Аквилонии, путь занимает полторы седмицы и, случись что с королем, наследник будет извещен о его смерти чуть ли не самым последним. Почтовые

голуби, конечно, летят быстро, но даже голубю нужно значительное время для того, чтобы добраться из центра Немедии на полночь. Короче говоря, странность на странности. Я всем нутром чувствовал, что в Немедии затевается нечто весьма подозрительное.

Использовав все связи почтенного менялы Реймена, я выяснил, что Нимед-младший перед тем, как спешно покинуть столицу, заезжал в дом герцога Мораддина (королевский запрет на посещение дома опального вельможи не произвел на принца никакого впечатления) и лишь затем выехал из Бельверуса через Полуночные ворота. Сопровождали Нимеда четыре десятка «дворян его высочества» – молодых и ненаследных отпрысков благородных семей, искренне преданных своему повелителю – а также (дурной знак!) пятнадцать человек из «Золотой Сотни», каковые, наоборот, подчинялись правящему монарху и, разумеется, злосчастному Королевскому Кабинету.

Все события последних дней ставили меня в тупик. Никаких полезных сведений я не раздобыл, депеши в Тарантию могли похвалиться лишь общим описанием событий без выводов и обобщений, а если учесть, что я даже не сумел выполнить поручение Мораддина и разыскать Райана Танасульского, месьор ди Монброн ощущал себя безнадежно блаженным в худшем понимании данных слов. На месте барона Гленнора я бы давно выставил указанного Монброна из Латераны с громким скандалом.

– Едемте в город, – Цици зябко запахнула меховой плащ. – Маэль, Эдмар! Становится холодно. И ветер… С полуночи.

Мы развернули лошадей и направились к городским воротам. Цици оказалась безупречно права, ибо ветер действительно дул с полуночи. На широком тракте, ведущем со стороны Соленых Озер, мы различили большую группу всадников с развернутыми штандартами. Скакали они в сторону Бельверуса спорой иноходью. Эдмар привстал на стременах, всмотрелся и растерянно произнес:

– Не может быть… Я вижу королевское знамя!

– Наследник? – быстро спросил я.

– Он уже не наследник, – выдавил граф. – Он король. Одного не могу понять – каким образом Нимед умудрился так скоро пронюхать о смерти отца и так быстро вернуться? Ведь принц уехал целых четыре дня назад, а король скончался лишь прошлой ночью! Невероятно!

– Чего ж тут невероятного? – хмыкнула Цици. – Принц, я думаю, к Соленым Озерам отнюдь не спешил, а если другом его высоче… кхм!.. если другом Его величества является сам герцог

Эрде!..

– Мне это не нравится, – с непонятной интонацией проворчал молодой граф, рассматривая кортеж под полосатым черно-бело-красным знаменем. – Слишком натянуто. И смерть короля Нимеда произошла так внезапно и так вовремя…

Милочка Иоланта наконец изволила обратить внимание на наши хмурые лица, раскрыла пухлые губки и осведомилась:

– А что, собственно, произошло?

– Король умер, да здравствует король, – провозгласил я, да только слова эти прозвучали совсем не торжественно и очень невесело.

* * *

История моего дальнейшего странствия по Бельверусу в этот безумный день была весьма обычной и ничем не отличалась от прежних хождений по городу. Понаблюдав вместе с Эдмаром и благородными девицами за въездом нового короля в свою столицу (кортеж, не сбавляя резвого аллюра, прогрохотал под сводами арки барбикена и исчез в направлении дворца), я и Цици распрощались с графом и его пассией, я проводил госпожу Целлиг домой, куртуазно отказался от настойчивых просьб зайти на обед, сославшись на неотложные дела, и отправился в аквилонское посольство, где мне должны были выправить дворянскую грамоту по всей форме вместо «почти настоящего» документа, временно выданного месьором Венсом. Посол, граф Клай, принял меня крайне ненадолго, отдал украшенный печатями пергамент и почему-то настойчиво посоветовал отправляться домой и носа не высовывать. Мол, грядут события. Видимо, он был осведомлен гораздо больше.

Я, конечно, не послушался. Во-первых, только что отзвучал четвертый полуденный колокол, и я в соответствии с заведенной традицией отправился перекусить в «Синего амфитерна». Ко мне в салоне уже привыкли, знали, какие блюда и какие вина предпочитает аквилонский граф, а потому я мгновенно получил запеченного в тесте фазана со сливами и яблоками, кувшин розового либнумского и булочки с медом. Во-вторых, меня тотчас известили, что благородный месьор, разводящий кофийских бойцовых псов, ни вчера, ни сегодня не появлялся. Или зловредный Райан смертельно на меня обиделся, или был чересчур занят.

Хозяин, которому я щедро платил за сбор городских сплетен, сообщил, что в городе всю минувшую ночь и утро происходили загадочные события. Мало того, что умер король и канцлер объявил траур на десять седмиц (указом предписывалось украсить дома черными полотнищами, а всем дворянам носить на рукаве черную ленту), так под утро неведомые злоумышленники проникли в арсенал и вывезли довольно много оружия – мечи, кинжалы… Народ начал собираться неподалеку от дворца, сам замок короны оцеплен тройными кордонами стражи и гвардии. Рассказывают, будто канцлер зачем-то вызвал из загородных лагерей несколько дополнительных отрядов конных кирасир. Гвардейские сотни встали под стенами полуденной части города, но в Бельверус пока не входят. Похоже, грядут беспорядки – жители столицы частенько являли последний голос в споре о престолонаследии, это подтверждает множество исторических примеров… Еще объявлено, будто похороны старого короля состоятся в последний день следующей седмицы, а сейчас тело бальзамируют. Упокоится же прежний государь там, где и положено – в монаршей усыпальнице замка Эльсдорф, что в двадцати лигах к восходу от столицы.

Напоследок месьор Хорн (так звали владельца салона) посоветовал мне, как чужестранцу, отправляться домой и по меньшей мере до завтрашнего утра не выходить на улицу. Поскольку сговор содержателя таверны и аквилонского посла исключался по понятным соображениям, я понял: впереди интересная ночь.

После «Амфитерна», где я оставил очередную, уже почти паническую записку Райану, я поехал в сторону замка короны. Интересно же посмотреть, что там происходит!

Стража косилась на меня ревностно, но без недоброжелательности – что возьмешь с иностранца! – простецы вообще не замечали, а если и замечали, то мигом усматривали дворянский герб и вышитых на плаще аквилонских львов.

– Куда, ваша милость? – прокричал мне вслед неопрятный краснорожий мясной торговец. – Не езжали бы, зашибут! Тут вам не Аквилония, мы варвара себе в короли не возьмем!

– А кого возьмете? – ответил я, обернувшись.

– Да хоть бы и Тараска! – ухмыльнулся мясник. – Все ж не демоново семя! Разорители страны!

Я только крякнул и поддал лошади шпор. Боги-вседержители, да при чем тут принц Тараск? Это при живых-то наследниках Нимеда в количестве четырех голов! И внуков не забудем… И любимого дядюшку с двоюродными братьями! Простецы совсем ополоумели! Тараска им в короли, ничего себе!

Это было только первым тревожным звоночком, на который я не обратил особого внимания. И совершенно зря.

Огромная Замковая площадь, с трех сторон окруженная каменными зданиями управ и конным манежем, а с четвертой венчаемая хмурой коробкой замка-дворца, гудела, подобно растревоженному улью. Я решил, что здесь уже присутствует не менее семи-восьми тысяч горожан, представителей дворянского сословия, военных, не несущих службы, пронзительно свистящих мальчишек и всяческого подозрительного сброда. Я намеренно отбросил плащ слева, чтобы были заметны рукояти меча и кинжала – отвратительную кофийскую саблю я теперь не носил, на днях купив у оружейника легкий стальной клинок. Толпа шумела, ворчала, тяжело ворочалась, бросала на выстроившихся перед дворцом гвардейцев недоуменно-злобные взгляды и скупо выражала недовольство. Я отметил отсутствие над главной башней королевского вымпела – только черно-белое знамя траура.

– А что, милейший, наследник-то прибыл? – я окликнул какого-то изумительного хмыря, разодетого в драные вонючие лохмотья. Барон Гленнор всегда говорил, что самые последние новости можно узнать именно у нищих, ибо таковая гильдия осведомлена о событиях лучше всех офицеров тайных служб вместе взятых.

– Как же-с, прибыл, ваша аквилонская милость, – побирушка стрельнул глазами на геральдических львов, оценил покрой моего платья и остановил взгляд на поясном кошельке. Моя рука сама потянулась за серебряным талером. Получив монетку, нищий заговорил охотнее: – Всего полтора колокола назад приехал. И что удивительнее всего, вел за собой лишь собственных дворян, незнамо куда подевав господ гвардейцев Золотой Сотни.

– Отстали, наверное, – я пожал плечами.

– Да уж, отстали, – фыркнул нищеброд. – Верные люди рассказывают, будто Нимедово отродье папенькиных соглядатаев… Того… Да и не ездил он ни к каким Соленым Озерам. В замке за городом отсиживался, пока верные клевреты старика-папашу… Того…

– Чего – «того»? – нахмурился я.

– Семейство у них змеиное, – громко и ничуть не страшась заявил обтрепанный. В другие времена за эдакие словечки не миновать бы ему малоприятной беседы с суровыми мальчиками из Вертрауэна или Королевского Кабинета. – Поручил Коротышке отравить отца, а сам только и дожидается, как корону нацепить.

Я выудил вторую монету. Ох, надо было и прежде слушать

поучения светлейшего барона Гленнора да больше разговаривать с нищими. Льют много пустых слов, но кое-какое рациональное зерно из них выудить можно.

– Коротышка – это кто?

– Ихняя поганая светлость, паук, змий и кровопивец! Герцог Эрде, кто ж еще? Наводнил город соглядатаями, порядочному человеку шагу ступить не дает! За что, спрашивается, Золли Безухого полторы луны назад казнили? Ну, нарисовал человек пятиглавую гадюку на стене, что ж такого?

Мне мгновенно вспомнилась плохо закрашенная картинка на камнях одного из домов Бельверуса. Может быть, та самая, о которой помянул нищий.

– Да, действительно, а что такого? – играя удивление, вопросил я, швыряя бродяге очередной талер. На меня обрушился целый водопад обвинений в адрес королевской власти, но, когда стал ясен смысл всего сказанного, я неприятно поежился. Было от чего.

– Золли-то, дурачок! Какой из него вор? Вот и я говорю, что никакой, ваша милость! Так, по мелочи промышлял. То куренка с лотка стащит, то кошелечек срежет, и ведь непременно попадется. Четыре года назад от стражи усекновение уха получил, чтоб неповадно воровать было. А тут нашел себе легкий приработок. Бери котелок с краской да малюй по ночам крамольные изображения! За каждое – по талеру, а коли нарисовано в благородных кварталах – то полтора. Я бы сам тоже пошел, да стар стал. Хорошо платили, ваша милость, ничего не скажу.

– Кто платил? – деревянно осведомился я.

– А кто его знает! Приходили люди, платили серебром, говорили, чего малевать… Не из благородных, это точно, но и не из нищенской гильдии. Видать у них свои, особенные планы были. Так вот, я про Золли. Бедолага всегда на ногу не особо скор был, так еще и кривой. Изобразил пятиглавую гадину, слова нужные написал и тут же в лапы проклятущего департамента попался. Полную седмицу в Вертрауэне мурыжили, на дыбу подвешивали, изломали всего, а Золли знай себе твердит – не знаю я, кто картинку приказывал рисовать. Мне серебром заплатили, я и работаю. В общем, вздернули Золли под Башней Висельников на перекладине, всего-то и делов. И ведь ни за что! Я так, ваша милость, рассуждаю – ежели ихние величества да ихние светлости за корону драку устраивают, то и о народе не худо бы подумать. Вон как принц Тараск, например. Тысячу золотых ауреев на нищепитательные заведения потратил. Да сколько серебра раздал! Щедрый человек, к простым надобностям близкий. Не то что эти кабаны – все бы чваниться да грести под

себя! Чтоб простому человеку похуже жилось!

«Оригинально. Значит, Тараск Эльсдорф, кутила, бабник и любитель помахать мечом, занимается благотворительностью, – изумился я. – Дела-а… Нищепитательные заведения он, понимаешь, содержит. К народу близок. Вернее, к его избранным представителям в виде этой кошмарной девицы Зенобии, которая тоже вроде бы как не из герцогских фамилий…»

– Ясно, – в сторону нищего улетела еще одна монета, а я, решив, что более ничего особенно интересного на площади не увижу, решил последовать рекомендациям всех сегодняшних доброжелателей и поехал на улицу Гвоздик.

Несмотря на то, что солнце еще не зашло, а сумерки только-только начинались, лавка Реймена Венса была закрыта. И контора ростовщика напротив – тоже. И лавка пекаря в следующем доме. Ставни заперты, за воротами брехают сторожевые псы… Странно.

Я побарабанил кулаком в тяжелые деревянные створки, открылся глазок, в котором мелькнуло карее око нашего конюха и, наконец, меня впустили во двор.

– Идите, сударь, к хозяину, – хмуро сказал конюх. – Приказывали немедля, как появитесь, отослать к ихней милости.

Уставшая Бебита отправилась в конюшню, а я зашел с черного хода в меняльную лавку. Реймен был не один – хозяин и его гость восседали в креслах напротив камина, покуривали кальян с ароматным туранским зельем и тихо беседовали.

– Ага, явился! – этот возглас не принадлежал месьору Реймену. Я застыл на пороге, не зная, как себя вести.

– Райан? Что ты здесь делаешь?

– Сижу, курю бамбук, не видно, что ли? – сварливо ответствовал дражайший предок. – Целых три колокола тебя, олуха, дожидаюсь. Записки посылал?

– А… Да! – признался я и посмотрел на Реймена. Старая аквилонская ищейка лишь развела руками.

– Этот месьор… Месьор Райан из Танасула весьма настойчиво желал тебя видеть, – хозяин кивком указал на родственничка. – Заявляет, будто он – твой дядя.

– В какой-то степени, – буркнул я и уставился на разодетого в бархат колдуна. – А где собака?

– Оглянись, – посоветовал предок не без издевки.

Оглянулся. На меня смотрели два темно-коричневых выпученных глаза огромной рыжей скотины, развалившейся у дальней стены. Псина тяжело дышала, вывалив розовый язык длиной едва не в две ладони.

– Щеночка не купишь? – с откровенным глумлением вопросил Райан. – Удивительное животное, в особенности по линии

кривоногости, обжорства и тупоумия. Когда вы будете прогуливаться, никто не отличит собаку от владельца.

Это я то кривоногий тупоумный обжора? Впрочем, сейчас не время обижаться. Предок еще получит свое. Со временем.

– Собирайся, – быстро приказал я. – Есть дело. Неотложное. Месьор Венс, я, наверное, вернусь после заката… Нет-нет, не надо мне говорить, что эту ночь лучше провести дома, не выглядывая даже во двор. Райан, шевели задницей, поехали!

Мы выбежали во двор, вслед трусила огромная зверюга кофийской бойцовой породы. Реймен Венс остался недоумевать и гадать, что у меня за дела с содержателем псарни, который вдобавок является моим дядей.

Лошадь Райана была оседлана, мне вместо Бебиты предоставили британийского жеребца в солидном возрасте – конь с годами перестал быть чересчур разборчивым и охотно возил на спине любого желающего. Лишь когда копыта наших скакунов ударили по мостовой улицы Гвоздик, Райан бесстрастно осведомился:

– Куда ты, собственно, меня тащишь?

– Увидишь. С тобой хочет поговорить невероятно важная персона.

– Неужто принц Тараск? – фыркнул колдун, а у меня упало сердце: почему сегодня имя Тараска у всех на устах?

* * *

Постоялый двор «Путеводная звезда» содержался на туранский лад, хотя и не являл собой ничего необычного. Ремесленный квартальчик, тихая улочка, фонари с зелеными стеклами, в гостевой зале нет мебели, только ковры, где посетители могут отведать горячих напитков и покушать с блюда рис с бараниной. Девица, облаченная в прозрачный шелк, наигрывает что-то унылое на зуагирском дутаре…

– Хозяина позови, – бросил я служке, встретившему нас у дверей. – Скажи, что прибыл граф Монброн.

Хозяин – естественно, туранец – явился немедля. Угрюмый разбойного вида толстяк в засаленном халате и с небритым подбородком. Шрам, рассекающий лоб наискось.

– Звали? – коротко спросил он, мимолетно оглядывая меня и неожиданно молчаливого Райана.

Я отрекомендовался в полном соответствии с указаниями

герцога Мораддина:

– Граф Монброн Танасульский. Хочу переговорить с твоим постояльцем, приехавшим из Карташены.

В глазах туранского разбойника на краткий миг вспыхнула искорка. Не меняя мрачного выражения лица, хозяин ответил:

– Садись, жди. Мехмет! Принеси гостям зеленого чая! Кушать будете?

– Во-первых, не чая, а вина, – проскрипел из-за моего плеча Райан. – Во-вторых, мне принесите телятину и красные перцы. В-третьих, у тебя нет комнаты со столами? Ненавижу валяться на коврах и зачерпывать рис пальцами.

– Иди за Мехметом, все будет, – столь же лаконично ответствовал доверенный человек герцога Эрде, развернулся и молча ушел.

Нас проводили в удобную комнатку, где имелся низкий столик красного дерева, возвышались четыре табурета, а стены и пол были украшены непременными пестрыми коврами. Собака устроилась возле дверей.

– Жду объяснений, – сказал Райан, не глядя на меня. Он наливал себе вино и, казалось, был поглощен только этим захватывающим делом. – Почему мы здесь? Что это за дом? Кто та важная персона? Да, и при чем тут Карташена? Неужели нас преследуют призраки прошлого?

– Скоре, монстры будущего, – попытался сострить я. – Багровое сияние.

– А-а, понравилось зрелище? – криво ухмыльнулся предок. – Чересчур ядовитое зелье нынче варится в котле Бельверуса. Видел когда-нибудь плавучие льдины?

– Конечно, – обиделся я. – Мы с Сигурдом плавали к берегам Нордхейма, там этого добра полным-полно. Ты к чему?

– У такой льдины видна лишь верхушка, маленькая и, как кажется, недостойная внимания. Зато черные воды скрывают истинный размер и истинную сущность ледяной горы. Все, что ты видел сегодня в городе – это даже не верхушка. Это ее малая часть. Ты не ответил на вопрос – кого мы ждем?

– Мораддина, герцога Эрде, – не виляя, признался я. – Он потребовал, чтобы ты немедленно с ним переговорил.

– Потребовал! – презрительно сморщил нос колдун. – Ему сейчас требуюсь не я, а пара сотен верных мечей.

– Ты о чем?

– О наступающей ночи. Это будет самая темная и самая длинная ночь… Зря мы тут сидим. Никто не придет.

– Не понял?

Райан не ответил. Отпил вина и целиком погрузился в свою

телятину. Чавкал. Вытирал ладонью соус с подбородка. И плевать он хотел на мои яростные взгляды и бесполезные попытки продолжить разговор. В сторону собаки то и дело летели плохо обглоданные косточки. Уродливая тварь ловила подношения розовой пастью, обрамленной черными висящими губищами, и, чавкая в точности как хозяин, заглатывала.

Полколокола, колокол, полтора. За окнами, стянутыми мутным бычьим пузырем, стемнело. Никто не приходил, как и предсказал Райан.

…Легкая деревянная дверца едва не слетела с петель. В подсвеченном оранжевым огнем ламп проеме нарисовалась широкоплечая фигура хозяина.

– Уходите немедля, – сказал он. – Постоялец из Карташены просил передать, что придти не может.

И уже более беспокойным тоном:

– Если ты на самом деле граф Монброн… – я выудил свою грамоту, попытался развернуть, но хозяин лишь отмахнулся: – Господин из Карташены сказал, чтобы я дал тебе лошадь и вывел из города. Что еще нужно? Золото, охрана? Куда поедешь? На Закат, на Полночь, на Восход? Мне приказано сделать для тебя все, о чем попросишь.

– Маэль, а ты, оказывается, важная персона, – фыркнул Райан и брызги от соуса разлетелись, пятная мой колет.

– Да что случилось? – я вскочил. – Я не собираюсь никуда уезжать! Почему герц… Мой друг из Карташены не пришел?

– В городе бунт, – выдохнул туранец. – Бунт против нового короля. Чем дело закончится к утру – никто не знает. На улицах очень опасно. Пришло донесение, будто часть гвардии изменила Нимеду. Во дворце идет бой.

Я, абсолютно растерявшись, плюхнулся на табурет. И только сейчас различил, как под окнами таверны «Путеводная звезда» раздаются удалые крики, смешивающиеся в единый восторженный рев вышедшей из повиновения толпы.

– Впереди длинная ночь, – с неожиданной серьезностью повторил Райан. – Хочешь приключений – поезжай в город. Хочешь остаться в живых – отведай ужина. Я отсюда никуда не уйду за все сокровища мира.

– Ты как был трусом в прошлом, так и остался им сегодня!.. – прошипел я. – Никакой пользы, одни разочарования от твоего мерзкого племени магиков!

И уже к хозяину:

– Моя лошадь оседлана?

Я решился. Сейчас, не взирая на бунт, шторм, ураган, наводнение, пожар или конец света, я отправлюсь в дом герцога

Эрде. Может быть, окажусь хоть чем-то полезным.

– Увидишь багровый огонь – беги со всех ног, – ударило в спину предостережение Райана. – Останешься жив – ищи меня в «Амфитерне».

Ураган, наводнение, пожар… Пожары были, это я заметил, едва выехав в город. Послушный конек раздвигал грудью людей, целыми толпами шествовавших к центру города. А над самим Бельверусом постепенно поднимались блекло-желтые зарева горящих строений.

Поворот направо, два квартала по улице Черного Леопарда. Уйма народу, все вопят, кричат, беснуются, ржут лошади…

За знакомой оградой в глубине сада пылает огромным костром поместье человека, который всего несколько дней назад являлся непризнанным управителем королевства Немедия.

Дом герцога Мораддина превратился в гигантский факел.

Я почувствовал, что начинаю терять сознание…

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ЧАСТИ ПЕРВОЙ
Заметки волшебника
«Захудалое королевство»

Вольфгард, Пограничье.
19 день Первой весенней луны.

Частенько я гадаю, какой демон меня попутал девять лет назад и под влиянием какого душевного порыва я согласился навсегда остаться в этой распроклятой дыре, пышно именуемой «Союзным королевством Пограничья, Граскааля и Эйглофиата, а такожде Закатных вольных баронств». Кстати, эту белиберду в виде нового наименования страны придумал сам Эрхард года три назад – ему, видите ли, показалось, что называться просто «Пограничным королевством» скучно и государство нуждается в пышном титуле. Чтоб соседи уважали. Предпочитаю умолчать о том, скольких хлопот и трудов стоило обучение королевских скрипторов правильному написанию нового имени нашей маленькой, но гордой страны, как именует Пограничье Веллан.

Не спорю, за десять лет царствования Его величества Эрхарда I Оборотня многое изменилось к лучшему. Мы стали чеканить собственные золотые и серебряные монеты, Пограничье обзавелось знаменем, создали аж целых шесть государственных управ (военная, порубежная, торговая, казначейская, судебная и горнорудная) и даже купили новый трон – прежний совсем прохудился и разваливался на глазах. Теперь Эрхард попирает седалищем доставленное из Офира кресло на выгнутых ножках, а мне почему-то всякий раз кажется, что это изящное произведение мебельных мастеров Ианты более подошло бы фривольной обстановке дорогого борделя, а не тронному залу королевства, настойчиво добивающемуся помянутого уважения со стороны соседей.

Замечу, что и тронного зала-то у нас сейчас нету, и многострадальное кресло вместе с другими непритязательными мебелями покоится в обширном сарае на задворках трактира «Корона и посох», ибо таковой трактир временно возведен в сан королевской резиденции. Всего в Вольфгарде было два трактира – знаменитая таверна «Корона и посох» да «Снежная ящерица», но после того, как Эрхард напросился в долговременные гости месьору Далуму, содержателю «Короны», выручка во втором трактире изрядно возросла, а на окраине города открылись еще

три подобных заведения.

Сами понимаете, устраивать тронный зал в трактире, на определенное время захваченным двором короля, смысла не имеет. Посему Эрхард принимает гостей прямиком в главной зале, изрезанные трактирные столы теперь занимают немногочисленные скрипторы и так называемые «чиновники» двора (а на самом деле – пьяницы и бездельники), военная управа его светлости канцлера Эртеля переместилась на второй этаж дома, а в конюшне квартирует Веллан со своей порубежной и дорожной стражей. Живем тесно, по-семейному, поэтому всем становится известно, кто перепутал свои сапоги с королевскими и кто у кого увел очередную подружку.

Нечему удивляться: в Пограничье и не такое видывали.

Малочисленная свита нашего бесценного монарха переселилась в «Корону и посох» три с половиной луны назад по одной незамысловатой причине – королевского замка в Вольфгарде более не существует. Пока, по крайней мере. Скромную каменную коробку, украшавшую нашу столицу на протяжении последних двухсот лет, с шуточками и прибауточками снесли до основания за непригодностью для жилья, ветхостью, а так же вид, оскорбляющий взоры. Потом разобрали фундамент (обнаружив при этом два позабытых клада – один с медными деньгами столетней давности чеканки, второй с неограненными самоцветами).

И началось великое строительство. Если уж мы во всем подражаем Аквилонии – даже монету назвали «кесарием»! – то и замок отгрохаем не хуже Тарантийского. Единственно, поменьше размерами.

Торжественная закладка первого камня состоялась на праздник Йуле при изрядном стечении народу и представителей всех трех рас, населяющих Пограничье – оборотней, людей и гномов «Двух подгорных королевств». Между прочим, строительством занялись именно гномы, и это радует – по крайней мере в замке не будет сквозняков, он не рухнет при землетрясении и будет служить потомкам Эрхарда вплоть до сотого колена. Уж чего-чего, а работать гномы умеют и работают на славу.

Прямо сейчас наш король бегает по вершине Вольфгардского холма с планом постройки в руках, шпыняет подмастерьев, набранных из людей и своих сородичей, и ожесточенно спорит с Фрамом, сыном Дарта – гномом, руководящим возведением новой резиденции короля. Эрхард хочет видеть в сооружении величественность и неприступность, хозяйственные же гномы полагают, что важнее всего удобства. Видел я и чертеж – пять

башен, двойная стена, донжон, ров, подъемные мосты и всяческие другие ухищрения гномьей механики, призванные служить обороне крепости (хотя на протяжении последних столетий у всех соседей хватало ума никогда не воевать с Пограничьем. Кому нужна эта груда хлама?). Засим – множество пристроек, конюшен, кузниц, казарм, зернохранилищ. Целый маленький городок. Я даже углядел на рисунке отдельную башенку, содержащую в себе четыре просторных комнаты и пометку «Апартаменты королевского мага». Это специально для меня, ибо по некоторым печальным обстоятельствам королевским магом Пограничья являюсь именно я, Тотлант, сын Менхотепа из Луксура.

* * *

Наше королевство очаровывает не бесконечными лесами, чистыми, словно наполненными слезами, озерами, не хрустальными горными речками и вовсе не суровой красотой Полуночи, а провинциальной непринужденностью его обитателей.

Где-нибудь в Туране, например, для того, чтобы попасть в обиталище волшебника, служащего государю Ездигеру, следует пройти через десяток караулов, доложить о себе со всеми церемониями и лишь затем (под истошные крики дворцового управителя: «Благородный гость мудрейшего!») войти, поклониться, проникнуться величием разодетого в золото волшебника, ужаснуться подвешенным под потолком чучелам чудовищ, рассмотреть колбы и склянки, побеседовать о вечном и лишь затем приступать к делу. В Пограничье же царят простота и незамысловатая легкость нравов.

Начать с того, что у меня нет своей магической лаборатории (полагаю, временно), ныне мне приходится ютиться в каморке бокового, прилегающего к конюшне, флигеля «Короны и посоха», рядом с удалыми молодцами Веллана. Комнатка битком забита книгами, укрытыми кожей, ибо потолок протекает.

Встретиться со мной, короче говоря, можно запросто. Не дожидаясь в приемной.

– Велл, – ледяным тоном сказал я, – выйди, постучись, а когда я разрешу, входи.

– Некогда! – отмахнулся белобрысый оборотень, открывший дверь в каморку, как обычно, пинком. – Вот достроим замок, тогда и церемонии будем разводить.

Я подумал, что даже в этом случае никаких «церемоний» в Пограничье не будет, а сохранится старый порядок, но промолчал. Выглядел Веллан озабочено.

– Закрой ты эту дурацкую книжку! – господин гвардейский капитан совершенно бесцеремонно подошел к моему столу и захлопнул том описаний валузийских артефактов, который я от скуки листал. – Пойди к почтовому птичнику, там тебя дожидаются.

– Зачем? – я зевнул и уставился на хмурого оборотня.

– А затем, что прилетела птица из Немедии…

– И что, данная птица хочет меня видеть? Настаивает?

– Тебе бы одни шуточки! Проклятущий ястреб, едва появившись, задрал двух лучших почтовых голубей, которых Эрхард хотел отправить в Аквилонию по торговым надобностям! Старик, понятно, разозлился, и сказал, что вычтет их стоимость у тебя из жалования.

– …Которое последний раз платили прошлым летом, – сварливо отозвался я. – Все деньги из казны уходят на никому не нужное строительство дурацкого замка! С кем собираетесь воевать? Построили бы нормальный дом, а не возводили тут полное подобие кхарийского Пифона! Не думаю, что ваш замок в течение ближайшей тысячи лет подвергнется хотя бы одному штурму!

– А если завтра война? – фыркнул Веллан. – С Иранистаном, например? Или с Дарфаром?

– В болотах отсидимся, – я наконец-то улыбнулся первый раз за полный день. – И никакие замки не нужны. Только лишняя трата денег из казны. Ладно, пойдем, показывай своего ястреба.

Наш птичий двор вполне удачно совмещал обширный курятник, выстроенный сбоку от «Короны и посоха», а с ним и наспех сооруженную голубятню, предназначенную для обитания благородных птиц, связывающих меж собой Вольфгард и столицы соседних держав. Голуби нынче дороги – за каждую породистую птицу купцы берут не меньше полновесного аквилонского солида, безумные деньги! Потому я похолодел, узрев на дворе следы преступления: черные перышки несчастных голубков пуантенской породы. Злодей, небольшой серый в коричневую крапинку ястребок, сидел на крыше голубиной клетки, жрал, а перепуганные голуби кружили высоко в небе, завидев внезапно свалившегося на их несчастные головы хищника.

– Вот смотри! – Веллан грозно ткнул пальцем в ястреба. – Твой!

В последнем возгласе оборотня не было ничего загадочного. Ястреб действительно был моим. Лично покупал в Британии

маленьким птенцом около года назад, сам выкормил, сам обучил. Ястреб справляется с доставкой депеш гораздо лучше, чем голуби или чернокрылое племя воронов. Летает он гораздо быстрее, других хищников не боится и способен найти хозяина, где бы тот не находился (в последнем случае к разумению птицы я добавил и чуточку волшебства). Так вот, когда птица выросла, я отправил ее вместе с несколькими другими «воспитанниками» в Бельверус, к герцогу Мораддину. Еще три голубя (и ястреб постарше и поопытнее) уехали в Аквилонию, и два – в Стигию, где у меня оставались старые друзья и родственники, не исключая отца.

– Цыпа-цыпа-цыпа, – поманил ястреба Веллан, настороженно посматривая в небеса, где порхали королевские голуби. – Тотлант, убери его отсюда! Весь птичник перепугает!

Ястреб повернул к нашему доблестному пограничному стражу окровавленный клюв и клекотнул что-то презрительно-недоброе. К чужим людям птица относилась настороженно, опять же благодаря наложенному мною простенькому заклинанию. Ястреб обязан знать только хозяина и человека, у которого временно живет, чтобы однажды сорваться в спешный путь с укрепленным на лапке письмом, доставив его адресату.

Письмо было. Маленький, очень легкий медный тубус, обвязанный синим шнурком.

– Ну-с, – проворковал я, протягивая руку к птице, – что нам хочет сообщить его светлость герцог?

Ястреб подумал и важно шагнул с прутиков голубятни мне на предплечье. Пока я отвязывал металлический цилиндр в заключенной в нем депешей, Веллан подзывал голубей.

– Забери с собой хищника, – ворчал оборотень. – Идите обратно в дом.

Я пересадил крылатого гонца на плечо и поплелся в сторону «Короны и посоха», попутно отвинчивая крышечку тубуса.

Маленький папирусный свиток, размером с ладонь, не больше. Исписан с обоих сторон аккуратными, похожими на круглые бисеринки, буквами немедийского алфавита. Внизу – гномья руна «Гауд», значок, которым обычно подписывается Мораддин.

…Позволю сделать себе короткое отступление от хронологии событий. С его светлостью герцогом Эрде мы познакомились чуть более шести лет назад при обстоятельствах чрезвычайных. Именно тогда, осенью 1288 года по счету Аквилонии, я отправился в Бельверус покупать новые книги и навестить некоторых знакомых.

Мое путешествие в немедийскую столицу совпало с появлением злосчастного Зеленого Огня и я, как волшебник, был

вызван к Мораддину – глава тайной службы Немедии хотел посоветоваться со всеми находящимися в городе магами, полагая, что подземное пламя имеет колдовское происхождение. Дальнейшее описывать долго, да и не нужно – эта история достаточно хорошо известна. Мораддин и Веллан, бывший тогда послом Пограничья, отправились в Аквилонию за помощью, я вернулся на Полночь, чтобы разведать хоть что-нибудь о подземном огне, засим последовала история с уничтожением Небесной Горы…

Невероятные приключения шестилетней давности не забылись, и мы, так сказать, стали «дружить домами», изредка обмениваясь взаимоинтересующими сообщениями, и еще реже – заглядывая друг ко другу в гости. Последний раз депеша из Бельверуса приходила ко мне минувшей осенью, ибо герцог Мораддин хотел посоветоваться в одном магическом вопросе, не требующем ныне развернутых пояснений.

…Я развернул свернутый в трубочку полупрозрачный папирус и вчитался.

«Тотлант, у нас неприятности».

Хорошее начало. Видимо, герцог так спешил, что даже не поздоровался.

«В Немедии происходит нечто странное; событие поставившее меня в тупик. Не буду долго говорить о политике, ибо этот вопрос тебе неинтересен, перейду к главному. Человек, которому я имею основания доверять, минувшей ночью наблюдал над столицей невиданное явление, которое иначе как воздействием магии, и не объяснишь. По описанию оно имело вид накрывшего город туманного купола с алыми или багровыми проблесками наподобие молний. Также замечен летавший под сводами купола бесформенный силуэт, отдаленно напоминавший гигантскую птицу. С земли никто ничего подобного не видит, ибо по донесению очевидца, туман, алый свет и движущийся призрак можно различить только с самой высокой башни города.

Моя жена, ныне пребывающая, увы, не в лучшем расположении духа и отягощенная телесной болезнью, также упоминала о некоем «багровом сиянии, тяготеющем к власти». Я сумел расспросить некоторых близких мне людей, знакомых с искусством волшебства, однако они затруднились с объяснениями. Вероятно, описанное явление им незнакомо. Склонен предполагать, что «сияние» неким мистическим образом может быть связано с поразившими Немедию неурядицами, хотя обосновать это подозрение ничем не могу…»

– Веллан, – обернулся я, наблюдая, как оборотень сюсюкает со своими голубочками. Ястреб косился на возможную добычу с

моего плеча и, не будь он птицей, могло бы показаться, что хищник собирается облизнуться, – Веллан, ты что-нибудь слышал о неспокойствии в Немедии?

– А то! Не следишь ты, Тотлант, за жизнью полуденных соседей, – оборотень сажал голубей обратно в клетку, попутно разговаривая со мной. – Всю зиму известия приходили. С купцами, путешественниками… Бунты какие-то, народ в столице проявляет недовольство королем, сам Нимед то ли спятил, то ли заболел, и, похоже, скоро уляжется в могилу… Чего еще? Ну-у… Эпидемия красной лихорадки недавно была, видать, из Стигии занесли, но повальную болезнь остановили очень быстро. Прошлым годом неурожай случился – да ты должен помнить! – мы хлеб покупали не в Немедии, а в Аквилонии.

– Очень любопытно, – пробормотал я, глядя на последние строчки эпистолы Мораддина:

«*Тотлант, зная тебя много лет как волшебника, интересующегося загадками, касающимися твоего ремесла, прошу покопаться в книгах и собственной памяти. Вопросы таковы: как можно объяснить видение моего свидетеля? Если «красное сияние» в действительности суть явление магическое, то от чего оно происходит и чем грозит? Может ли оно как-то воздействовать на людей?*

Не отсылай мне депеши в Бельверус, воспользуйся птицами из голубятни Белой Скалы. С непременным почтением к тебе и всем друзьям – Мораддин, герцог Эрде».

– Чего пишут? – осведомился Веллан, заглядывая мне через плечо. – Эй, Тотлант, слышишь меня?

– Н-ничего, – заикнулся я, тупо глядя на папирусный листочек. – Все хорошо.

– Когда все хорошо, у тебя не дрожат руки, – справедливо заметил господин гвардейский капитан. – Рассказывай!

– Позже, – я отмахнулся от Веллана, будто от навязчивой мухи, и быстро зашагал в дом.

* * *

Сдержанно-паническое письмо Мораддина дало мне понять, что Немедии и впрямь грозят нешуточные неприятности. Почему? Да потому что Тотлант, скучая в захолустном Пограничье, умудрился за последние годы перечитать не одну сотню доступных и недоступных трактатов, посвященных волшебных

искусствам. Специально ездил для того в крупнейшие библиотеки городов Заката, в Гиперборею, в Туран и даже за Вилайет. Коллекционировал книги, выклянчивая у Эрхарда деньги из казны на покупку старинных фолиантов, изучал древние языки – сейчас я вполне сносно говорю по-кхарийски, жаль только, всласть побеседовать не с кем. Даже умудрился разучить наречие гномов: похоже, я сейчас единственный человек на земле, способный поддержать разговор с подгорными карликами, которые всегда предпочитали общаться с людьми на языке человеческом. Знание языков помогает прорваться в новые, доселе неведомые области магии, в том числе и не принадлежащей миру людей – у каждой расы свое волшебство. Наконец, я могу похвастаться такими редчайшими, существующими лишь в одном-единственном экземпляре магическими трактатами, как Книга Бытия и «Кэннэн Гэллэр», сиречь «Звездные Имена» – здесь я должен покаяться в самой вульгарной краже, ибо во время путешествия в Халогу я попросту вынес древнюю книгу под полой из собрания свитков магов Белой Руки и очень спешно покинул Гиперборею, надеясь, что пропажу не заметят как можно дольше.

«Кэннэн Гэллэр», как указывается во вступлении к сему сомнительному труду, была составлена в совсем уж баснописные времена, вроде бы довалузийские. Книга хранилась, бездумно переписывалась после того, как старые экземпляры истрепывались, язык постепенно забывался… Я сам до сих пор не расшифровал более половины рунических записей из этой рукописи, а понять некоторые главы мне помогла (между прочим…) супруга герцога Мораддина, изредка заезжавшая в Пограничье по своим очень таинственным делам. Именно из рассказа госпожи Ринги я узнал, что почти аналогичный список «Звездных Имен» хранился у ее отца, господина Драго из Рабиров (от меня, как от волшебника, Ринга даже не пыталась скрывать свое происхождение), и язык трактата несколько напоминал наречие гулей и их письменность.

Сет Великий, Творец Теней! Если бы я знал, что именно вывез из Халоги, то сто раз подумал бы, прежде чем утащить из библиотеки Белой Руки «Кэннэн Гэллэр»! Похоже, книгу писали в те времена, когда еще и человек-то не появился. Таинственные имена, безвестные сражения, давно отгремевшие бури и грозы… Едва не через страницу поминается имя Черного Роты-Всадника – древнейшего и загадочного божества, да еще и эпитеты к сему имени прилагаются весьма превосходные… Вообще-то данный труд являлся более историческим, нежели магическим. Но кое-какие сведения по магии я из него все-таки почерпнул. И рядом

со всеми упоминаниями о волшебстве древних народов постоянно проскальзывали словечки «багровый», «красный», «алый», «рубиновый» и так далее. И что-то там было о сиянии, имеющем соответствующий цвет…

Я вихрем взлетел по скрипучей лесенке в свой флигель, попутно дал пинка незнамо как забравшемуся в дом поросенку, растолкал теснящихся в коридоре Велланових прихлебателей-стражников, ворвался в свою конуру, усадил сокола на спинку кресла и начал раскопки.

Лучшие книги, разумеется, лежали отдельно от остальных, в кипарисовом сундучке. Но, чтобы до него добраться, мне пришлось перенести с места на место не меньше двухсот фунтов рукописей, скрижалей, свитков и томов. Ага, вот и заветная кладовая!

Сверху, аккуратно завернутая в холст, возлежит знаменитая Книга Бытия (историю о том, как она попала ко мне в руки, я расскажу как-нибудь потом). Под ней – «Иероглифика и ономастика» второй Кхарийской эпохи, «Основы теургии» и… Вот оно, редкостное пергаментное сокровище!

Последний раз книгу переписывали лет двести назад в Гиперборее. Оформление соответствующее, в лучшем стиле Полуночного братства колдунов: обложка черной кожи, застежки в виде серебряных ладоней, кроваво-красное тиснение в виде языков пламени и размашистый заголовок аж на целых два листа. Киновари на копию «Звездных Имен» ушло не меньше ведра.

К сожалению, переписчики не владели древним языком альбов, на котором, собственно, и был составлен трактат, и просто перерисовывали непонятные значки. Частенько смысл фраз терялся из-за небрежности скрипторов – к концу главы переписчик попросту уставал, забывал ставить надстрочные знаки, подчеркивания и точки, обозначавшие отдельные звуки. Однако же кое-что разобрать и, что самое главное – перевести на благородный аквилонский или привычный мне стигийский языки я сумел.

Ищем главу «Дуновение черного вихря», которую я перевел как «Призрачный ветер», «Черный шторм призраков», «Мрачный смерч Полуночи» и еще не менее, чем в десяти вариантах. Смысл, однако, ясен. Есть ветер, ветер этот недобрый, а остальное – мелочи. И мутного и малопонятного рассказа о сражении, случившемся в безвестных глубинах времени, я все-таки отыскал то, что запало в мою память и дало возможность напасть на след:

«Туруфинн, король Блистательных, видел, как знак победы протекает сквозь его пальцы, ускользая из дланей, однако же король не решался опускать стяги, ибо знал, что поражение в сей

баталии равнозначно станет гибели его народа и разрушению основ. Иже Туруфинн не мыслил себя побежденным, и приказал открыть сокровищницу, и взял оттуда Камень Правды, воздел над шлемом и объяло бранное поле багровым заревом. Как серый пепельный купол одел Камень на равнины Дагхорр, где сверкали мечи, и взблески стали исчезли, сменившись пылающими алыми молниями под сводами округлого покрова. Драгоценность же, явленная Туруфинну при начале времен, не зря носит имя Правды и Истины, а добиваясь через нее неправедной победы, сделает она так, чтобы легли рядом и враг, и друг, и более впредь не сражались, ибо стали мертвыми. Так и произошло».

Прочитав этот непонятный отрывок, я положил на страницу пергаментную закладку и призадумался. Описание точь-в-точь соответствует письменному рассказу Мораддина: и рукописи наличествует купол с красными проблесками, и в Немедии наблюдали то же самое. Да, но разве спустя несчитанные столетия (а я предполагал, что эпоха Роты-Всадника относится ко временам семи-восьмитысячелетней давности, не позднее) смогли бы уцелеть хоть какие-нибудь волшебные предметы? Магия недолговечна, она имеет свойство «стираться» о поток безжалостного времени. У нас в Стигии действующий артефакт, чей возраст исчисляется двумя или тремя тысячами лет, считается безумной редкостью и становится предметом зависти. А тут – восемьдесят столетий!

Остановимся-ка на мгновение! Упомянутый безымянным скриптором Камень Правды или Камень Истины, бесспорно, относится к волшебству альбов или давно исчезнувших богов, но как тогда быть с утверждением, будто оный камушек «был явлен при начале Времен»? Туруфинн – имя, несомненно, альбийское. Легенды альбов гласят, что этот народ появился в нашем мире еще до первого восхода солнца, а следовательно, в миг Сотворения. Уж не знаю, правда это или нет, но если правда, то в таком случае даровать Камень Правды королю альбов мог только… даже подумать страшно! Сам Творец Мира? Один из его ближайших слуг? Кто?

До позднего вечера, запалив свечи и лампы, я копался в «Кэннэн Гэллэр», пытаясь отыскать другие упоминания о Камнях Истины, и поиски не оказались бесполезными. Артефакты с данным названием – всего их было, кажется, от трех до пяти штук и хранились камни у разных королей – фигурировали еще в нескольких главах летописи. Ни о свойствах, ни о происхождении более нигде не упоминалось, однако составитель книги постоянно твердил, что артефакты считались великой драгоценностью и использовать их по назначению могли лишь

немногие посвященные в Тайну.

Соглашусь. Но каково тогда назначение камней, позвольте осведомиться? Пока я выяснил только одно – артефакт во время битвы на каких-то полях Дагхорр попросту перебил и правых, и виноватых, накрыв место сражения уже набившим мне оскомину «куполом». Кстати, как я выяснил, за камни шла непрерывная война и между альбами, и между другими, совсем уж неизвестными мне народами, не имеющими к истории человечества и самому человеку ровными счетом никакого отношения.

Финал этой истории был, разумеется, грустным. В какой-то момент почти все Камни Истины скопились в крепости Роты-Всадника – Лан-Гэлломе. Указанный замок засим был разрушен, а земли вокруг него ушли на дно океана. Как я предположил, вместе с крепостью пропали и все сокровища Роты.

А если не все? Если что-то уцелело? Вещица, дарованная при Сотворении мира, наверняка не может потерять своей мощи с течением лет – в ней полыхает тот самый Изначальный огонь, божественное пламя, из которого родилась Вселенная. Если частица Пламени Сотворения сохранилась, то…

Боги великие и всемогущие! Что, в Бельверусе кто-то откопал Камень Истины и желает пустить его в дело? Ничего не зная и ничего не понимая в волшебстве древних? Бред! Бред, сказка и неуклюжий домысел! Этого просто не может быть.

…Дверь едва не снесли с петель, а дом попросту содрогнулся. Кто это, интересно, так ко мне вламывается посреди ночи?

– Веллан? – я поднял подсвечник выше, чтобы рассмотреть взъерошенного оборотня, пытавшегося отдышаться на пороге моей комнаты. – Ты почему не спишь? Что, еще один сокол? Сколько голубей задрали на этот раз?

Я откровенно насмехался, но Веллан почему-то был убийственно серьезен, чего с ним не бывало со времени, когда он последний раз проиграл в кости полугодовое казенное содержание порубежной управы, за что король собирался приговорить господина капитана гвардии к отрубанию обоих рук и еще кое-чего, более ценного для мужчины его возраста.

– Быстро к Эрхарду! – выдохнул он. – Там… Немедия!..

– Что «Немедия»? – вздохнул я, поднимаясь и набрасывая плащ. – Провалилась сквозь землю?

– Хуже! Быстрее, чего ты копаешься, питон стигийский?! Бегом!

Веллан, не желая пускаться в подробные объяснения, козликом запрыгал через три ступеньки, увлекая меня вслед. Пробежать через двор к дверям «Короны и посоха», миновать

тесноватые сени и вот мы в сердце Пограничного королевства – кабацкой обеденной зале, ныне использующейся в качестве приемной короля.

Надо же, сколько народу собралось! Сам Эрхард, его племянничек и наследник Эртель (к продувной роже Эртеля меньше всего идет пышный титул «канцлера», да и канцлером у нас его никто не зовет по привычке и традиции); Темвик – тоже оборотень из славной плеяды, взращенной нашим королем: он сотник городской стражи Вольфгарда или, как сказали бы в стране цивилизованной, «губернатор столицы». Господин Стеварт Сольскель, глава Торговой управы. Фрам, сын Дарта, наш нынешний главный строитель, а заодно и посол гномьего короля Дьюрина VIII при дворе государя Пограничья. Полдесятка дружков Веллана и Эртеля из командиров войска и порубежной стражи. Лица у всех несколько озадаченные и вытянувшиеся.

– Что такое? – страдальчески вопросил я у короля. – Опять Небесная гора упала? Прямо на Немедию?

– Похоже на то, – проворчал Эрхард. – Если бы к депеше не пришло подтверждение с гонцом конной эстафеты, никогда бы не поверил. Тут, понимаешь ли, дочка Стеварта прислала сообщение с птичьей почтой, тоже, кстати, соколом.

– А, Зенобия? – я поднял брови. Дочь господина управителя уже лет пять болталась в Бельверусе, заодно выполняя роль представителя Пограничья при короле Нимеде. – Надеюсь, Дженна не сообщила, что вышла замуж без согласия отца?

– Прекрати зубоскалить! – огрызнулся король, взял со стола записочку, очень похожую на послание Мораддина, взглянул на нее, неожиданно злобно скомкал и швырнул обратно. – У любезных соседушек творится сущий хаос. Старый король умер. Наследник погиб в какой-то заварухе. В столице пожары и всеобщий бунт. И… – Эрхард помрачнел настолько, что мне стало нехорошо.

– Говори до конца, – выдавил я. Под грудиной сжался комок очень нехороших предчувствий.

– Убит наш старый друг – Мораддин, герцог Эрде. И семья не уцелела. Госпожа Ринга, дети – погибли все… Зенобия утверждает в письме, что сама видела трупы. Все, кроме тела молодой хозяйки, баронессы Даны – в Бельверусе говорят, будто дочь Мораддина бесследно исчезла…

Словно обухом по голове!

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ КНИГИ ВОСПОМИНАНИЙ

notes

Примечания

1

Ссылка на роман О. Локнита «Пожиратели плоти».